

Дмитрий Александрович Емец
Танец меча

Мефодий Буслаев – 14

«Танец меча»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47545-2

Аннотация

В предстоящей схватке Мефа и Арея сюрпризов быть не должно. Лигул давно жаждет получить голову Буслаева и не собирается оставлять ему ни одного шанса на победу. А такой шанс есть. Если собрать вместе меч, щит и ножны Древнира, они способны удесятерить силу их обладателя. Поэтому мрак хочет заполучить их во что бы то ни стало. Но об артефактах знает не только Тартар. Светлые тоже заняты поисками и уже нашли магический щит. Чтобы достать ножны, им нужно всего лишь... допросить короля джиннов, томящегося в кувшине тысячи лет и готового рассеять в прах любого, кого увидит первым.

Дмитрий Емец

Танец меча

Человек скреплен состраданием. Как только сострадание исчезает — исчезает и человек.

«Книга Света»

Мы знаем, мы глубоко чувствуем, что там, в глубине детской души, есть много прекрасных струн, знаем, что в душе детской звучат мелодии — видим следы их на детском лице, как бы вдыхаем в себя благоуханье, исходящее от детской души, — но стоим перед всем этим с мучительным чувством закрытой и недоступной нам тайны.

прот. Василий Зеньковский

Глава 1. Булава с орлиной головой

Бояться зла не надо. Злее оно все равно уже не станет. Рассчитывать на его снисхождение нелепо. Трусов в бою убивают в первую очередь, потому что гораздо проще убить того, кто повернулся спиной, чем того, кто хоть как-то, но сражается. Даже если трус жалобно пищит: «Я не играю!» — его не щадят: «Сейчас не играешь — потом начнешь!»

«Книга Света»

Новый Арбат — не такой уж и новый. Равно как и рядом лежащий Старый Арбат — не такой уж и старый. Некогда по *Арб* ату скрипели восточные *арбы*, теперь же проносятся автомобили. Днем их поток сплошной, медленный. Ночью он ускоряется, но, и ускоряясь, не теряет непрерывности. Эпохи меняют декорации и костюмы, суть же всегда остается. Ключ к Арбатам — вечное движение.

Дождливым октябрьским вечером в районе «Дома книги», где за сто с копейками лет до того гуляющий лакей покорял соседскую горничную резиновыми калошами и часами с цепочкой, вынырнул черный пес. Он был тощий, костистый, голодный. Двигался настороженно, держался в тени домов. Сделав крюк, подкрался к киоску-прицепу, торгующему хот-догами и курами-гриль, и затаился за колесом.

Пес лежал бесшумно и тихо, даже на прошедшую вдоль стены кошку не кинулся, а лишь недружелюбно оскалился, сожалея, что она не встретила его в другое время. Несколько минут спустя подошел мужчина в свитере и купил курицу-гриль. Долго расплачивался, не спеша прятал бумажник.

Пес терпеливо ждал, созерцая сплетение ремешков на черных туфлях. И лишь когда бумажный пакет с курицей оказался у «свитера» в руках, из-за колеса взметнулась черная молния. В высоком прыжке зверь на миг поднялся на задние лапы. Ни рычания, ни лая. Пинок запоздал.

Минут пять Добряк отлеживался в кустах. Дожидался, пока прекратятся крики. Потом встал и неторопливо, как самая честная собака в мире, направился к подземному переходу.

Было уже поздно. Скрипач деловито считал вечернюю выручку. Пес остановился, внимательно слушая, как он пересыпает мелочь из банки. Звук напоминал смех красноносой старушки, которая частенько заглядывала к ним в гости и ставила в углу закутанную брезентом и пахнущую страхом палку.

Воспоминание о страшной страхом палке огорчило пса, и он зарычал сквозь курицу. Скрипач вскинул голову. У него было пухлое белое лицо и брови, похожие на усы. Из-за этого лицо казалось повернутым наоборот.

— Работаешь? И я вот тружусь! — доверительно, как своему, сказал он псу.

Пес терпеливо дождался, пока труженик скрипки уйдет, и, нырнув в боковой проход,

стал скрестись у двери с надписью: «**Ответственный: Гормост**». Видимо, не в первый уже раз: краска с железной двери местами была содрана.

С другой стороны отодвинули засов. Пес увидел девушку в кожаных брюках и высоких ботинках. Скорее всего, она и являлась таинственной гражданкой Гормост. Пес дежурно вильнул хвостом и, протиснувшись между ногой и стеной, уронил курицу на пол.

— Ужин принесли! — сообщила кожаная Гормостиха в глубину комнаты.

— Странная у тебя собака, Варвара! Сама как скелет, а одна не ест. Что не украдет — все тебе тащит, — отозвался ленивый голос.

— Моя школа... Вам оставить курицу? Или вы из собачьего рта брезгуете?

— Было время, мы с Улитой питались коровьими тушами из чумного скотомогильника, вымывая в реке трупный яд. По-другому не получалось: нас искали. — Арей не спешил покидать диван.

Ночами он лежал здесь и глазами, пьющими тьму, как мы пьем свет, смотрел в потолок, составленный из бетонных плит. Над его головой через неравные интервалы проносились машины. Когда машина была грузовой, лампочка вздрагивала.

О чем Арей думал, не знал никто. Очень часто и он сам. Для людей время вертикально. Сверху — настоящее, внизу, где-то довольно глубоко, прошлое. Они никак не накладываются и существуют отдельно. Для Арея, как для стража, время было горизонтальным. Все истекшие и настоящие мгновения он держал в памяти с одинаковой ясностью — только будущее было скрыто.

Среди ночи Добряк, лежащий у дивана, принимался громко чесаться. Его задняя лапа непрерывно стучала по полу. Варвара называла это: «заяц, играющий на барабане». Когда Добряк утихал, на столе начинал канючить и жаловаться умирающий телефон. Варвара вечно забывала его зарядить. Какое-то время Арей терпел, но заканчивалось все обычно тем, что мечник вставал и добивал аппарат кинжалом. С его точки зрения, это гуманнее, чем просто воткнуть в него провод.

Варвара уже громко ела ворованную курицу. Некоторое время спустя к ней присоединился и Арей. Не столько ради курицы, сколько ради того, чтобы быть объединенным с Варварой общим делом. Обсасывая крылышко, он с любопытством поглядывал на Варвару.

— Что у тебя с мизинцем? — спросил он озабоченно.

— А чего у меня с мизинцем?

— Верхняя фаланга!

Варвара с интересом посмотрела на левую ладонь.

— А-а! Поняла: не гнется! Кстати, тот, что рядом, тоже не того... — догадалась она.

— Ты что, впервые об этом узнала? — не поверил Арей.

— Ну почему? И раньше знала. Просто не зацикливаюсь!

— И давно это у тебя?

— Года два. Паренек один предложил на воротах постоять, а потом оказалось: мяч набит гравием. А я еще смотрю, странно он его пинает. Нogu берег, собаккер!.. Ну шляпа я, короче! Так мне и надо! Арей выдохнул в нос.

— Как мне его найти? — спросил он.

— Что, в футбол не с кем поиграть? — невинно удивилась Варвара. — Да не, нормальный парень! Мы с ним долго потом общались. Просто он... ну типа прикалывался.

Арей вскинул голову и быстро глянул в центр груди Варвары. Ему показалось, что, когда она назвала парня «нормальным», половина ее эйдоса слабо озарилась, на миг высветив контур темной половины. Арей замер, замороженный. Для него, стража, одного взгляда на эйдос было довольно, чтобы многое понять. Эйдос Варвары говорил ему больше, чем глаза, улыбка, слова. Эйдос — не только душа человека, но и его флаг. А кто захватит флаг — тот победил и армию. Некоторым, правда, кажется, что это так, тряпочка. Отдай, но сохрани пушки, а флаг сошьешь новый, когда подвернется занавеска подходящего размера. Однако стражи мрака и света — другого мнения.

Разбухший от эйдосов, но все равно голодный дарх Арея шевельнулся, потянувшись к Варваре. Арей раздраженно дернул его за цепь, уже зная, что тот сейчас кольнет его болью.

— Прикалывался, говоришь? — переспросил он, морщась. — А что ты ему в первый момент сказала, когда поймала «мячик»?

Варвара усмехнулась. Шрам на ее правой щеке дернулся, продлевая рот. «Мой гуинпленчик», нежно называл ее Корнелий.

— Вначале много чего. А потом: «с тебя шоколадка!» Только он ее до сих пор отдает... У меня было веселое детство. Самое скромное воспоминание, как мы елкой перекидывались через морг.

— Через что?!

— Ну, я у больницы жила, когда меня в семью взяли. В больнице — одноэтажный морг. Берешь лысую елку, и через крышу. А там другой деятель ловит и обратно. Так и летает елочка.

Арей попытался себе это представить.

— А там «нормальные люди» чего тебе сломали?

— Мне ничего. Но один раз санитар в фартуке выскочил и ко мне. А тут дубина через крышу летит. По высокой траектории, с запасом. Я ему ору: «Елка!», а он ухмыляется. Ну потом перестал, конечно.

— У тебя бывали счастливые моменты! — признал Арей.

— Только не когда мы на башенный кран залезли, а сторож овчарку выпустил. На всю ночь. Она внизу носится, психованная такая, а мы спуститься не можем... Декабрь, пальцы мерзнут за железки держаться. Тогда у меня еще Добряк не завелся. Он бы прикрыл.

Закончив есть курицу, Варвара присела на корточки и вытерла жирные руки о пса, уткнувшего морду ей в плечо. Осчастливленный Добряк, принявший это за ласку, попытался вымыть ей лицо мокрым языком и схлопотал средней силы боксерский апперкот.

— Захлопни копилку, болонка! На опыты сдам! — велела ему Варвара и добавила еще пару слов.

Нежность у Варвары была эпизодическая. Будь на месте Добряка песик поменьше, он месяцами не вылезал бы из-под кровати и даже до своей миски добирался бы короткими перебежками.

Арей засопел, медленно багровея.

— Опять этот свет! — взглянув на него, опередила его Варвара.

Барон мрака вздрогнул.

— Что ты сказала?

— А ничего! Вас передразнила! Стоит мне рот открыть, вы шипите: «Опять этот свет!» Не нравлюсь? Пристрелите!

Арей угрюмо молчал. Варвара стояла напротив прямая как стрела, воинственная, с высоко вскинутым подбородком — чем-то неуловимо похожая на самого Арея. И неважно, что он грузен — сходство залегало глубже внешней формы и относилось, скорее, к содержанию.

— Я даже рта не открыл! — буркнул Арей, начиная злиться, что ему приходится оправдываться.

— А пыхтеть зачем?

— Пыхтеть?

— А то нет? Не понравилось, что я ругаюсь? Одеваюсь не так? Ботинки мужские? Купите мне белое платье и синий бантик!.. Черный, сгинь! Стань невидимкой!

Добряк заскулил и полез прятаться под диван. Однако протиснулись только передние лапы и голова. Добряк застрял.

Арей за заднюю лапу выдернул Добряка из-под дивана.

— Остынь, Варвара! Никто тебя не трогает!

Ощущая полную свою беспомощность и невозможность что-то объяснить или доказать, он грузно плюхнулся на диван. В прореху в носке проглянул большой палец с грубой кожей

и желтоватым неровным ногтем. Впервые в жизни Арей ощущал, что не может решить проблему ударом меча — и это его сердило.

Варвара подошла к зеркалу, огромному, чуть выпуклому, висевшему до ремонта на конце платформы станции «Арбатская». Дотащить его Варвара смогла только с помощью Корнелия. Навьюченный Корнелий всю дорогу отказывался быть грубой мужской силой и ворчал.

Варвара стояла перед зеркалом и критически изучала свое отражение.

— Ну и рожа! Уродилась же в какую-то сволочь! — сказала она горько.

Арей повернулся так резко, что у дивана со звуком пистолетного выстрела треснула ножка. Варвара удивленно повернулась. Мечник медленно поднимался. За его спиной заваливался диван.

— Ну что еще такое?

— ТЫ — ОЧЕНЬ — КРАСИВАЯ! — произнес Арей с угрозой.

Добряк заскулил и снова полез прятаться. Однако под сломанный диван протиснуться оказалось еще сложнее, и Добряк сумел просунуть только морду.

Приподняв брови, Варвара уставилась на Арея.

— А вам-то какая разница?

— ЭТО — НЕ — ОБСУЖДАЕТСЯ!!! — с нажимом повторил Арей.

Варваре стало не по себе. Она поняла, что либо ей придется признать, что она самая красивая девушка на земле, либо ей сломают шею. Из двух зол приходилось выбирать меньшее.

— Так ибыть. Уговорили! Я очень красивая! — хмыкнула Варвара.

Арей смягчился.

— Все, проехали! Давай о другом... Э-э... Купить тебе машину?

Варвара перечеркивающе дернула подбородком:

— А толку? Я еще позавчерашнюю не разбила!

— Долго возишься. Мамай обычно справлялся с этим гораздо быстрее, — вздохнул Арей.

— Мне надоело! — сказала Варвара с вызовом.

— Что надоело? — забеспокоился Арей.

— Все надоело! Идиотство жить в переходе, где вода только холодная и из технического крана, и каждый день менять машины!

— В переходе безопаснее. Не буду объяснять, почему, просто поверь... А что с деньгами? Может, дать тебе денег? — спросил мечник с надеждой.

То же категоричное движение подбородком перечеркнуло его надежды.

— Да вроде банкомат пока выдает. Что у меня за кредитка такая бесконечная?

Арей смущенно промычал что-то. Лишенному эйдоса банкиру со съедобной фамилией Тывочка было популярно растолковано, что он отправится в Тартар первым рейсом, когда у Варвары закончатся деньги.

Дверь дрогнула от короткого одиночного удара. Он был гораздо тише, чем даже Добряк обычно скребся лапами. Варвара не придавала ему особого значения, однако Арей сорвался с места и, прижавшись к стене, извлек из воздуха меч. Не замахинаясь, присел на колено и отвел лезвие назад, как готовый к удару бильярдный кий.

— Не войдут! Засов! — сказала Варвара.

Не сводя глаз с двери, Арей ощерился как волк. Засова больше не существовало. Растекшееся бесформенное пятно на его месте могло быть чем угодно. В комнату осторожно просунулся маленький кособокий страж с плоским лицом и узенькими, как стрелки, бакенбардами. Следом за ним стояли еще двое — одеты щеголевато, надушены, но веки красные, точно обожженные, без ресниц.

Типичные наемники из Нижнего Тартара. Духи перебивают неистребимый запах серы, пестрая одежда отвлекает внимание от лица. Первый с короткой булавой, отлитой в форме орлиной головы. Его спутник — с парой коротких клинков. Клинки он держал расслабленно,

в опущенных руках.

Шеей кособокий не двигал — только зрачками. Узкие быстрые глазки скользнули по комнате. Завершив полукруг, вопросительно остановились на мече Арея, направленном ему в живот. Глазки моргнули, однако лицо осталось невозмутимым. На грозный меч гость посматривал с любопытством, но, пожалуй, без страха. Не двигаясь, маленький страж вскинул руку. Его спутники застыли.

— Здравствуй, Арей! — с укором сказал кособокий. — Я думал, ты обрадуешься старому приятелю!

— Старые приятели не ломают дверей. — Арей не делал попыток убрать меч.

— Я постучал. А эти железки... да ты сам все про них знаешь!

— И еще старые приятели не берут с собой наемников!

— Это моя охрана. У меня много врагов. А друзей мало. Но ты один из них, Арей!

Барон мрака взглянул на свой покрытый щербинами клинок и, встав, закинул его на плечо.

— А у меня друг один — вот он. Единственный, к кому я рискну повернуться спиной.

Маленький страж засмеялся.

— Ты всегда был одиночкой, Арей! Но, увы, мы живем в век больших легионов! В одиночку теперь не воюют.

— И с кем ты собрался воевать, Орл?

— Об этом, если не возражаешь, поговорим позже! Ужасно много ступенек... я запыхался... уф... — Подволакивая ногу, кособокий прошел в комнату и тяжело опустился на стул. Его спутники протиснулись мимо Арея и остановились — один справа, другой слева.

Забившись в угол, Добряк затравленно рычал, переходя на вой. Кожа на его морде собралась складками. Наемник с булавой шагнул к псу, но Арей мечом преградил ему дорогу.

— Помогать мне не надо! Когда пес мне надоест, я убью его сам!

— Кто? ВЫ? Только попробуйте хоть пальцем прикоснуться! — взвизгнула Варвара, срываясь с места.

Узкие глазки кособокого вопросительно метнулись с Варвары на Арея. Арей отлично это заметил.

— Варвара! Иди погуляй!.. — приказал он.

— Не надо! — Орл косо улыбнулся сухим ртом. — Пусть останется. Она не мешает.

— Она мешает мне! — возразил Арей. — Варвара, ты слышишь? Уйди!

— Может, это вы погуляете? Выгонять меня из моего дома... — вознегодовала Варвара.

— Варвара! Я тебя очень прошу... Исчезни! — повторил Арей голосом тихим и страшным.

Варвара уступила. Хмыкнув, она схватила Добряка за ошейник и потянула его к двери. Пес продолжал рычать и упираться лапами.

— А ну двинь! Не шлагбаум! Ноги убрал, говорю! — велела Варвара стражу с двумя клинками.

Тот, ухмыляясь, остался на месте. Его дарх корчился на цепи и тянулся к Варваре.

— Девушка просит! Отойди! — быстро сказал кособокий, взглянув на лицо Арея. Наемник неохотно сделал шаг в сторону.

Арей попросил Орла подождать и вышел вслед за Варварой, прикрыв за собой дверь.

— Кто это? Что им надо? — хмуро спросила Варвара.

— Неважно.

— А что важно?

— Варвара! Вызови Корнелия и будь с ним! — приказал Арей.

Варваре показалось, что доктор прописал ей неправильные ушные капли:

— Корнелия? Мне? Вы же не хотели, чтобы я с ним встречалась!

— При чем тут это? Даже на минуту не оставайся одна!.. Сюда придешь, только когда я

тебя позову! Если через час я с тобой не свяжусь — не спускайся в переход вообще! Забудь сюда дорогу!

— Ничего себе «забудь дорогу»! Это мой дом!

— Запомни, что я сказал!

Не дожидаясь ответа, Арей развернул Варвару и несильно толкнул ее в спину. Недовольно оглядываясь, она стала подниматься по ступенькам перехода.

Орл бродил по комнате, трогая разные предметы. Увидев Арея, вновь опустился на стул. Арей остановился у дальней стены так, что атаковать его короткими клинками можно было только с подшагом.

— Занятная девушка! С эйдосом и... ведет себя смело. Интересно, она догадывается, на кого фыркает? — поинтересовался Орл.

Маленькие глазки путались в бороде Арея, изредка всплескивая на его лицо.

— Ты пришел, чтобы обсудить со мной *это*? — хмуро спросил Арей.

Голос Орла стал деловитым.

— Не только. Есть и другое. Мы можем быть с тобой откровенными?

— Не можете, — отрезал Арей.

— Почему?

— Не желаю быть сейфом для хранения ненужных мне тайн.

— Все же попытаюсь тебя заинтересовать! — Орл привстал и пальцем неспешно начертил на стене руну против подслушивания.

Арей наблюдал, как руна зреет и жирным пауком замирает на стене. Теперь даже самый любопытный комиссионер не услышит ни звука. Но Арея больше заинтересовало другое. Пока правая рука Орла рисовала руны, левая, стараясь казаться незаметной, прочертила длинным ногтем на штукатурке мелкий значок.

Орл удовлетворенно пригладил бакенбарды.

— Ну вот и готово! Мы здесь потому, что нам надоел Лигул!

Сказав это, кособокий страж быстро выпутал из бороды глазки и встретился с глазами Арея. Тот остался равнодушным.

— И?... — вежливо подытожил мечник.

— Тебе мало? — не поверил Орл. — Мы говорим тебе, что нам надоел Лигул, а ты отвечаешь вялым: «И?»

— Кто эти грозные «мы»? Ты и два твоих друга? — Арей иронично поклонился наемникам.

— Не смейся, Арей! Нас много! Многие еще не определились, но мы уверены: они примут нашу сторону. Лигул сделал мрак бюрократическим посмешищем. Где бывшая вольница? Где ночные пирушки, которые бывали при Кводноне? Где разгул, где потоки крови? В наше время вся кровь уходит на чернила!

Спутники Орла согласно закивали, хотя во времена Кводнона их, как адскую мелочь, на пирушки явно не приглашали.

— А как сейчас делят эйдосы? — продолжал накручивать Орл. — Все лучшее Лигул оставляет себе и своим любимчикам! Сколько душ ты отправил в Тартар, Арей? Миллионы! А сколько досталось тебе лично? Жалкие тысячи!

При упоминании об этом взгляды наемников Орла алчно коснулись дарха Арея. В Тартаре ходили слухи, что там, внутри, — одна из лучших коллекций мрака.

— А дуэли? — Орл растянул губы в брезгливой улыбке. — Теперь, чтобы пришить кого-нибудь, нужно полдня заполнять бумаги, а после отсыпать канцеляристу Лигула пятую часть трофейных эйдосов в ненароком приоткрытый ящик! Конечно, если не желаешь неприятностей. Их дархи пухнут от эйдосов, а клинков эта канцелярская сволочь сроду не держала!

Арей зевнул со щелчком челюстей:

— Ну, пансион печальных вдовиц, положим, существовал и при Кводноне. Тогда канцеляристов заставляли носить мечи, но большинство, чтобы не таскать лишний груз,

втайне спиливали клинки и набивали ножны тряпками... А что, Орл, твои ночные мальчики тоже заполняют бумаги, собираясь кого-нибудь грохнуть? Могу себе представить, каких усилий им стоит вспомнить буквы!

«Ночные мальчики» зашевелились. На Арея они смотрели как псы, ожидавшие команды «фас».

— Напрасно издеваешься, Арей! Они действительно недовольны Лигулом! Их протест заслуживает уважения! — с укором произнес Орл.

— Чей протест? Их? В недовольстве их суть. Вчера они были недовольны светом, сегодня Лигулом, а завтра будут недовольны тобой. Забудь им заплатить — и посмотри, что произойдет.

Страж с булавой ухмыльнулся. С его точки зрения, только сейчас Арей сказал нечто дельное.

— Мы считаем, что Лигул не так уж неуязвим, — торопливо продолжал Орл. — Разумеется, его хорошо охраняют. Атаковать саму резиденцию безумие, однако в экстренных случаях Лигул покидает ее всего с двумя-тремя десятками охранников. И если подгадать момент, то...

— ...несколько дельных клинков решат дело, если усилить их двумя-тремя арбалетчиками, — прервал Арей. — Конечно, ни один из них не попадет в цель, поскольку охрана Лигула просчитала такой вариант, но в случае действительно серьезной опасности горбун попытается телепортировать. Необходимо лишь создать видимость такой опасности. В момент телепортации возникнет временный провал магического поля и опытный копейщик получит две-три секунды для броска...

Орл схватился за сиденье стула и наклонился вперед.

— Копейщик? Зачем копейщик, если есть арбалетки?

— Именно копейщик, потому что арбалету не пробить контура рунной защиты. А с мечом к нему не подпустят, — закончил Арей.

Орл переглянулся с «ночными мальчиками».

— Ты что? Сам думал об этом? Об устранении... э-э... Лигула? — спросил он хрипло.

— Когда-то на маяке я только тем и занимался, что мечтал о мести. Времени было — океан. Он же, кстати, и вокруг, — Арей ухмыльнулся. — В среднем я придумал около двух сотен почти идеальных планов. Для лучшего из них нужны были всего шесть исполнителей, из которых гарантированно погибали четыре. Для худшего — около двух десятков, причем погибали все. Тот, что я озвучил сейчас, из средненьких.

— Арей, ты нам необходим! Эти планы... ты их не забыл? — хрипло спросил маленький страж.

Мечник покачал головой.

— Я изменился, Орл! Раньше я хотел власти, теперь не хочу ничего. Оставь меня в покое — и это будет самая большая услуга, которую ты мне окажешь.

— Ты изменился? Невозможно! Меняются люди.

Арей задумчиво разглядывал старомодные пуговицы Орла. В отличие от «ночных мальчиков», хромой страж не был щеголем.

— На какой-то год ссылки... помнится, зимой... я стоял на верхней площадке маяка, глож от ветра и уже собирался уходить. И тут меня посетила совсем простая мысль. Лично для меня каждый следующий повелитель мрака неизменно оказывался хуже предыдущего. И я оставил Лигула в покое. Ты не поверишь, Орл! Я даже сформулировал закон, который нескромно назвал законом Арея: «Любое насильственное изменение данности ведет к ухудшению ситуации, ибо данность есть высшая и единственная возможная реальность».

Орл сидел, сложив на коленях короткопалые руки. Его глазки почти исчезли, остались щелочки.

— Всем известно, что вы с Лигулом враги! — сказал он недоверчиво.

— У меня был один враг — Яраат. С Лигулом же, помнится, я несколько раз беседовал наедине. Уже после маяка. У меня не отбирали даже меча, так что делай выводы сам...

Орл вновь начал приглаживать бакенбарды. В такие секунды он становился похожим на умывающуюся выдру.

— Арей!.. Ты обязан быть с нами! Нам нужен предводитель, которого уважали бы старые рубаки. За тобой пойдут без колебаний. Но все нужно завершить до коронации Прасковьи и твоего боя с Буслаевым.

Арей разглядывал желтую, с подтеками штукатурку. Лампочка качнулась: проехал грузовик.

— А Меф тут при чем? — спросил он равнодушно.

— Коронация Прасковьи не состоится до боя. Все силы Кводнона должны быть сосредоточены в одних руках. Это единственное условие коронации. А раз так, Мефодий обязан умереть. Пусть даже свет заберет его эйдос, неважно — освобожденные силы притянутся к той части, что сейчас у Прасковьи.

Арей пожал плечами.

— Ну и прекрасно! Прасковья так Прасковья...

Орл укоризненно заскрипел стулом.

— Арей! Я тебя не узнаю! Ты собираешься повиноваться человеку, который встанет во главе мрака?

— А что такого?

— Арей!!!

— Не мне, конечно, проникать в высокие замыслы нашего повелителя, но, подозреваю, горбунок хочет показать Эдему, что девушка с эйдосом, возвращенная мраком, ничем не отличается от стража мрака. Это будет болезненный укол. Ведь эйдос — частица абсолютного света. Абсолютного! Даже Троил не содержит в себе абсолютный свет напрямую, а лишь отражает его.

— Но человеку, Арей! Человек — и на престоле мрака!

Мечник равнодушно дернул щекой.

— Что это меняет? Реальная власть все равно останется у Лигула. Он просто уйдет в тень. Только Лигул, как истинное порождение канцелярии, способен внушить нашим чернильницам ужас. Они говорят на одном языке. Нас с тобой, не говоря уже о Прасковье, они обведут вокруг пальца.

Хромой страж несогласно дрогнул бровями.

— Я давно знаю тебя, Орл! В первый день ты устроишь резню. Зарубишь канцеляристов пять, остальные в ужасе разбегутся. На второй день не сможешь найти какой-нибудь бумажонки и волей-неволей пошлешь за закапанной чернилами рожицей. Рожица приведет с собой вторую, третью... Через неделю все станет как прежде, даже хуже. Пугая тобой, канцеляристы только увеличат поборы. Ах да! Ну и снова начнут носить мечи, набивая ножны туалетной бумагой!

Орл не дослушал его.

— Мы не хотим повиноваться девчонке с эйдосом!.. Не хотим и — баста! Решай, Арей, с нами ты или нет! Посмотри на себя! Ты, как крот, забился в подземный переход! Сколько ты тут просидишь? Месяц? Год? Или, может, Лигул не знает, где тебя искать?

На этот раз Орлу удалось добиться своего: нащупать больное место Арея.

— Хоть мой переход и подземный, но все же по-выше Среднего Тартара... — сказал мечник после долгого молчания. — Ну хорошо, Орл: да.

Глазки-копилочки увеличились настолько, что теперь в них проскочила бы и крупная монета.

— Что «да»? Ты с нами? — спросил он, не сумев скрыть возбуждения.

— Это пока размышлительное «да», — охладил его пыл Арей. — Давай рассуждать. Допустим, план сработал. Лигул поймал горбом копые. Двадцать дюжин его приспешников зарублены. Остальные торопливо вспомнили, что всегда рассказывали про горбуна анекдоты и терпеть его не могли. Дальше что: кто станет во главе мрака?

Орл стал непроницаемым.

— Мрак сам выберет достойного, — сказал он сухо. — Тебе же обещаю, что ты вновь будешь начальником русского отдела. А Пуфса, этого канцелярского выдвиженца, мы четвертуем.

— Я не так жесток. Я отправлю его на Архангельские болота устраивать ночные огоньки. И, если он будет стараться, со временем повышу до рядового лешего, — сказал Арей мечтательно.

— Как хочешь, — равнодушно согласился Орл. — Только с одним условием...

— С каким?

— Тот, кто идет с нами, не может иметь слабостей!

Арей посмотрел на притулившийся в углу бочонок с медовухой.

— Хорошо. Этот допью и брошу, — пообещал он с грустью.

Орл покосился на две глиняные кружки, стоящие на деревянной крышке бочонка.

— А вторая чья?

— Это ко мне пенсионерка приходит. По хозяйству помочь, супчик сварить, — не дрогнув бровью, объяснил Арей.

Мамзелькина повадилась заглядывать к нему в гости почти каждый вечер и засиживалась допоздна. Смертность в мире резко уменьшилась, что позволило сразу двум экстрасенсам заявить об астральном прорыве человечества к бессмертию, формировании *homosuperior* как отдельного вида и о своих собственных скромных заслугах в этом направлении.

Правда, уже на следующий день один *homosuperior* умер от инсульта, а второй непонятным образом улетел на машине с моста. Аида Плаховна сожалела, что перепутала разнарядки. Она написала Лигулу заявление об уходе, однако заменить старушку было нечем, и все ограничилось выговором.

Зоркие щелки глаз Орла перепрыгнули с бороды на ноздри Арея, с ноздрей на скулы и со скул на лоб. Контакта глаза в глаза они упорно избегали.

— Ты не понял, Арей! Медовуха не слабость. А если и слабость, то простительная. Слабость — привязанность к человеку с эйдосом, — вкрадчиво сказал Орл.

Арей удручился.

— К Буслаеву? Да, есть немного. Синьор-помидор долго был рядом. Способный ученик. В лучшие его месяцы из ста боев со мной он смог бы выиграть два. Жалко убивать. Со временем из него вышел бы толк, хотя человеческие тела удручающе недолговечны.

— Не к Буслаеву, Арей!

— К Улите? Она, конечно, человек, но все же ведьма и образцовая секретарша...

Орл поморщился.

— Я говорю об этой девчонке, Варваре!

— О ВАРВАРЕ? Так вот почему ты хотел, чтобы она осталась, — раздельно сказал Арей.

Маленький страж вскинул голову. Крокодилья складка на подбородке исчезла. Двойной подбородок перешел в одинарный.

— Возможно, тебя это не обрадует, но суккубы в Верхнем Тартаре уже продают ее фотографии. Ты как-то поцеловал ее в лоб. Этот момент и запечатлен. Очень патетичный снимок. Я лично зарубил суккуба, который пытался мне его продать.

— Ты ограничил мою благодарность своей болтливостью, Орл, — холодно сказал барон мрака.

— Подумай, Арей! Пока она с тобой рядом, ты посмешище! Лучший меч мрака, как бобик на при-вязаи, пляшет под дудку девчонки! Никто из старых рубак не встанет под знамя такого предводителя!

Арей разглядывал свою левую ладонь, в задумчивости касаясь ее длинным ногтем мизинца.

— Я не пляшу ни под чью дудку!.. Проклятая мозоль! И откуда она только берется?

Пустив в ход зубы, он стал ее обгрызать. Наемник с двумя клинками брезгливо

поморщился. Прежде он много слышал об Арее, а тот оказался грузен, нерешителен и смешон.

— В Тартаре считают иначе. Вспомни Стеньку Разина! Не стража даже — человека! Не шнырни он за борт персидскую княжну, кто пошел бы за ним? Проснись, Арей! — крикнул Орл.

Его пламенная речь не согрела слуха мечника.

— Так что мне сделать-то с Варварой? — поинтересовался он с интонацией, неуловимой для всякого, кто плохо его знал.

— Решайся, Арей! Ее эйдос — и муравейник успокоится. Рубаки вновь начнут тебя уважать. А тело сможет служить мраку и дальше, как получилось с Улитой. Привязанность к мясу никого из наших всерьез не волнует.

— Мясо без эйдоса — говядина, умеющая читать и писать. Она временна. Вечности у нее нет, — сказал Арей брезгливо.

— С Улитой это тебя устраивало, — возразил Орл. Арей ничего не ответил. Орл принял молчание за готовность уступить.

— Не обманывай себя! Нам нужен предводитель, которого ничего не держит! Предводитель, который не повернет назад и даже мыслями не будет привязан к бабьей юбке!

— Оставьте Варвару в покое! — произнес Арей тихо и почти просительно.

Орл упрямо покачал головой.

— Нет! Я спущусь в Тартар только с тобой и с эй-досом Варвары!

Арей приподнял брови.

— Я правильно понимаю: это угроза?

— Ты уже слишком много знаешь. — Орл многозначительно замолчал.

Арей вздохнул.

— Есть в отношениях вещи, которые нерационально выговаривать до конца, потому что в конце тупик... — Мечник не сделал ни подшага, ни замаха, ни даже движения плечом. Клинок, лежащий на его коленях, скользнул параллельно полу и врезался на палец ниже правого бакенбарда Орла.

Однако голова маленького стража осталась у него на плечах. Что-то остановило меч Арея в сантиметре от цели. Орл даже не попытался встать.

— Ты не поверишь! Я был близок к тому, чтобы испугаться, — сказал он с искусственным смешком.

Арей нанес ему еще один быстрый удар. И снова неведомая сила отбросила клинок. На этот раз Орл даже не моргнул. Взгляд Арея скользнул по его пустым ладоням. Наемник слева от Орла, скалясь, поигрывал булавой. Зрочки птичьей головы сверкали драгоценными камнями.

— Орлиная голова! — пробормотал Арей.

— Разобрался, наконец! — одобрил Орл. — Булава с орлиной головой — единственный артефакт мрака, блокирующий твой меч! Нам пришлось облазить все лавки старьевщиков Среднего Тартара. Нелегкая работенка! Видел бы ты, в каком она была состоянии! А камни! Вообрази: этот негодяй пытался их подменить!

— Вот так признание! А я-то удивлялся, когда ты успел осмелеть, Орл! — сказал Арей.

Кособокий страж встал. Его спутники не спускали Арея глаз.

— На всякий случай: телепортировать бесполезно. Ты погибнешь!

— Само собой. Я видел, как ты начертил блокирующую руну, — кивнул Арей.

— Видел? — удивился Орл. — И тебе это не показалось подозрительным?

Арей не ответил. Его палец скользил по рукояти меча, точно прощаясь с ней.

— Не обижайся, Арей! — продолжал Орл, оправдываясь. — Я обязан был все предусмотреть. Я старый, неповоротливый, хромо... Где мне с тобой тягаться? Не умею я думать, меня давно бы убили. Мы действительно надеялись договориться, Арей! Никто не думал, что ты окажешься таким сентиментальным. Теперь, конечно, всякому сотрудничеству конец.

Арей посмотрел на щеголеватых наемников. Внешне расслабленные, они ловили взглядом всякое его движение. Грамотные ребята.

— Ты связался с охотниками за дархами, Орл! Вот где корни твоей ненависти к горбунчику!

По лицу Орла скользнула тень. Для стража старой закалки быть названным «охотником за дархами» хуже, чем поймать «подлеца». «Охотниками» обычно становятся никчемные стражи, не способные добыть эйдосы на честной дуэли и слишком глупые для того, чтобы выцыганить их у людей. Охотник за дархами убивает в спину, из засады, ядом, удачно подобранным артефактом — чем угодно. Его цель — получить эйдосы из чужого дарха.

— Сколько ты им обещал моих эйдосов? Половину? — насмешливо спросил Арей.

Орл с тревогой покосился на наемников. Видно, обещано было меньше.

— Неважно, — торопливо сказал он. — Эйдосы можно добыть двумя способами. Первый — занудный: трудиться самому. Второй, вот любимый, найтитого, у кого много эйдосов в дархе, и помочь ему расстаться с ними и заодно с головой.

— Я никогда не выбираю себе противников по этому принципу, — возразил Арей.

— Но и дархами их не брезгуешь, — уточнил Орл. — Я что-то путаю или у тебя одна из лучших коллекций мрака? Из рубак, конечно. О Лигуле умолчу... Давайте, ребята!

Охотники стали придвигаться к Арею. Спешки в их движениях не было. Однако прежде, чем они оказались рядом, Арей швырнул свой бесполезный меч в наемника с двумя клинками и грузно прыгнул на Орла. Стул, который он задел, встал на две ножки, покачался в нерешительности и, наконец, упал. Сцепившись, оба стража покатались по полу и остановились лишь у дивана. Орл, оказавшийся снизу, хрипел и большими пальцами пытался дотянуться до глаз врага. Арей, навалившись, давил Орла цепью его дарха.

Наемники переглянулись. Тот, что с булавой, ногой отбросил меч Арея. Другой сгреб барона мрака за волосы и запрокинул голову назад. Хрустнули позвонки. Резко обозначились сизые жилы на напряженной шее. Быстрым вороватым движением страж провел клинком от уха до уха. Сделав это, он резко, не желая испачкаться кровью, оттолкнул от себя голову Арея. Что-то забулькало. По телу мечника пробежала дрожь, однако рук он не разжал, а только еще больше навалился на залитого кровью Орла.

Тартарианец отступил на полшага. По его опущенному клинку ползла единственная черная капля. Наемник стряхнул ее, коротко замахнулся и резким, отработанным ударом сверху вниз вогнал клинок через левую ключицу в сердце Арея. Сделав это, отвернулся и пошел. В его движениях была картинная небрежность профессионала, завершившего дело и не нуждающегося в проверке результата.

Спохватившись, что барон мрака убит без его участия и нечем будет похвастать, наемник с орлиной головой заспешил. Рванулся к Арею и булавой ударил его в висок.

Орл, залитый кровью и придавленный телом Арея, неуклюже выбирался. Цепи дархов спутались. Дархи сражались, как две пиявки, переплетая друг друга. Орл, вынужденный стоять на четвереньках над трупом, нетерпеливо дернул за цепь, растащив их.

— Долго возились! Меня едва не прикончили! — пожаловался он, кашляя и растирая шею.

Опьяненные кровью наемники что-то забормотали в свое оправдание. Орл уперся коленом в спину Арея и с усилием выдернул торчащий в его теле клинок.

— Мясник ты, братец! Зачем так глубоко-то? Не учат вас штыковому бою, — ворчливо сказал он.

Страж, чей клинок держал в руках Орл, протянул за ним руку. Однако кособокий медлил его отдавать.

— Хорошая сталь! Я даже, кажется, узнаю кузнеца... А вот заточка мне не нравится. Я еще понимаю: точить сабли или кинжалы, чтобы они перерубали волос, но полумечи — их-то за что терзать? Такая заточка сбивается после первого же боя — что в ней толку?

Наемники обменялись вопросительными взглядами. Такие разговоры были не в духе хромого стража. Орл с усилием провел рукой по лицу, стягивая его с себя, точно маску.

Когда он опустил руку, перед тартарианцами стоял Арей. Страж с булавой попятился. Споткнулся о тело и упал на настоящего Орла, мертвого, как после недружественного визита Лиды Мамзелькиной.

Арей поднял ладонь. Прямо у пальцев, на подушечке, которую он недавно грыз зубами, острым ногтем были процарапаны два треугольника, соединенные волнистой прямой.

— Морок! — пояснил Арей. — Когда двое катаются по полу, их непросто различить. Правда, были неприятные моменты. Я так старательно поддавался, что Орл действительно чуть меня не придушил!

Страж с коротким мечом с громким криком бросился на Арея. Впервые за историю своего существования парные клинки-близнецы выступили друг против друга. Они успели встретиться трижды. Затем Арей шагнул навстречу удару, продавил защиту и вогнал клинок в глазницу своего противника.

Теперь остался только один — с орлиной буланой.

— Дерись! — приказал ему Арей. — Насколько я понимаю, этот клинок твоя булава не блокирует?

Охотник за дархами сражался отчаянно, не ожидая пощады. Булавой он владел недурно, и Арей, вынужденный сражаться чужим мечом, провозился с ним почти четверть минуты.

Когда все было кончено, Арей выпрямился и, вытерев мокрое лицо, отбросил чужой клинок. Установившуюся тишину нарушал негромкий трущщийся щук. Дархи, прикованные к своим хозяевам, бились на цепях, пытались отползти и спрятаться.

Мечник направился было к дархам, но, о чем-то вспомнив, вернулся и поднял с пола булаву. Орлиную голову он расплющил несколькими ударами о стену. Саму булаву сломал и, сложив обломки в кучу, поджег. Пламя, черное, бездымное, непроницаемое, липкое, как смола, не нуждалось в веществе для горения — истинное пламя, пылающее в трещинах на дне Нижнего Тартара.

Арей отодвинулся в дальний угол комнаты, отвернул лицо. Он не любил напрасного риска. Даже капля этого огня, попав на кожу, прожигает до кости. Когда спустя несколько секунд пламя опало, от булавы не осталось даже пепла.

— Вот и все! Теперь ты снова самый сильный! — сказал Арей своему мечу и занялся дархами.

По очереди сдергивая их с шей у наемников, Арей бережно, чтобы не смешать с эйдосами осколки, раскалывал дархи снятым с пояса Орла кинжалом и пересыпал трофеи в собственный дарх. На несколько секунд замирал с закрытыми глазами, ощущая сухое, палящее возбуждение, понятное только стражам мрака.

Так продолжалось долго. Даже четверть часа спустя Арей ползал на четвереньках и выбирал из осколков дархов последние высыпавшиеся эйдосы.

* * *

Металлические двери не скрипят — они повизгивают. Барон мрака резко обернулся, нашаривая лежащий на полу меч. На заглянувшего в комнату Корнелия уставились глаза зверя. В них не было выражения, блеска, колебания. Даже злости. Пустой, ясный, деловитый взгляд.

Корнелий, редко размышлявший о глобальном отличии света и мрака, впервые осознал, что такое разные плоскости мышления. Сострадание — качество, корнящееся в абсолютном свете и только от него приходящее. Если связь со светом нарушена, невозможно и сострадание. Оно оказывается вне системы нравственных координат — как сейчас Корнелий для Арея. Мечник шагнул к нему, рванул Корнелия за руку с флейтой и, точно морковку, продернув его в комнату, приставил к горлу клинок. Корнелий ощущал узкий холод на шее и не понимал: может, это уже порез? Может, он ранен?

— Я свой! — торопливо промямлил Корнелий, чувствуя, что его жизнь висит на волоске.

— Моих у света нет! — отрезал Арей, алчно разглядывая крылья на шее у Корнелия.

— Я пришел сражаться! Где они? На шесть и по хлоп... — Корнелий осекся. — Сколько их было? Варвара сказала: трое! — Связой света со страхом посмотрел на кучи, сохраняющие форму тел. Их тоже было три.

Арей не то оскалился, не то улыбнулся. Все же связой света почувствовал, что имя «Варвара» действовало на него успокоительно и стало для Корнелия пропуском в жизнь. Мир Арея представлял собой огромное, темное, раздувшееся «Я». И все, что за его рамками, для Арея не существовало. Одна только Варвара мерцала внутри этого ночного «Я» крохотным островком света.

Ручища Арея, державшая Корнелия, разжалась.

— Где Варвара?

— Я оставил ее наверху, с собакой. Я честно хотел помочь! — сказал Корнелий, переводя дух.

— Очень своевременно! Иди к ней! Я позову Варвару, когда наведу порядок. И запомни: ты ничего не видел! Они погостили и ушли.

Ссыпав эйдосы, Арей внимательно оглядел ладонь. Случалось, эйдосы прилипали к влажной коже.

— Вы их порабощаете! — с болью произнес Корнелий.

Арей провел пальцем по изгибам своего сытого дарха.

— Тебя это удивляет? Я барон мрака.

На полу остался единственный эйдос, блестевший в пыли как крупинка золота. Корнелий и Арей заметили его одновременно. Корнелий метнулся его поднимать, но Арей безжалостно наступил ему на пальцы.

— Руки прочь! Мое! — потребовал он. Морщась от боли, Корнелий вскинул голову.

В его глазах дрожали слезы.

— Оставьте мне хотя бы этот! Я отнесу его свету! Смотрите, как он мерцает! Ему больно! Он много страдал у них в дархах. Разве вам мало того, что вы сегодня получили?

— Кому было больно? Ему? Да что ты знаешь о боли? О голоде, который невозможно утолить? Да всех эйдосов мира не хватит, чтобы наполнить пустоту единственного дарха! — Оттолкнув Корнелия сапогом, Арей наклонился и отправил последний эйдос в свою корчившуюся от удовольствия сосульку.

Снова наклонился, рывком привел Корнелия в горизонтальное положение и отряхнул плечо, на котором остались следы подошвы.

Корнелий понуро ушел. Арей стал быстро наводить порядок. Он стремился, чтобы к возвращению Варвары не осталось никаких следов боя. Мечник почти закончил, как вдруг на глаза ему попался платок, выпавший из кармана Орла. Большой мужской платок с порезом в центре и бурым пятном вокруг.

Арей хотел бросить его сверху других вещей, обреченных на сожжение, но понял, что платок прирос к его ладони. Мечник попытался сорвать его свободной рукой. Бесполезно. Кинжал его не резал, вода не смывала. Даже укол краем дарха — сильнейшее средство — оставил на платке лишь едва заметную точку.

С огромной осторожностью Арей вызвал крошечную искру черного тартарианского пламени. Огонь коснулся края платка и смолянистой каплей стек на пол. Арей поспешно убрал ногу и осмотрел платок. Тот даже не опалило.

Арей не любил признавать свое поражение, но не любил и обманывать себя. С этим платком Орл его провел. Дальше будет только хуже. Платок уже, удлиняясь, туго обматывал руку, ложась слой за слоем, как египтяне пеленали свои мумии. Еще несколько часов — и он опутает все тело Арея, и тогда только ленивый не смахнет с него голову или не сдернет с шеи дарх.

Найдя на платке руну, Арей обвел ее пальцем. Платок соскользнул на пол.

— Ну! — сказал Арей. — Я готов! Вызывай того, кого должен!

За спиной у него шевельнулся воздух. Барон мрака резко повернулся. Посреди комнаты покачивалась серая тень, не имевшая лица. Сквозь ее спину просвечивала стена с плакатом

гражданской обороны. Сидящий в кустах автоматчик бледным пунктиром метко стрелял в мотоциклиста. За спиной у мотоциклиста прорастал атомный гриб. Двое солдат в плащ-палатках любовались им правильно — лежа в ямке головой к взрыву, третий же влез на дерево и был за это зачеркнут красным крестиком.

Тень покачнулась и ветром повлеклась к Арею. На ходу она разделялась: и тогда Арею начало казаться, что теней много — не меньше семи. Мечник требовательно выставил навстречу ему ладонь:

— Ты лишенец, существо, наказанное мраком! Остановись! Это приказ!

Тень остановилась. От нее исходили волны то холода, то жара. Стоявший на столе стакан вначале покрылся изморозью, а потом, почернев, осыпался.

— Отвечай мне! Зачем Орл нарисовал на платке защитную руну? — крикнул Арей.

— *Он боялся,* — хором звучащих слитно голосов отозвалась тень.

— Кого? Тебя?

Лишенец вгляделся в него провалами глаз. Арею показалось, что на него смотрят семь стертых, неузнаваемо расплывчатых лиц.

— *Нет.*

— А кого? Отвечай!

— *Орл боялся тебя, Арей, и хотел отомстить, если погибнет!* — Голос лишенца заползал в уши, как могильная сырость.

Барону мрака не понравилось, что тень знает его имя. Тени забывают все. Нужен очень веский повод, чтобы они кого-то запомнили. Таким поводом могут стать любовь или ненависть. Но любовью тут не пахло.

— Почему Орл был так уверен, что ты сумеешь отомстить? Ты тень, а я страж мрака!

— *У меня есть над тобой власть. Орл сплел меня из теней тех, кого ты зарубил.*

— Очень мило с его стороны.

— *Мы не забыли, кто рассек наши тела и сорвал дархи! За это мы отнимем у тебя то, что тебе дороже всего,* — прошелестел лишенец. Он постоянно перескакивал с единственного числа на множественное.

— Мне ничего не дорого! — вздрогнув, сказал Арей.

Призрак укоризненно качнулся.

— *Не обманывай! Ложь — тень правды, а о тенях нам известно все!*

Арей не стал тратить время на замахи. Меч, полыхнувший в его руке, рассек тень от плеча и до пояса. Тень опустила голову и грустно поглядела на рану. Порез на груди быстро затягивался серым туманом.

— *Когда-то этот меч уже убил нас. Второй раз не сможет. Тень можно убить только тенью меча.*

— Подсказываешь? Зачем? — Арей снова махнул клинком. На этот раз между серой фигурой и раскачивающейся на проводе лампы. Тень меча скользнула по шее призрака.

Тень погрозила барону худым пальцем.

— *Не так быстро! Нельзя убить безымянного!* — сказал лишенец и точно сквозняком повлекся к двери.

— Как тебя остановить? Отвечай! — крикнул Арей.

От двери послышался собачий лай. Варвара стояла рядом с Добряком и держала пса за ошейник.

— Корнелий сказал: все ушли! А с кем вы разговариваете? — удивленно спросила она. Тени она не видела, хотя та была перед ней.

Тень оглянулась на Арея и, насмехаясь, обняла Варвару за плечи.

— *Ты должен вспомнить того из нас, кого убил безвинно, и назвать его имя. Попытка только одна. Если ошибешься — она умрет,* — сказал призрак и исчез.

Глава 2. Ночной гость

Неблагодарный усопшему Государю будет неблагодарен царствующему.

Из письма графа А.В.Суворова к Д.И.Хвостову

О том, что в Москве день мало чем отличается от ночи, Эссиорх догадывался и прежде, но впервые ясно осознал сей факт первого октября, когда в половине четвертого утра попал в пробку при выезде на Садовое кольцо. Мотоциклисту пробка не страшна, и он объехал ее, лавируя между автомобилями.

Пробка возникла из-за аварии. Девушка девятнадцати лет на большом джипе подшибла сразу четыре машины, заперлась в автомобиле и трусливо звонила маме. Мужики из подбитых машин грустно бродили вокруг джипа и пытались заглянуть внутрь сквозь тонированные стекла.

Эссиорх притормозил, раздумывая, не следует ли помочь девушке, но, мимоходом подслушав ее разговор со свежеразбуженной мамой, осознал, что помогать надо, скорее, мужикам. У Эссиорха стало гадко на душе. Превратить родительское чувство в уродство мрак сумел только в двадцатом веке. При этом, глумясь, Лигул ухитрился оставить у того, чем оно стало, название «любовь». Свет дает человеку любовь с запасом, на много детей. Человек же расходует все на одного. В результате получается бредовая ситуация сверхзаботы, при которой растения поливаются не водой, а концентрированными удобрениями.

Выехав на Садовое кольцо, Эссиорх притормозил за первым светофором, чтобы дожидаться Угрюмого, которому коляска мешала маневрировать. Слез с мотоцикла, разогнул спину, привычно выругал себя, что врос в тело, как дерево вырастает корнями в землю. А ну как велют его оставить и вернуться в Прозрачные Сферы? И так задержался уже в человеческом мире, привязался к телу, хотя правилами Прозрачных Сфер предписывается пользоваться им без привыкания. Только в этом случае расставание с телом происходит безболезненно: рассыпаясь на атомы, оно не захватывает с собой приросших кусков души.

У ресторанчика три пьяных мужика весом за сто кило каждый ловили такси, поддерживая друг друга под локти. Вначале остановилась «Волга», за ней «девятка», и вдруг, повернув через двойную сплошную, вылетела маленькая рыженькая «Ока».

Мужики забили на «Волгу» и с восторгом начали втискиваться в «Оку». Втискивались долго, с хохотом, но в результате успешно. Слышны были крики: «Во, командир! Мощно!» Уехали.

Эссиорха кто-то окликнул. Угрюмый, приятель Эссиорха, был лысым байкером с длинной белой бородой. Чтобы борода не мешала, он застегивал ее на молнию в нагрудном кармане. Из коляски его мотоцикла «Урал» вечно выглядывала морда большой серой дворняги. У дворняги был перебит позвоночник. Бегала она на двух передних лапах, а задние волоклись прицепом, как павлиний хвост. Чтобы они не стирались об асфальт, Угрюмый упаковал их в брезентовые чехлы с пристроченными колесиками от пылесоса.

Подъехав к Эссиорху, бородатый байкер слез с мотоцикла и походкой, объединяющей наездников и мотоциклистов, потопал в киоск купить воды. Эссиорх стал гладить пса по желтоватой полосе, шедшей от носа ко лбу. Пес жмурился от удовольствия, положив морду на железо коляски.

Угрюмый подошел сзади и остановился, с удивлением глядя на пса. В руке у него шипела и плевала газом наполовину открытая минеральная вода.

— Ты первый чужак, на кого он не рычит. Почему? — спросил он.

Эссиорх обернулся.

— Не знаю. Может, еще зарычит?

— Уже не зарычит. Он тебя любит, — уверенно сообщил Угрюмый. — Знаешь, зачем я таскаю его с собой? Я никому не говорил, но раз он тебя полюбил...

Эссиорх перестал гладить собаку по желтоватой полосе и стал гладить за ушами. За правым ухом псу было гладиться приятно, а за левым не очень, и он поворачивал морду, подставляя правое.

— Это самая большая ошибка моей жизни, — пояснил Угрюмый, сворачивая бутылке пробочную шею. Бутылка пшикнула и издохла.

— Сбил его на мотоцикле? — спросил Эссиорх, пытаясь угадать.

— Хуже. Я пил. Продал из дома все, что возможно. Остались кровать, плита, холодильник и кое-что по мелочи. Приходил под утро, дрался. Жена и сын терпели, а потом стали меня прогонять. Тогда я взял этого пса за задние лапы — а ему тогда было месяца четыре — и вышвырнул с третьего этажа. Прямо через стекло. — Угрюмый присел перед коляской на корточки и стал дуть собаке в ноздри.

— Потом спустился, чтобы закопать, взял его за переднюю лапу, а он лизнул мне руку... Понимаешь, не укусил, а лизнул!.. — закончил он.

Догадавшись, что речь идет о нем, пес вытянул морду и заскулил.

— Никогда не знаешь, чем человек зацепится за жизнь, когда падает в пропасть, — сказал Угрюмый. Кивнув Эссиорху, он оседлал «Урал», завел и уехал. Морда пса подпрыгивала в красной коляске. Пес был доволен. Если бы у него работал хвост, он наверняка вилял бы им.

* * *

Подъехав к дому, Эссиорх припарковал мотоцикл и для безопасности приковал цепью к липе. Главный недостаток лукоморской цепи — она из чистого золота. Чтобы никого не смущать, Эссиорх приобрел банку черной краски и засадил Улиту трудиться. Улита пыхтела два вечера подряд, старательно прокрашивая все кольца изнутри и снаружи, и лишь на третий вечер ее осенила гениальная мысль, что цепь можно просто окунуть в краску.

Проверяя, хорошо ли защелкнулся замок, Эссиорх ощутил на себе чей-то взгляд — плотный и зоркий. Стараясь не выдать себя, Эссиорх спрятал ключ и неторопливо обернулся, готовый, если потребуется, резко броситься в сторону.

На скамейке перед подъездом сидел небритый мужик в лыжной шапке, кирзовых сапогах и ватнике. Руки у мужика смирно лежали на коленях. В правой что-то поблескивало. Скорее всего, бутылка.

— Ходят тут всякие! Мотоциклами трещат! Взять бы ноги и оторвать! — жизнерадостно поделился мужик.

— А почему ноги? Не руки, не голову? Вариантов же масса!

Выигрывая время, Эссиорх попытался прощупать мужика, но наткнулся на что-то непроницаемое, что могло быть идеальной защитой, а могло — обычной алкогольной мутностью сознания.

— Да потому что! — отозвался мужик еще жизнерадостнее.

Эссиорх осторожно приблизился. То блестящее, что в первую секунду он ошибочно принял за бутылку, оказалось флейтой с примкнутым штыком.

Мужик в лыжной шапке встал. Ватник у него на груди распахнулся. На шее Эссиорх увидел золотые крылья. Причем не просто золотые, но с небольшим серебряным ободком у основания. Перед ним стоял страж второго ранга с отличием за мужество.

Эссиорх узнал его. Златокрылый из личной охраны Троила по имени Анний. Раз в десять лет они собирались в Эдеме и ласточкой ныряли с водопада. Чтобы верно представить его масштабы, достаточно упомянуть, что известный Ниагарский водопад является его рабочим макетом, который пожалели выбрасывать и установили на земле. Так вот этот Анний вечно брал в прыжках золотые медали.

— Ватник! — сказал Эссиорх. Анний посмотрел на себя и засмеялся.

— Обычная история! Вначале мне пытались всучить мундир пехотного поручика. Затем кафтан и лаковые сапоги. И лишь когда я надавил, выдали это! Сказали, что писк моды. А что, уже нет?

— Ну как тебе сказать... Есть вещи, которые выше моды, — уклонился от ответа Эссиорх.

Реквизитчики из Эдема выбирались в человеческий мир редко. Кто-то при князе Владимире, кто-то при Василии Шуйском. Самый юный сотрудник костюмерного отдела

побывал в командировке на Олимпиаде-80 и вернулся в Эдем в твердой уверенности, что златокрылым патрульных служб нужно выдавать исключительно майки с медведжатами и красно-белые кеды.

Мрак, понятное дело, потешался, но лишь до тех пор, пока в лопухоидной газете не появилась небольшая статейка. Озаглавлена она была «Накачанные вундеркинды» и рассказывала, как в парке культуры им. Горького Макса три длинноволосых флейтиста в олимпийских майках раскидали четверых неформалов, вооруженных железной арматурой. Как меч можно принять за арматуру, осталось загадкой. Правда, единственной, кто видел все от начала и до конца, была бабулька, продающая билеты на американские горки, которые в Америке почему-то называют русскими.

Анний продолжал разглядывать Эссиорха.

— А чего ты тут делаешь? — помявшись, спросил тот.

— Сижу вот. На звезды смотрю. А что, нельзя?

— Ну почему? Тебе все можно! — И, утвердив за ним право смотреть на звезды, Эссиорх зашел в подъезд.

У почтовых ящиков ему попались еще два странных типа: один в оранжевой спецовке дорожного рабочего, другой в докторском халате со стетоскопом на шее. Оба сидели на ступеньках и играли в трехмерные шахматы, которые всякому нестражу показались бы двухмерными.

Рядом на ступеньке были художественно установлены две кефирные бутылки с переклеенными пивными этикетками и тут же, на серебряном блюде, — разделанный осетр. Реквизитное бюро всегда тщательно заботилось о деталях. Данная композиция называлась: «Культурный отдых в подъезде после рабочего дня».

Увидев Эссиорха, доктор привстал и поклонился, пропуская его.

— Не хочу показаться назойливым, но разве звезды отсюда видны? — вежливо поинтересовался Эссиорх.

Доктор и дорожный рабочий уставились на него с недоумением. Это были страж второго ранга Фенгюс и страж третьего ранга Арлон. Оба, по странному совпадению, с отличием за мужество.

Эссиорх окончательно настроился не удивляться, но все равно челюсть у него заняла самое нижнее положение, когда на площадке перед квартирой он обнаружил каменного грифона. При переходе в человеческий мир грифон уменьшился в размерах настолько, что поместился в подъезде. Кроме того, он ожил, обрел плоть и кровь.

Грифон — это уже тяжелая артиллерия. Даже Арей предпочел бы сделать крюк, только чтобы с ним не сталкиваться. Услышав шаги, грифон приоткрыл левый глаз. Теперь, чтобы войти в квартиру, Эссиорху предстояло протиснуться с ним рядом и, возможно, даже коснуться грудью его перьев.

Эссиорх знал, что мимо грифона не может пройти никто враждебный свету или имеющий малейшую нечистоту в мыслях. Никакой вражды к свету у Эссиорха, понятно, не было, а, с другой стороны, сегодня он променял байкеру-чайнику два копеечных топливных фильтра на одно новое сцепление, так что некоторая накипь на совести все же присутствовала.

— Привет! — бодро обратился Эссиорх к грифону. — Лежим?

Грифон наблюдал за ним круглым, точно куриным глазом.

— Не подвинешься? — продолжал Эссиорх с такой же преувеличенной приветливостью.

Грифон не подвинулся. Эссиорх ощутил себя полным дураком. Заговорить зубы грифону невозможно. Обидеть невозможно. Разозлить. Подкупить. Задобрить. Грифон видит твою суть и поступает с тобой так, как заслуживает того твоя суть. Вот и все. А даешь ты ему с лицемерной улыбочкой куриные котлетки или, считая это остроумным, размахиваешь перед его носом боевым топором — для грифона второстепенно. На окончательное решение это никак не повлияет.

Выдохнув, Эссиорх сделал шаг. Затем еще один. Теперь он стоял так близко от грифона, что ощущал жар его тела. Грифон по-прежнему не шевелился. Набравшись храбрости, Эссиорх коснулся ладонью основания его крыла. Крыло было прохладным, а перья упругими и жесткими. Грифон закрыл глаз.

— И правильно! — одобрил Эссиорх. — То сцепление на немецкий мотоцикл все равно не подошло бы! Вообще не пойму, где он его взял!

Грифон снова распахнул глаз и чуть повернул голову.

— Ну хорошо-хорошо! Договорились: я найду того парня и подарю ему кожаную торбу на багажник, — поспешно пообещал Эссиорх и, пока грифон не раздумал, прошмыгнул в квартиру.

В коридоре хранителю попался Корнелий. Размахивая руками, он выглядывал из комнаты. Лицо у Корнелия было очумелое, а глаза круглые, как у грифона. Эссиорх отодвинул Корнелия и прошел на кухню, сквозь застекленную дверь которой лился свет.

Здесь он увидел Улиту, сидевшую за столом и резавшую лук.

— О, привет! Это ты! — сказал он с облегчением.

— Это я! — не поднимая головы, подтвердила Улита.

К стуку ножа о доску примешался дополнительный звук. Кто-то стоял у плиты и, надкалывая яйца о край сковороды, жарил яичницу. Эссиорх осторожно выдвинулся из-за холодильника, закрывавшего ему обзор. Тот, кто стоял у плиты, был очень занят. Мешающую цепь с золотыми крыльями он закинул за спину. Смуглая лысина целеустремленно поблескивала.

Почувствовав, что на него смотрят, он обернулся. Перед Эссиорхом стоял генеральный страж Троил.

— Сколько тебе яиц? Четырех хватит? — поинтересовался он.

Эссиорх был так ошарашен, что вместо слов показал три пальца.

— Молодец, — одобрил Троил. — Так вернее! На пальцах не ошибешься... Ну садись!

Эссиорх послушно опустился на табуретку. Улита сидела неподвижно, только нож с равномерным звуком рассекал лук. Глаза у нее были сухие, но растертые, часто моргающие, с красными прожилками. Пухлые щеки с суровой складкой. На правой щеке примятость с оттиснувшимся перстнем. Такое случалось с Улитой, когда, рыдая, она терла лицо рукой с кольцами. На полузакрытых веках — свинцовые, спешно наложенные тени.

«От лука так не плачут!» — подумал Эссиорх со смущением.

Он знал, что Троил не из тех, кто будет мчаться из Эдема в ночную Москву, чтобы довести до слез не до конца завязавшую ведьму. Значит, дело в другом.

— Давно вы здесь? — спросил Эссиорх.

Троил перевел взгляд на висевшие в кухне часы. Они жили в полной тишине, но раз в минуту резкий и внезапный щелчок бросал вперед минутную стрелку.

— Где-то с одиннадцати. Между прочим, они на полторы минуты спешат.

«Пять часов! Улите-то, понятно, не до того было. Но Корнелий мог бы со мной связаться! Ну и схлопочет он у меня!» — подумал Эссиорх.

За окном кто-то закричал совой. Сове откликнулся зовущий самку лось. Тут же с соседнего чердака торопливо закричала уточка.

Троил засмеялся.

— Для центра Москвы больше подошли бы милицейская сирена и лязг мусорных машин... Мальчики играют в секретность. Скольких ты встретил?

— Трое плюс грифон.

Троил кивнул.

— Все правильно. Ты заметил только тех, кого Требовалось заметить. Держи! Готово!

Генеральный страж подбросил яичницу на сковороду и мгновенно поймал ее в подставленную тарелку. Эссиорх не рискнул бы повторить то же самое без тренировки. Мастер — он во всем мастер.

Троил стоял и, скрестив на груди руки, наблюдал, как Эссиорх ест яичницу.

— Ну и живешь ты, однако! — рассуждал Троил. — Масла растительного — нет. Картошки — нет. Томатной пасты тоже нет. Пришлось златокрылых в магазин гонять, а у них только царские червонцы... В общем, приключение. Что скажешь в свое оправдание, хранитель Эссиорх? Когда ты в последний раз заглядывал в холодильник?

— Ну... э-ээ... давно... — замялся Эссиорх, смущаясь признаться, что Улита таскает из рестораничков обеды.

— Вот и я о том же! — удовлетворенно произнес Троил. — Лучшее оправдание — вовремя сделать телячьи глаза! Всем кажется, что, наплевав на себя, мы автоматически делаем свету огромное одолжение. «Перестану бриться, брошу мыть посуду — и все сразу поймут, что я выше быта...»

Эссиорх засмеялся. Даже когда Троил ворчал, от него исходила любовь, наполнявшая и согревавшая всех, кто находился поблизости. В такие минуты ничего другого не хотелось: только быть рядом и чтобы на тебя вечно ворчали.

— Доел? Идем!.. А ты, милая, прекращай лук терзать — принимайся за морковь! Потом поджаришь все до золотистой корочки! — ласково сказал Улите Троил и, потрепав ее по плечу, вышел из кухни.

Оглянувшись на подозрительно послушную Улиту, Эссиорх последовал за генеральным стражем. Троил зашел в комнату, посмотрел на заваленные книгами стулья и сел на подоконник, спиной к стеклу.

— А ну-ка, ребята! Буквально на пять минут!.. И оставьте сами знаете что, — произнес он, обращаясь к Корнелию и к молчаливому темноволосому златокрылому, которого Эссиорх видел впервые.

Златокрылый передал Троилу большую сумку-чехол. В чехле угадывалось нечто овальное, немного выгнутое, похожее на блюдо. Повернулся и вышел, прихватив с собой за ухо попытавшегося задержаться Корнелия.

Эссиорх вопросительно смотрел на чехол. Троил не спешил открывать «молнию». Он осторожно положил сумку на кровать, подвинув мешавшую ему подушку.

— Как поживает Меф? — спросил генеральный страж.

— Учится в университете.

— Несмотря на близкую дуэль — все равно учится? Эссиорх медленно расстегнул кожаную куртку.

Он любил звук «молнии» — тяжелой, громоздкой, неубиваемой.

— Мне кажется, о дуэли он почти не вспоминает. Возможно, так даже лучше, — осторожно сказал он.

Генеральный страж одобрительно кивнул. Он был легкий и радостный. Сидел на подоконнике и по-детски, очень несерьезно, болтал ногой. Эссиорх, привыкший видеть Троила вечно занятым и что-то пишущим, не узнавал его. Он подумал, что это подходящий момент для вопроса.

— Свет мог бы не допустить этого поединка?

Троил взглянул на Эссиорха с удивлением.

— Каким образом? Отменить сам факт рожденья Мефа?.. Или отменить силы Кводнона, которые перетекли в него?

— Эх! Надо было сразу выдернуть его с Дмитровки! Пусть бы оставался с Зозо и Эдей!

Троил цокнул языком.

— И тихо зверел, считая, что все его достали? Чтобы он дрался в коридоре с дядей, которому надоело отпаивать мать пустырником, слушая ее ныть про шестнадцатилетнего лба, возвращающегося домой под утро?..

— Это ему грозило?

— А почему нет? С его-то силами! Человек должен валиться каждый вечер в кровать, полуживой от усталости. Если не найти силам применения, они загнивают, и мы начинаем с дикой скоростью разрушать самих себя.

— И поэтому его отпустили к мраку?

— Он *сам себя* отпустил к мраку, — строго поправил Троил. — Мы только позволили этому совершиться. Иногда, чтобы выколотить пыльный ковер, надо долго бить его палкой. Разумеется, ковру сложно поверить, что все происходит в его интересах.

— Хорошо! Я понимаю, — уступил Эссиорх. — Выбор мальчишки был свободным. Начни мы удерживать Мефа, он стал бы сражаться со светом за свое право выбрать мрак. И после невнятно прожитого детства выбрал бы его в итоге. Но сейчас-то Меф порвал с прошлым!

Не спеша отвечать, Троил подышал на стекло, извлек из воздуха перо пегаса и несколькими быстрыми и точными штрихами обозначил портрет Мефа. Это был, вне всякого сомнения, Меф, но Меф. неуловимо похожий на Арея. Эссиорх как художник улавливал сходство, но затруднялся сказать, в чем оно заключалось. В повороте шеи? В изломе бровей? В упрямстве чуть опущенного книзу рта?

— Меф порвал с явным мраком. С Лигулом, но не с Ареем. Лигул — закапанный чернильной кровью бухгалтер. Трудно найти юношу с сохранным эйдосом, который сознательно выбрал бы Лигула своим идеалом. А вот не лишенный благородства пират, изредка по настроению защищающий вдов и сирот, презирающий разом и свет, и мрак и текущий будто собственным путем, привлечет немало сердец... Гораздо больше Лигула, уж поверь мне.

В голосе Троила, когда он говорил об Арее, Эссиорху почудилось сожаление. Перо пегаса продолжало скользить по портрету Мефа, меняя его. Еще несколько штрихов по запотевшему стеклу — и Меф исчез без следа. Теперь это был Арей.

— Вы часто думаете о нем? — спросил Эссиорх.

— Порой думаю. Я помню его прежнего, когда он был созданием света, яркий, парадоксальный, независимый. А как бесстрашен в полете! Прыгал с огромной высоты, а у самой земли уже разбрасывал крылья и взмывал. Трое попытались повторить то же самое, и все переломали себе кости. Хорошо, что в Эдеме нет смерти. А вот на флейте играл так себе, средненько.

Эссиорх неплохо знал историю Эдема, но все же представить себе крылатого Арея ему было непросто.

— Арей летал? — недоверчиво переспросил он.

Троил скользнул глазами по звездному небу, точно пытаясь угнаться за чем-то, за чем угнаться невозможно.

— Еще как. И Хоорс летал. И Кводнон. И Лигул. Хотя Лигул, мне кажется, никогда не получал удовольствия от полета, а так... добирался до пункта назначения. Потом Кводнон, Лигул и прочие отпали, а с ними неожиданно для меня отпал и Арей. Хотя я не сказал бы, что он якшался с этой братией. Арей всегда был сам по себе.

— Ну Кводнон с Лигулом понятно. А Арей почему?

— Бунтарство? Беспокойная натура? Не знаю. Подозреваю, что заигрался сам в себя. Все слишком легко ему давалось. Он не знал, что такое страх, не понимал, что такое боль, не ведал, что такое неудача. Вообще плохо осознавал, что значит «нет» и как это — «наступить на себя». Ни в чем не встречал никаких препятствий.

Эссиорх слушал, затаив дыхание. Перо больше не касалось стекла, замерев в руке Троила.

— В себя играть всегда интересно. Особенно когда все вокруг не такие блестящие. Медленнее соображают, хуже летают, — печально заключил генеральный страж.

Он смотрел на стекло, с которого медленно исчезал Арей. Эссиорху казалось, Троил разговаривает не столько с ним, сколько с тающим рисунком.

— Свет... не я, конечно, а истинный свет, призвавший к жизни и стражей, и людей... больше не давал отпавшим сил. То, что у них оставалось, они быстро растратили. Там, где некогда пылало солнце, образовалась черная дыра. Мрак же... ну, а что мог дать им мрак, нелепая фикция, возникшая только при их отпадении?

— Эйдосы, — подсказал Эссиорх.

— Ну да, эйдосы, — согласился Троил. — Тогда они и стали охотиться за ними, чтобы получать ча-стицы абсолютного света. Стали портить людей, разлагать их, просачиваться в человеческий мир, влиять на его историю. Хорошее таяло, плохое усиливалось. То, что было прекрасным, сделалось уродливым. Кводнон с Лигулом деградировали быстро. Они даже и внешне сильно изменились. Лигул — горбун, а Кводнон — страж-половинка. Наполовину уродливый и мумифицировавшийся — наполовину прекрасный. Мерзкое зрелище!

— А Арей сильно изменился?

— Внешне нет. Разве что погрузнел и утратил крылья. Но внутри он закопченный и выгоревший, как дворец после пожара. Возможно, одна-две комнаты уцелели и, если видеть только их, кажется, что и пожара никакого не было. Сегодняшний Арей — немного опереточное, действительно несчастное, больное, но до сих пор крайне эффективное зло. Не будь таких, как он, в ком дурное и хорошее искажено и перемешано, кто пошел бы за Лигулом?

Троил оглянулся. На стекле больше ничего не было. Даже глаз.

— Теперь о Мефодии! Что меня в нем тревожит? Он не готов расстаться ни со своим мечом, ни со своими силами. Он заигрался в особенного юношу с необычной судьбой.

— Он не собирается отдавать их мраку! — твердо возразил Эссиорх.

— Но он не готов отдать их и свету. В его сознании три ящика — свет, мрак и Меф. На самом же деле ящиков всего два.

— Дафна говорит, он называет себя «союзником света». Разве это плохо?

Эссиорху казалось, что аргумент в пользу Мефа сильный, однако Троил засмеялся.

— Лучше бы помалкивал.

— Почему?

— Раз «союзник», значит, не свет. Дай Мефу волю, он создаст свой отдельный мирок и сам для себя будет определять, что хорошо и что плохо, что допустимо, что недопустимо... В чем-нибудь, пусть даже в пустяке, между Мефом и светом возникнет разногласие, и в этом зазоре начнется гнойный процесс. Ледник тоже не откалывается мгновенно. Все начинается с крошечной трещинки.

По стене пробежала устрашающая тень с лапами. Эссиорх вначале посмотрел на тень, а Троил сразу на плоский светильник, по которому ползла муха. Эссиорх подумал, что именно в этом отличие генерального стража от рядового хранителя. Он видит следствия, а Троил — сразу причины.

— Давай навестим Улиту! Посмотрим, удалось ли ей добиться золотистой корочки. Вроде несложно, по па несложном чаще всего и прокалываются. — Троил спрыгнул с подоконника.

Эссиорх вышел с ним вместе. В опустевшую комнату скользнул темноволосый златокрылый и остался рядом с кроватью, на которой лежала сумка-чехол.

Троил не ошибся, говоря, что чаще всего прокалываются на простом. Золотистая корочка стала уже темной гарью. Улита сидела за столом и, не глядя, что делают ее руки, упорно резала морковь. Отрешенное лицо выражало намерение перерезать всю морковь в мире.

Троил мягко отобрал у нее нож.

— Мне ничего нельзя поручить, — вздохнула Улита.

— Скажем так: ты делаешь все для того, чтобы тебе ничего не поручали. Это защитное, — весело поправил Троил. — Давай попытаемся еще раз. Позови валькирий! Всех не надо. Штучки три. Таамаг, Хаару и еще кого-нибудь.

— Среди ночи? Они меня прикончат! Можно,» вместо Таамаг я позову Фулону? — забеспокоилась Улита.

— К Фулоне я мог бы послать курьера. Остальным же только пойдет на пользу, — настойчиво повторил генеральный страж.

Улита уступила.

— Так и быть. Рискну! Если что — не позволяйте Корнелию нести мой гроб. У него

выпадет грыжа.

Бывшая ведьма встала, собираясь удалиться сквозь стену несколько парадным, но эффектным способом последовательной телепортации, давно известным на Лысой Горе. Цокнув языком, Троил поманил ее пальцем и о чем-то негромко напомнил. Улита кивнула, не без сожаления покосилась на стену и сделала самую банальную в мире вещь: вышла через дверь.

Эссиорх встревожился, сможет ли она проскочить мимо грифона, но Троил, высунувшись, крикнул Корнелию, чтобы ее проводили. Корнелий, побаивающийся грифона, проявил хлопотливость, передавая приказ дальше по цепочке златокрылых.

Троил засадил Эссиорха чистить картошку. Оставшись недовольным остротой ножа, генеральный страж вручил ему свой кинжал с зазубринами для срезания дархов. Кинжал был острее бритвы, однако картошку резал неохотно: считал себя выше рутинной работы.

Эссиорх пошел у кинжала на поводу и вырезал из картошки человечка. Оживший картофельный человечек строевым шагом прошел по столу, рухнул в солонку и вылез из нее наполовину белым.

— Что с Улитой? — спросил Эссиорх.

Троил предпочел столкнуть вопрос с вопросом:

— А что ты заметил?

— Она плакала.

— И все?

— Она взволнована.

— Хорошо взволнована или плохо?

Эссиорх колебался, с ненужной тщательностью очищая следующую картофелину. Он прикидывал, что ему вырезать: картофельную лошадь или картофельную собаку для наполнения жизни человечка заботой и весельем.

— Взволнована-то она хорошо... Но как-то непривычно.

— Само собой. Я вернул ей эйдос, — кивнул Троил. Эссиорх вскочил, толкнув стол. Картофельный

человечек, не удержавшись, повторно улетел в солонку.

— Она не готова! Его отнимут!

— Поверь моему опыту: дольше тянуть нельзя, — твердо сказал Троил. — А отдаст она его или нет — зависит только от нее самой. Но все же, надеюсь, работа на Большой Дмитровке научила ее, что неразумно расшвыриваться эйдосами.

— Но почему? — спросил Эссиорх с тоской.

— Подумай сам: зачем истинный свет вообще Позволяет людям распоряжаться их эйдосами? Ведь ценность каждого, даже самого тусклого эйдоса, превышает стоимость всего человеческого мира со всеми городами, картинными галереями, сокровищницами? Не проще ли забрать их и запереть в сейфе где-нибудь в Эдеме? Мы бы их охраняли. Мрак бы и близко не сунулся.

— Эйдос должен изменяться вместе с хозяином. Осуществлять выбор и отражать его, — заученно отозвался Эссиорх.

Правда была у него в разуме, но в сердце она пока не проникла, и между сердцем и разумом возникали грызня и путаница.

— Вот и не лишай всего этого Улиту! Не пытайся быть умнее правды! — подытожил Троил и дружески надавил ему на плечо.

В минуты внутренней тупиковости Эссиорх всегда спасительно уходил в подробности быта. Отмывал палитру, проковыривал иголкой ссохшиеся пробки в горлышках тюбиков, ощущая внутри живую мягкость масла.

Вот и сейчас Эссиорх послушно сел и вместо лошади, которая уже вертелась у него на кончике кинжала, неожиданно вырезал картофельному человечку жену. Картофельному человечку жена не понравилась своей деловитостью, и он стал поспешно закрывать солонку — главное свое сокровище — крышкой, защищая ее. Эссиорх понял, что у него получился

жадноватый старый холостяк, вроде Эди Хаврона. Жена ходила вокруг солонки, глядя как будто в сторону, но постепенно сужая круги.

— Ты знаком с тибидохскими преданиями? — внезапно спросил Троил,

В Эссиорхе зашевелилось когда-то полученное образование, но на всякий случай он покачал головой. Троил понял и улыбнулся.

— По большей части они лживы, как и всякие пророчества. Истинное будущее сокрыто как от стражей мрака, так и от стражей света. Известен только финал, но не путь к нему. Но все же случаются очень здравые предположения. Особенно те, что связаны с именем Древнира.

— Меч, ножны и щит? — мгновенно отозвался Эссиорх.

— *«Меч, ножны и щит еще встретятся. Вместе три артефакта обретут полную силу. Магия абсолютной защиты, магия атаки и охранная магия обретения мощи»*, — процитировал Троил.

— Разве это не пророчество некромагов? — осторожно спросил Эссиорх.

— Некромаги не изобрели ничего своего. Они лишь процитировали Древнира. Древнир же основывался на законе, по которому однажды нарушенная целостность всегда воссоединяется. Меч, ножны и щит — единая целостность. По отдельности они наделены лишь частичной силой.

Троил выглянул в коридор.

— Борн! — окликнул он.

Из комнаты выглянул темноволосый. Он внес уже знакомый футляр и, вручив его Троилу, отошел к окну. «Молния» заедала, но генеральный страж был терпелив. Раскачивая, он продвигал ее короткими толчками. Можно было, конечно, решить дело проще, но Троил предпочитал естественный ход событий сверхъестественному. Лучше кривой дачный домик, построенный собственными руками, чем дворец, возникший по щелчку пальцев.

«Молния» была отодвинута на треть, когда наружу стало пробиваться ровное золотистое сияние. В сравнении с ним лампочка на потолке сразу стала тусклой и лишней. Генеральный страж стянул футляр, и лампочка окончательно ослепла. Теперь на их окно больно было смотреть даже с улицы. Троил держал в руках сияющий щит. Каплевидный, почти без декора, лаконично грозный. Центр щита украшала отлитая из золота голова женщины, красота которой переворачивала душу.

— Настоящий светлый артефакт! — выдохнул Эссиорх.

— Посмотри внимательнее! — посоветовал Троил. Эссиорх взгляделся в щит истинным зрением.

Свет, изливаемый щитом, был ровный, согревающий, эдемский. Окажись рядом комиссионер или суккуб, он закрыл бы лицо руками, не в силах выносить щедрости этого сияния.

— Да все в порядке! Правильный светлый арте-фа!.. — Эссиорх осекся. Схватил щит, сел на корточки и стал всматриваться.

Всматривался он долго, недоверчиво, не желая разочаровываться в совершенной красоте золотого лица. Если бы не молчаливое одобрение стоявшего рядом Троила — возможно, вообще отвернулся бы, не желая перечеркивать такую красоту.

Смотрел и, наконец, увидел. В самом центре света была тень — маленькая, почти неуловимая. Червоточинка, мгновенно превращавшая творение света в самое мерзкое из созданий мрака. Такая же ложь, как в лице золотой женщины. Вначале оно казалось прекрасным. Хотелось смотреть на него вечно и никогда не отрываться. Потом что-то тебя настораживало. И, в конце концов, ты ясно понимал, что перед тобой лицо злобной фурии, от которой невозможно ожидать пощады.

— Только в такие минуты и понимаешь разницу между красотой и прелестью, — с грустью заметил Троил.

— Где вы отыскиали щит? — спросил Эссиорх.

— В Тибидохсе. Но там он был с оскаленным львом. Типичный щит

константинопольской работы. Перерождения начались, когда Борн неосторожно попытался пронести его в Эдем. — Троил оглянулся на темноволосого стража. Тот в смущении уставился себе под ноги. — Правда, Борна можно понять. В первые минуты я тоже был обманут. Только когда грифон ударил его лапой, мы что-то заподозрили. Нет, это не артефакт света, к огромному сожалению. Это артефакт-перевертыш.

Эссиорх заметил на краю щита две глубокие, не пробившие его насквозь борозды — след гнева грифона.

— Если изменился щит, значит, ножны с мечом тоже? — спросил он.

— Скорее всего. Части раздробленного артефакта всегда равноценны. Это закон. Если яд мрака проник в одну часть, есть он и в других.

— Меч Мефа тоже отравлен мраком?

— Конечно. При этом щит действительно дает почти полную защиту, а ножны втрое увеличивают возможности меча, своей близостью непрерывно восстанавливая его силы. В бою щит и ножны невидимы и сливаются с хозяином так, что их фактически и не существует. О них можно вообще не помнить, а меч держать как одной рукой, так и двумя.

— И что? С ними Мефодий станет сильнее Арея? — недоверчиво спросил Эссиорх.

Сомневался он не напрасно.

— Не станет. Даже не сравняется, — заверил его Троил. — У Арея столько опыта и столько эйдосов в дархе, что против большинства артефактов он может выходить с вилкой. Но все же у Мефа появится шанс.

— Это же прекрасно! — воскликнул Эссиорх с энтузиазмом.

— Если бы, — вздохнул Троил.

— Почему «если бы»? — не понял Эссиорх. Троил щелкнул по щиту ногтем. Щит издал недовольный краткий звук.

— Пока мы рискуем только телом Мефа, которое в любом случае не является вечным. А в этом случае еще и эйдосом. Если Меф не сумел расстаться с мечом, то с мечом, щитом и ножнами ему будет расстаться еще сложнее. Всякая же вещь, с которой мы не можем без сожаления расстаться, делает нас ее рабом.

Картофельная жена окончательно приручила мужа. Теперь они работали вместе. Высыпав соль, торопливо набивали солонку кусочками моркови и лука, которые отыскивали по всему столу. Работали они с остервенением, не доверяя Эссиорху, который не допустил бы их голода. Да и вообще Эссиорха в их реальности не существовало. Он не помещался в их картофельно-крахмальном измерении, где все протекало просто до невозможности быстро.

— Эй! — крикнул Эссиорх, наклоняясь к самому столу. — Эй!

— Бесполезно! — отозвался Троил. — Практический ум существует в границах доказанных категорий. Ты не доказан, и потому тебя все равно что нет. Твое «эй!» звучало для них часа два... Они небось решили, что это гром.

Временами, когда тень от головы или руки Эссиорха более или менее длительно падала на человечков, они думали, что наступил вечер. Тогда картофельный муж переставал таскать морковь и на дудочке играл нечто беззвучное, но вдохновенное и даже грустное. Жена слушала, подперев щеку рукой. И в эти секунды картофельные человечки становились близки своему создателю.

— Сражаться Меф сможет, — сказал Троил, вместе с Эссиорхом разглядывая человечков. — После боя со всеми тремя артефактами придется расстаться. Оторвать их от себя. Но по силам ли это Мефу, если даже хранитель Прозрачных Сфер готов был смотреть на щит целую вечность?

Эссиорх покраснел.

— Вот о чем я подумал, — продолжал Троил. — Не всегда правильно играть в ту игру, которую тебе навязывают. Если ты знаешь, что противник сильнее тебя в шахматах, возможно, стоит переключить его на шашки. Лигул хочет, чтобы Арей убил Мефа и силы его достались Прасковье. Так? Значит, в Прасковье он уверен? Почему?

— Она воспитывалась в Тартаре, — сразу ответил Эссиорх.

Троил искоса, как птица, посмотрел на него и цокнул языком.

— Но ведь она с эйдосом? Никакой Тартар не погасит горящей свечи. Почему же Лигул убежден, что сердце Прасковьи никогда не повернет к свету? Должно существовать нечто, за что он держит ее, как за поводок.

Эссиорх промолчал, отлично понимая, что Троилу ответ известен не хуже.

— Ну да, разумеется. Лигул постарался выстроить вокруг ее эйдоса стену. Каждое желание Прасковьи исполнялось скорее, чем было высказано. Иногда же Лигул намеренно придерживал ее, чтобы раздуть страсти и заставить посильнее хотеть. Она чудовищно избалованна. Он добился того, что вскочивший прыщик страшнее для Прасковьи, чем сто тысяч убитых людей. Куда бы ее эйдос ни рванулся, он обязательно ударится либо об эгоизм, либо о жалость к себе. Плюс отсутствие всякой цели, кроме «чтобы мне было приятно».

— Любовь? — спросил Эссиорх с надеждой.

— Любовь — сознательное движение против течения эгоизма. Только жертвой любовь может доказать свою истинность. Боюсь, Прасковье в такую щель не протиснуться. Даже о простом сострадании говорить преждевременно.

Эссиорх сжалился над картофельными человечками и, отыскав две сросшиеся картофелины, вырезал собаку и мотоцикл. Картофельной жене создал трех картофельных детей, чтобы отвлечь ее от тупикового запасаения моркови.

— Все же Прасковья осталась человеком, — задумчиво продолжал Троил. — Значит, ее эйдос еще пульсирует, светится, а раз так, не все потеряно. Если бы нам удалось разбудить в Прасковье человека! Развернуть ее взгляд от себя к внешнему миру! Просто чтобы она увидела солнце, небо, звезды! Обнаружила бы в мире нечто существующее отдельно от своего «Я». Не просто «как я отношусь к морю» — а море, как независимая данность, которая была, есть и будет вне меня. И не просто «нравится ли мне такой-то», а что он человек, существующий вне моего мнения о нем. Возможно, от этого родились бы интерес, сопереживание, жалость, и хоть одна трещина возникла бы в броне, которой Лигул ее окружил.

— Думаете, Прасковью удастся перетянуть на нашу сторону? — заинтересовался Эссиорх, машинально вырезая из картошки еще одного ребенка. Дети висли на матери, как клещи, и мешали ей таскать морковь. Женщину теперь возил на мотоцикле ее байкеризированный муж. Собака носилась за мотоциклом и вместо того, чтобы охранять солонку, производила шум.

— Да нет, конечно. Для начала Прасковью надо перетянуть на ее собственную сторону. Хотя бы чтобы она перестала быть марионеткой и получила возможность сопротивляться тому, что в ней сидит, — поправил Троил. — А для этого нам нужен Камень Пути.

— Но он же...

— У Матвея Багрова, некромага, считающего себя волхвом. И вынуть его из груди нельзя. Достаточно, чтобы она к нему прикоснулась. Камень Пути прокладывает дорогу сквозь мороки мрака. Его хватит на всех.

— И Прасковья порвет с мраком навсегда? — недоверчиво спросил Эссиорх. — Тогда почему же сам Матвей, если камень при нем постоянно, до сих пор...

Прерывая его, Троил махнул рукой.

— Правильно сомневаешься. Если бы все было бы так просто, мы пустили бы Багрова бегать по городу и велели бы ему обнимать всех прохожих... Нет, Камень Пути только показывает путь. А идти по нему должен ты сам... Но мы еще не все решили с Мефом. Кроме щита, ему предстоит найти ножны.

— Они же в Тибидохсе! — удивился Эссиорх. Голова Троила качнулась медленно, как маятник часов.

— В Тибидохсе мы обнаружили только щит. Ножны выкрал один из учеников темного отделения и продал шустрому вампиру с Лысой Горы. Тот не разобрался, какая ценность попала к нему в руки, и сплавил не то суккубу, не то комиссионеру. Дальше след ножен

потерян. Известно только, что они в Москве.

— Суккуб, приобретающий артефакты? Как же он отважился? — изумился Эссиорх, знавший, как требователен мрак к своим слугам. Любая промашка — и ты в Тартаре, а на твоём месте уже другой.

— Действительно странно, — согласился Троил. — Но так даже проще. Сужает круг поиска.

Глава 3. Гудрончик

Святой Василий Великий пишет об одном языческом философе, который говорил: «Прежде я хотел, чтобы все делалось по-моему, но видя, что ничего не делается так, как я хочу, я стал желать, чтобы делалось все так, как делается, и чрез это стало выходить то, что все стало делаться так, как я хочу».

Преп. Иосиф Оптинский

Совсем близко послышались крики, клекот и удары крыльев. Троил и Эссиорх выскочили из кухни. Анний, Фенгюс и Арлон умиряли грифона, оттаскивая его от Таамаг, Хаары и Бэтлы. Анний повис у грифона на шее, затрудняя его движения. Фенгюс и Арлон создавали живую стену. Улита уже протиснулась в квартиру и втащила за собой Бэтлу. Будучи дамами габаритными, Бэтла и Улита закупорили коридор, мешая Корнелию вырваться на лестницу и совершить благородный поступок.

Героический связной ограничился тем, что прыгал, размахивал флейтой и взвизгивал:

— Клюв! Держите ему кто-нибудь клюв! Почему никто не держит клюв, я вас спрашиваю?

Троил негромко, но властно окликнул грифона, взметнувшегося на задние лапы и раскидавшего Фенгюса с Арлоном. Услышав его голос, утихомирился. Болтавшийся у него на шее Анний вновь оказался на ногах и открыл дверь, пропуская Таамаг и Хаару.

— Прошу!

— Вздорное животное! Пусть скажет спасибо, что я сдержалась и не пустила в ход копьё! — оскорбленно произнесла Хаара, созерцая круглый глаз и желтый, круто изогнутый клюв.

— Молчи, ослица! Вон он уже лапу поднимает! — зашипела Таамаг, проталкивая валькирию в квартиру.

Разговор Троила с валькириями вышел кратким. Присутствовал при нем только Эссиорх. Без особых предисловий генеральный страж сообщил, что Багров прощен и может дальше оставаться оруженосцем Ирки.

— Он некромаг! — заявила Хаара.

— Ну и замечательно, — ласково ответил Троил.

— Что???

— Замечательно в том смысле, что моего решения это не отменяет.

— Тот, кто споткнулся один раз, споткнется и во второй, и в третий. Чем раньше отсечешь пораженную конечность, тем меньше будет зона ампутации, — упрямо сказала Хаара.

Троил посмотрел на руки Хаары. На среднем пальце правой был пластырь. Должно быть, содрала, когда метала копьё.

— А как же ампутация? Я думаю: отсечь по запястье было бы в самый раз. Вдруг заражение уже началось? — озабоченно сказал Троил.

Хаара спрятала руки за спину.

— Это разные вещи! — заявила она хмуро.

Троил доброжелательно коснулся ее локтя и ничего не ответил. Хаара немного оттаяла, но упрямо повторила:

— Он нас предал!

— Возможно. Но не вам знать, сколько боли он при этом испытал. Оставьте их с одиночкой в покое, дайте каждому пройти его путь.

— Вы думаете: Багров придет к свету? Да никогда! Это запутанный, ковыряющийся у себя в пупке эгоист!

— У каждого пупка свой путь. Пусть Матвей сделает все, что зависит от Матвея, и тогда свет сделает все, что зависит от света! — улыбаясь, сказал Троил.

Хаара оглянулась на Таамаг, ожидая от нее поддержки. Могучая валькирия отмалчивалась, почтительно разглядывая золотые крылья генерального стража.

— Хватит вражды! Свет бьет, но не добивает, — терпеливо повторил Троил.

Ему было немного досадно, что валькирий он не убедил.

— Мы служим свету! — брякнула Таамаг.

— Прекрасно. Но тогда служите ему, начиная со своего сердца, а не с соседнего. Не будьте шипящими бабками из тайного эскадрона Лигула, которые прогоняют покрашенную девушку в джинсах, случайно заглянувшую в церковь. Свет не нуждается в услугах добровольной полиции! Я, генеральный страж Троил, говорю вам, что Багрову дан шанс! Чего же вам еще? — Голос Троила был все еще тих, но уже грозен. Даже Хаара, и та уловила.

— Ваше, конечно, право, но до добра это не доведет, — буркнула она, покоряясь. — Закон есть закон. Любое исключение создаст дыру, в которую полезут все. Никому ничего нельзя прощать!

— Прощать нужно всем. В отдельных случаях слишком деятельное псевдодобро опаснее бездейственного зла. С Багровым решено — и хватит об этом.

Таамаг и Хаара сопели. С Троилом они больше не спорили, но их недовольство было очевидным. Одна Бэтла радовалась за Ирку и, не таясь, улыбалась.

Для Эссиорха это оказалось уроком. Впервые он ясно увидел, почему валькирии не свет. Они считают, будто лучше света знают, что ему нужно. Не хотят любить то, что есть, и всегда хотят все улучшать. Даже на Троила посматривают теперь с подозрением: а он ли это? может, оборотень? не затесалась ли тут каким-либо боком измена?

Дождавшись, пока валькирии уйдут, Улита приблизилась к Троилу. Что-то смущало ее. Она стояла и дергала широкой, почти мужской ладонью длинную кофту.

— Ну? — спросил Троил поощрительно.

— Я тут хотела... думаю все время... — начала Улита, но оборвала себя и, махнув рукой, выпалила: — Может ли быть прощен Арей?

Троил разглядывал ее, чуть сдвинув брови.

— Ага, шас! Сегодня Арей, завтра Лигул! А почему не Тухломон? Все на него орут, все обижают гадику! — влез в разговор Корнелий.

Однако Улита к нему даже не повернулась. Она | смотрела только на Троила.

— Не я решаю, кому быть прощенным.

— Но вы же генеральный страж!

— И что из того? По-твоему, я сотворил небо и звезды? — тихо ответил тот.

Улита, тоскуя, опустила глаза.

— Но тогда хотя бы объясните почему!!! — сказала она беспомощно.

— Я могу только предположить. Арей неспособен искренно пожелать прощения! — ответил Троил.

— При определенных обстоятельствах он мог бы сказать «прости»! — настойчиво сказала Улита.

— При определенных обстоятельствах он смог бы выдавить «прости!» сквозь зубы. Пожелать же прощения — означает повернуться к прошлому спиной и никогда даже на мгновение не пожелать обернуться. Слова же как таковые вообще необязательны. Нужно только движение сердца.

— Которого у Арея нет? — недоверчиво спросила Улита.

Троил вздохнул.

— Идем на кухню. Я все-таки хочу сегодня закончить борщ по-эдемски, — сказал он.

* * *

В это же время в общежитии озеленителей Чимоданов стоял у окна и поливал йодом фиалку. Он обожал делать мелкие гадости. Зудука, свесив ноги, сидел на шкафу и, используя баллон с дезодорантом и зажигалку, играл в «Горыныча», пуская пылающие струи.

Несмотря на то что было уже почти утро, общежитие озеленителей гуляло и шумно пело песни разных народов. Под окнами кто-то долго кричал, грозился, но так и не подрался. Чимоданов, в предвкушении дежуривший у подоконника, разочарованно отодвинулся в глубь комнаты.

Меф, только что завершивший поединок с Мошкиным, разглядывал на своем торсе красные пятна от шеста. Завтра некоторые исчезнут, а другие станут черными, потом фиолетовыми, потом лиловыми — так и будут менять цвета до бесконечности.

— Тебе не больно, нет? — сочувственно спросил Евгеша.

— Щекотно! — поморщился Меф. — Может, ты не будешь садить со всей дури? Я же тоже могу тебя мечом по шее рубануть! В учебном режиме с разворота.

— Я не со всей дури! Я в полдури, — обиделся Евгеша. — Ты же знаешь, когда надо, я кирпичи из кладки вышибаю.

— Да знаю, я... Ай! — Меф ткнул пальцем в самое больше пятно и скривился. Все же странно, насколько человек зависим от физической боли. Возьми кого хочешь — философа, писателя, музыканта, парящих мыслью в заоблачной выси, и прищепи им дверью хотя бы ноготь мизинца. И все! Всякую возвышенность как корова языком слизала! «Где йодик? Где зеленка? Срочно меня к дохтырю — умираю я!»

Меф ушел в душ, погремел водой, с жестяным звуком падавшей в поддон, и назад вернулся уже в майке. Пока он ходил, жизнь не стояла на месте и обрастала событиями. Дафна и Мошкин ели холодный суп с курицей. Самое здоровое занятие для пяти часов утра. Рядом на свободном стуле, раскинув крылья, дохлой муфточкой валялся Депресняк.

— Ну как? Унитазную крысу сегодня видел? — хлюпая супом, крикнул Мошкин.

И правда, к Мефу и Дафне уже неделю приходила крыса — мокрая и бесстрашная. Было непонятно, откуда она берется и как проникает внутрь, пока Меф не увидел собственными глазами. Крыса приходила из унитаза! Потом Меф разобрался, в чем дело. В унитазе вода стоит только в одном месте, пробкой, а дальше труба полая и идет с малым уклоном. Меф терпеть ее не мог, а Дафна, напротив, жалела и подкармливала.

Чимоданов шатался по комнате и скучал. Согнав кота прицельным пинком, он обрушился на стул.

— Никто не хочет прикола? — радостно спросил он.

Все с беспокойством уставились на Петруччо, зная, что приколом может оказаться даже граната без чеки.

— Сегодня я иду: вижу вначале повешенную кошку, потом дохлую ворону, а потом понимаю, что это просто привязанная к дереву ленточка. Во какие бывают глюки! Ну как? — Чимоданов с торжеством огляделся, не встретил ни в ком интереса и, помрачнев, потребовал свою долю супа.

— Жри прямо из кастрюли, Чемодан! — посоветовал Меф. Тревожно покосился на Дафну и поправился: — Я хотел сказал: кушай из кастрюльки, Петя! У нас закончились чистенькие тарелочки!

Мальчик Петя стал кушать из кастрюльки, производя ужасные всасывающие звуки.

— Катя говорит: вытирать об себя руки некультурно! — внезапно произнес Мошкин, глядя на Чимоданова.

Петруччо перестал жевать. Изо рта у него свисала капуста.

— Какая еще Катя? Женщина — ребро! В костях мозга нет!

— Катя говорит: в костях — костный мозг! — сразу возразил Мошкин.

— Кто твоя Катя? Профессор?

— Неа. Катя учится с ним в полиграфе, — объяснил Меф с улыбкой.

— Это та, которая у него маечку взяла постирать? У, змеища, издали подбиралась! — буркнул Чимоданов.

Даф молча показала пальцем на обои, на которых фломастером было выведено:

Сказав гадость о ком-то, ты сказал ее о себе.

— Светлая пропаганда! — проворчал Чимоданов. — А мне по барабану! Все равно змеища!

Евгеша довольно заулыбался. Для него Катя была настоящим сокровищем. Наконец-то Мошкин всегда знал чего хотеть и имел кучу готовых мнений.

С этой же Катей, кстати, связана была занятная история. Мошкин рассказывал ее так:

«Еду в институт и вижу по дороге парня в зеленой куртке с оранжевыми карманами и желтыми рукавами. Натурально попутай, да? Я смотрю и думаю: неужели найдется еще хоть один придурок, который эту куртку купит? Потом пришел, а Катя встречает меня в такой же куртке!»

«Постой, — осторожно спросила Дафна, — а твоя осенняя куртка... ну в которой ты вчера приходил... она разве не...?»

— Так это она и есть. Катя мне ее передарила. Она ей велика оказалась, — ответил Мошкин с робкой улыбкой.

Когда мальчик Петя Чимоданов съел все, что имелось в кастрюльке, они с Мефом стали вспоминать про вчерашний дождь и спорить, кто больше намокает: человек, который идет под дождем, или человек, который бежит. Меф утверждал, что который бежит, потому что он еще и грудью капли сшибает. «Зато он меньше времени под дождем проводит!» — напирал Чимоданов.

Мошкин не вмешивался. Он только вспоминал, как шагал вчера по огромной луже, в которую превратилась 2-я Хуторская улица, останавливался и спрашивал: «Когда ты совсем мокрый, дождя можно уже не бояться? Да?»

Пока они препирались, соскучившаяся Дафна пела Депресняку колыбельную: «Спи моя гадость, усни!» Бывали случаи, когда Чимоданов и Меф спорили о какой-нибудь ерунде часа по два, и Даф, зевая, отправлялась спать, оставив их выяснять, сохранится ли человеческая культура, если пять мужчин и пять женщин попадут на необитаемую планету, не имея даже гвоздя и шариковой ручки, или не сохранится.

— Подчеркиваю! Имей в виду! — наконец сказал утомленный Чимоданов.

Горло у него сипело от многократного повторения одного и того же.

— Да имел я тебя в виду! — отвечал Меф, под глазами у которого голубели подковы.

Он посмотрел на часы и со стоном встал, чтобы собираться в универ.

— А я тогда посплю часик на твоей кровати! Вечером тренировка! — сказал Мошкин, обрушиваясь на диван Мефа. Диван всхлипнул всеми пружинами.

* * *

Вернувшись из университета, Меф обнаружил у входа в общежитие мотоцикл Эссиорха, прикрученный цепью к выносной рекламе магазина «Продукты». Возле мотоцикла на корточках сидел обросший бородой озеленитель в шлепках и ногтем большого пальца ковырял цепь там, где с нее содралась краска.

— Здравствуй, аксакал! Твой мотоцикл? — спросил Меф.

Озеленитель не растерялся.

— Тут парковать нельзя! Слюшай, да! — сказал он, отодвигаясь от мотоцикла не дальше чем на шаг.

Меф некоторое время прождал, пока он уйдет, но так и не дождался. Озеленитель смотрел на него круглыми глазами и грозно шевелил большими пальцами ног. Тогда Меф ушел сам.

Эссиорх с Дафной сидели за столом. В первую секунду Меф подумал, что они играют в карты. Но они раскладывали фотографии. Меф заглянул Дафне через плечо. На одном из снимков он узнал Тухломона. Другие тоже показались ему знакомыми. Когда-то он часто

видел их в очереди суккубов и комиссионеров.

— Этот? — спрашивал Эссиорх, подвигая один из снимков.

— Он бы не рискнул. Очень уж Арея боялся, — отвечала Даф и двигала вперед другой снимок. — Скорее уж этот! Вечно первым лез и наглед!

— Эссиорх! Скоро без мотоцикла останешься! — сообщил Меф.

Вскочив, хранитель подбежал к окну. Озеленитель раздобыл где-то ножовку и увлеченно пилил цепь.

— Да нужен ему мой мотоцикл! Говорил я Улите: крась лучше! — зевнул Эссиорх, возвращаясь на свое место.

— Ты что, не собираешься ничего делать?

— Цепь заговоренная. Чтобы ее перепилить, нужно лет шесть, — довольно объяснил Эссиорх.

Он закончил сортировать карточки и убрал лишние со стола, оставив только несколько.

— Вот они — самые удачливые суккубы и комиссионеры мрака, которым начальство делает послабления. Есть и другие, но, думаю, вначале стоит проверить этих...

— А зачем их проверять? — спросил Меф. Он видел в свое время столько пластилиновых рож, что теперь его от них мутило.

Из любопытства Буслаев подошел к окну. Разочаровавшись в ножовке, бородатый озеленитель уже работал циркуляркой, добытой на ближайшей стройке. Рядом, настороженно поглядывая по сторонам, вертелось еще трое озеленителей. Циркулярка звякнула. Диск разлетелся.

Дафна посмотрела на Эссиорха. Тот кивнул.

— Есть предположение, что у кого-то из них твои ножны, — объяснила Дафна.

Буслаев подался вперед. О существовании двух других артефактов он слышал и прежде, но считал их легендой.

— Мои ножны? А щит?

Дафна беспомощно оглянулась на шкаф. Меф нетерпеливо потянул дверцу. На него обрушилась лавина одежды. Недовольно зашипел, щеря зубы, дремлющий вечно в самых неподходящих местах Депресняк. Меф задрал голову, сдернул с верхней полки рюкзак. Из-под рюкзака плеснул светом каплевидный щит с женской головой.

Разглядывать его Меф не стал. Он не признавал эстетики ради эстетики. Оружие он делил на то, что «работает», и на то, что «не катит». Схватил щит, надел на руку. Стремительным толчком воли вызвал меч. На мгновение меч притянулся к щиту, точно поздоровался с ним после долгой разлуки, и сразу отстранился. Меф прокрутил меч в руке.

— Давай проверим щит! Атакуй! — потребовал он у Эссиорха.

— Лучше начать с маголодий! — мягко возразил тот.

Меф повернулся к Дафне.

— Давай самую сильную!

Дафна извлекла флейту и, сложив в голове маголодию, коснулась губами мундштука. Раньше она бы сделала это не задумываясь, но сейчас ей было жаль его. Последнее время Дафна настолько омефилась, что даже слово «мифический» писала через е — «мефический». А тут нате вам — пали в него боевой маголодией.

— Как-то так сразу... Я не могу... Ты в курсе, что маголодий понарошку не бывает? Если уж шарахнет, то...

— Давай! — нетерпеливо повторил Меф. Дафна выдохнула штопорную маголодию — не

самую сильную, но одну из самых удачных. Спиралью закручиваясь вокруг противника, маголодия терпеливо выискивала в его обороне брешь и наносила туда удар.

Меф полетел кувырком, спиной опрокинув стол. Эссиорх помог ему подняться. Потом нашел щит и вернул Мефу. Тильной частью руки Буслаев вытер нос. На руке дрожала капля крови, похожая на шарик.

— С этой ясно!.. Давай другую! — распорядился он.

— А одной тебе мало? — грустно спросила Дафна. Меф, как всегда, не склонен был признавать поражение.

— Слишком длинная. Я бы тебя мечом достал! Мне важно было проверить: отражает или нет, — заявил он и снова загородился щитом.

Дафна выдохнула следующую. Эта была сильнее прежней, но не такая изворотливая. Соткавшись из воздуха и из мысли Дафны, звуки ударили в центр щита. Меф качнулся, но устоял.

— Отлично! Еще!

Вскоре Дафне пришлось напрягаться. Она никогда особенно не утруждала себя зазубриванием атакующих маголодий — хватало тех нескольких, которые она регулярно использовала.

Из семнадцати стандартных атакующих маголодий щит пробили только две. Часть не сработала вообще, потому что Дафна, мало практикуясь, что-то в них напутала. Еще четыре нанесли Мефу некоторый урон. Остальные щит стряхнул небрежно, как дождевые капли.

Уже под конец Дафна вспомнила маголодию тройной атаки. Первая волна звуков на время ослепляла противника. Вторая подбрасывала его, а третья ударяла по нему, как ракетка по подкинутому мячу.

Меф был знаком с этой маголодией и прежде, но никогда ничего не мог ей противопоставить. Можно отразить выпад клинком, но как отразишь мчащийся на тебя грузовик? Уже после первой слепящей волны, уверенный, что его сейчас впечатает в стену, Меф, забывшись, перехватил меч обеими руками и внезапно понял, что щит исчез. Он оборонял все тело, но при **этом** словно и не существовал. Вторая волна соскользнула с защиты Мефа, лишь слегка опалив ему волосы, а третья прокатилась над ним, не причинив никакого вреда.

Пораженная Дафна опустила флейту. Меф сделал мечом несколько пробных выпадов с обеих рук. Щит не мешал, не сковывал движений, хотя Меф и ощущал его присутствие. И лишь когда Меф пожелал этого и перебросил меч в правую руку, щит возник снова.

— Ну что... закончились маголодии? Теперь давай ты! — в азарте крикнул Меф Эссиорху.

Тот развел руками.

— Да что я? Я старый изломанный байкер! Ты вон с ним справишься! Давай, Корнелий! Только не зашиби! — лениво сказал Эссиорх, кивая куда-то за спину Мефа.

Буслаев обернулся, не понимая, откуда в комнате мог взяться Корнелий. В следующую секунду Эссиорх с силой дернул за ковер и мгновенно закатал в него Мефа вместе со щитом. На свернутый ковер хранитель аккуратно поставил стул и сел на него. Буслаев извивался как гусеница. Из ковра торчала одна голова.

Эссиорх ногой придвинул к себе разбитые маголодией часы и послушал ухом, тикают ли они.

— Дафна, тебе пора! Надеюсь, Улита уже выследила суккуба. Одного из тех, троих. Я просил ее еще с утра, — сказал он.

— Суккуба? Какого? — спросила Даф.

— На месте узнаешь.

— А я? — завопил из ковра Меф.

— Нам с тобой лучше не маячить. С этой публикой я больше Улите доверяю. Спугнем, ляжет на дно — за год не выпарапашь... Да не извивайся ты! Силы береги! Тебе сегодня в другой город ехать!

Меф от удивления перестал ворочаться.

— Куда?

— Скоро узнаешь! Дыши носом, это успокаивает!

Объясняя Дафне, как найти Улиту, Эссиорх вышел из общежития. Четыре озеленителя таинственно улетучились. Мотоцикл валялся на газоне. Лукоморская цепь исчезла вместе с его задним колесом и рекламой магазина «Продукты».

— Даже перепиливать не стали! Надо было к раме крепить! — ошеломленно прохрипел хранитель.

Дафна засмеялась и, протолкнув в горловину рюкзака морду высунувшегося Депресняка, телепортировала.

* * *

Возвращение эйдоса внешне мало повлияло на Улиту. Нимба у нее над головой, разумеется, не возникло, и привычки остались теми же. Разве что изредка она останавливалась посреди улицы и на несколько минут замирала со слегка досадливым выражением лица, пальцем царапая грудь. Она точно ощущала в себе что-то тревожащее, существующее не по законам этого мира и выпадающее из круга ее привычных занятий.

Когда Даф ее увидела, Улита сидела напротив старого здания мэрии и, скучая, цыганской иглой колола себя в нготь. У проезжавших по Тверской автомобилей лопались шины. За спиной у Улиты сурово взирал на ее делишки московский князь Юрий Долгорукий.

Рядом с Улитой стояла коробка острых куриных ножек. Видимо, бывшая ведьма по старой привычке увела из сетевого ресторанчика чей-то обед.

— Потому что у меня жевательный рефлекс! Эдакое затянувшееся младенчество! И вообще кратковременная я какая-то! Высокий накал мысли не могу сохранять сутки напролет! И хорошей не могу быть сутки напролет! Все во мне непрочно!

Жалуясь, Улита дирижировала куриной ножкой, что несколько снижало накал трагизма.

— Суккуба нашего видела? — спросила Дафна.

— Пока нет. Но сегодня он точно будет.

— Уверена?

— Расписание мрака надо знать. Пуфс ввел новые правила. Сегодня он принимает буквы от «А» до «Д». Смекаешь, что получается? — заявила Улита.

Дафна засмеялась. В ее смехе было много полупрезрения-полуснисхождения, которое мы испытываем к чужому начальству и которое моментально исчезает, едва только начальство становится собственным. Улита тоже засмеялась, но гораздо более натянуто. Она все еще числилась в сотрудниках мрака, хотя на самой Дмитровке почти не бывала.

Примерно через полчаса, когда Дафна устала всматриваться в толпу, Улита дернула ее за рукав.

— А вот и наш попугайчик! — прошептала она. — Где?

Даф, недоумевая, обернулась. Голубь на руке у московского князя мало походил на попугайчика. Улита схватила ее за плечо и толкнула за киоск с мороженым.

— Стой тут и не высовывайся! — велела она.

— А попугайчик? — наивно спросила Даф.

— Сейчас будет! Такой напугайчик, что прямо запугайчик! — пообещала ведьма.

От Большой Дмитровки к Тверской катился кругленький маленький человечек в желтеньком плащике, похожий на лимон с ножками. Вид у него был независимый, а ладони он засунул в карманы так, что наружу торчали только большие пальцы, которыми он непрерывно шевелил. Щечки у человечка были пористые, круглые, а подбородок и лоб равномерно вытянутые, что усиливало сходство все с тем же лимоном.

Когда он поравнялся с киоском, ведьма сделала быстрый шаг вперед и подхватила его под локоть.

— Ваши документики, уважаемый!

«Лимон» подпрыгнул от ужаса и из желтого сделался зеленым, мгновенно утратив товарный вид. Документики он показать не пытался, только дрожал.

— Зы-зы-зыздрасьте! — проблеял он.

— Знаешь, кого я поймала? — спросила Улита. Дафна втянула носом воздух, больше доверяя

нюху, чем глазам. От незнакомца в плащике пахло духами пополам с пшикалкой для

горла.

— Суккуба, — безошибочно ответила она.

— Ну это и так видно! А какого?.. Разве тебе Эссиорх имени не говорил?

Даф мотнула головой. Улита встряхнула «лимона» за ворот.

— Разве ты его в канцелярии никогда не видела? А, ясно! Арей его редко вызывал! Вот подсказка: это суккуб, с которого мрак не требует эйдосов! Не требует отчетов! Соглашается держать на земле за просто так! Не хилая зацепочка, а? Вообрази: за просто так!!!

Дафну не спасла и зацепочка.

— Ну ты, мать, даешь! Это же Гудрон! — изумилась Улита.

Даф нахмурилась. Имя было ей хорошо знакомо. Она вспомнила, что одно время его долго искали боевые двойки златокрылых.

— ГУДРОН? Что, тот самый? — спросила она недоверчиво.

— Угу. Тот самый Гудрон! Наисамейший такой Гудрончик!!! — охотно согласилась ведьма.

Дафна вцепилась в загривок Депресняку. Конечно, она знала, что мрак проводит компанию по уничтожению важных понятий. Уничтожить их, разумеется, нельзя, но можно попытаться извратить, придав слову другой смысл. Было истиной — стало оскорблением.

— Так это ОН??? Тот самый комиссионер, который портит слова? Он изгадил слово «тварь»? И «убогий» тоже он?? И из «прелестной женщины» комплимент он сделал?

— Он, он, — наябедничала Улита.

Она протянула руку и пальцами растянула суккубу мягкие щеки. «Лимон» в ужасе дергался, пытаясь слинять, но секретарша держала крепко.

— А ну! Улыбочку! Вас снимает скрытая камера!

Гудрон тревожно зарумянился. Щеки его дрожали. На них образовывались нескончаемые бугорки и мешочки.

— А «не буду работать за «спасибо!» тоже ты? Человек, который такое брякнул, хотя бы понимает смысл слов?

— Это в переносном смысле! Надо же иметь чувство юмора! — сказал Гудрон поспешно.

— Ладушки! Тогда скажи с чувством юмора: «Лигул меня побери!» — и я тебя отпущу! В ту же секунду! И пусть даже смысл будет самый переносный! — с азартом предложила Даф.

У Гудрона заметались глазки. Улыбка по дряблым щекам увильнула к ушам и затерялась без следа.

— Видите ли, друзья мои! Я бы, конечно, сказал, но поймите меня правильно... Данное фразеологическое выражение «Лигул меня»... э-э... ну, вы понимаете, не столь закрепилось в языковой традиции, посему из опасения быть ложно понятым, я, пожалуй, не возьму на себя смелость... Исключительно с семантической точки зрения!

— Слушай, Даф! — нетерпеливо шепнула Улита. — А ведь мы не можем его отпустить!.. Я у мрака еще числюсь, а он на меня накапа... Ай! Что ты делаешь, гаденыш?

Она еще не договорила, когда «лимон», обвисший у нее в руках как пустой плащик, брызнул ей в глаза из баллончика и укусил ее пластмассовыми зубами за запястье.

Ведьма от неожиданности разжала пальцы. Гудрон рванулся, выскочил на проезжую часть и зайцем запрыгал между гудящими машинами.

— Лови его! — заорала Улита.

Со второй попытки Даф выдернула из рюкзака застрявшую флейту. Маголодия настигла суккуба в воздухе, когда он наполовину телепортировал. Послышался короткий вопль, хлопок и — все исчезало. На дорогу выбросило несколько разноцветных тряпок.

Дафна опустила флейту.

— Ну вот оно и случилось! — произнесла она без сожаления.

— Что случилось?

— Лигул его побрал! — пояснила Даф.

Улита никогда прежде не видела спокойную Дафну такой сердитой. Ведьма пасмурно посмотрела на валявшиеся тряпки. Запах духов рассеивался.

— Больше я не буду тебя с собой брать! — сказала она сердито. — Ну прибила его! А если ножны у него были?

Дафна наклонилась, чтобы поймать Депресняка.

— Будем надеяться, что не у него... Кто у нас остался?

— Тухломон, Хнык и доктор Возбуханчик, — ответила Улита, связавшись с Эссиорхом.

— А что за Возбуханчик? — удивилась Даф. Улита хихикнула.

— Это наша медицинская светила! Комиссионер в белом халате! По электричкам работает!

— Как это?

— Сейчас все помешаны на здоровье. Едет в электричке добрый дядя-доктор. Ехать долго, потрепаться никто не прочь, да еще с доктором. Он объясняет, что центр болезни вот тут, — Улита ткнула себя пухлым пальцем в центр груди. — И если выдернуть этот гвоздь, то все будет в шоколаде...

— А гвоздь — конечно, эйдос?

— Коронная фраза Возбуханчика: «Вы так много болеете, потому что вы слишком добрая для этого мира! Все вас используют! Позвольте, я вам помогу! Повторяйте за мной!» И — чик! — пластилиновой лапкой в грудь!

— И что? Неужели повторяют формулу отречения?

— Девяносто эйдосов в неделю. Да еще, думаю, примерно треть заживает, — со знанием дела ответила бывшая секретарша мрака.

Глава 4. Чаяние чайки, вычаивающей чайчонка

Старый резчик по дереву. Учеником резал плохо, чаще ранился. Потом начались крепкие ученические работы. Дальше профессионализм, но профессионализм бездушный. Слишком много отвлекался. Когда пришла любовь к делу и дело стало главным, центральным — начали получаться вещи яркие, мощные. Наступила старость. Стекла очков толстели. Руки дрожали. Суставы распухли от артрита, и резчик понял, что не может вырезать даже простой деревянной ложки. Он заплакал, взмолился Богу: «Господи, да как же!» и внезапно в остром прозрении понял, что резал он не дерево, а нечто гораздо более важное. Вырезал самого себя...

Йозеф Эметс, венгерский философ

Когда человек говорит, что любит осень, а другой, что терпеть ее не может — оба говорят одно и то же. Разногласия, в принципе, — фильтрация впечатлений. Первый представляет пронизанный солнцем сентябрьский день и ветерок, штопором закручивающий березовые листья. Второй же — ранний вечер, холод, тоску и непрерывный дождь.

Ирка ничего не представляла. Она стояла у окна «Приюта валькирий» и бодала его горячим лбом. Рядом переминался с ласты на ласту недовольный Антигон. Круглоголовые фонари торчали вдоль аллеи, освещая только собственные лысые макушки. Вокруг них серебристыми нитями чертился дождь.

В Сокольниках прокладывали новые дорожки. В окно «Приюта валькирий» видна была куча серебристого строительного песка. Чтобы ее не размывало дождями, кучу покрыли черным полиэтиленом, похожим на лежащего человека. Вчера вечером, когда Ирке стало совсем тоскливо, она прямо из окна прыгнула на кучу и долго лежала, а полиэтилен шуршал от ветра.

Сейчас у залитой дождем черной горы сидела мокрая дворняга и, подняв морду, вслушивалась в тучи — именно вслушивалась, потому что увидеть что-то было нереально.

Ирке неприятно было смотреть на эту собаку, потому что рядом с ней трудно ощущать себя несчастной. Слишком бросается в глаза, насколько человек меньше терпит, чем самое последнее животное. В десятки раз меньше переносит. В сотни раз больше имеет. А насколько тревожнее, ропотливее.

— Сгинь отсюда! — крикнула Ирка в окно. Собака сразу вскочила и вильнула хвостом. Ирка

поняла, чего она ждала.

— Антигон! Тут к тебе пришли! — позвала она. Кикимор взгромоздился на подоконник. В руках

у него было причудливое орудие, изготовленное из подставки для телескопа, куска пластиковой водосточной трубы, выпрошенной у Корнелия доски эдемского дерева и конфискованных у суккуба подтяжек.

— Тэк... чуточку правее... ниже... ага... в самый раз! — бубнил Антигон.

Приложился к трубе, проверил прицел и, оттянув подтяжки, отпустил их. Рядом с собакой в землю Врезался апельсин и запрыгал к беговой дорожке. Потом еще один, и еще. Апельсиновый град продолжился секунд десять. Антигон прыгал у водосточной трубы, пытаясь его остановить.

Скулящая собака, сшибленная с лап апельсином, скрылась за деревьями.

— Ты чего? — спросила Ирка.

— Не знаю, гадская хозяйка! Вчера там сосиски были! Вечно они в своем супермаркете все переставляют! Найду, кто это делает: насмерть защекочу! — оправдываясь, заявил Антигон.

В его неудачах постоянно виноват оказывался кто-то другой.

Ирка дернула дверцу шкафа, и оттуда на нее шагнул человек. Она заслонила руками. Человек тоже испугался: дернулся и заслонился. Зеркало! Ирка нервно засмеялась, хотела остановиться, но не смогла. Смех перешел в рыдания. У нее началась истерика.

Потом встала и подошла к зеркалу. Лицо, вынырнувшее в стекле, показалось ей незнакомым. Большелобое, некрасивое, с маленьким упрямым подбородком. На Ирку оно смотрело враждебно, с подозрением. Глаза — красные, уставшие от чтения. Глубоко несчастный человек, окопавшийся в своем внутреннем пространстве. В сущности, право быть любимым — главное право каждого человека. А она никому, совсем никому не нужна! И никогда не будет нужна!

Мысли двигались цепочкой, тоскливые, безрадостные, давящие. Шуршащие, как ползущая по фольге кобра, они становились все громче, все отчетливее.

— Убей себя! Хуже все равно не будет! Хватит терпеть — убей! — услышала Ирка голос, который был, скорее всего, ее собственным.

Валькирия-одиночка вздрогнула. Подошла к окну. На миг ей показалось, что там, на аллее, стоит Багров и смотрит на нее. Но нет. Просто поздний бегун.

Да, правда, хуже не будет! Осень. Дождливая хмарь. Тоска. Жажда света и солнца. И все бесполезно!

Ирка призвала копьё. Медленно повернула его наконечником к себе. Наконечник полыхал. Один укол, одно прикосновение — и все кончено. Медленно, очень медленно Ирка занесла копьё вперед на всю длину руки. Привычно оценила дистанцию: замах небольшой, но должно хватить. Сердце у нее не билось, а проваливалось куда-то. И правда, как просто! Только один укол!

— Давай! — повторно шепнул голос.

— Да! — сказала Ирка сквозь зубы. — Пора!

Она сделала быстрый бросок мимо плеча, за спину. Повернулась. Копьё валькирии не знало промаха. На стене, пригвожденный копьем, болтался дохлый молоденький комиссионер, медленно теряющий морок невидимости. На шее у него качались два шарика на нитке. Ага, дистанционный передатчик мыслей... Так она и думала!

Ирка взяла копьё за древко и, раскачав, выдернула.

— Знаешь, на чем ты прокололся? Слишком спешил... По мне, так право человека — любить самому. Ныть любимым — глубокий факультатив, — объяснила она.

Зажав пальцами нос, Антигон отправился выносить пластилин.

Около полуночи, когда Ирка не была волком только из опасения действительно превратиться в волчицу, к ней пришла Бэтла. Она была свежа, бодра и в каждой руке держала по шоколадке. На волосах у валькирии сонного копы мелкими каплями дрожал дождь.

— О, привет, поганка! Иди сюда — я тебя лелеять буду! — крикнула она Антигону, бросаясь его обнимать. Кикимор, плюясь и ругаясь, полез прятаться под стол.

Бэтла засмеялась и круглым локтем ударила в центр рамы.

— Ну и душно тут у тебя! Человек как подсолнух! Ему нужен воздух и свет!

Окно чавкнуло. Шпингалет отлетел. В раму ударило косым дождем. Внизу, у кучи песка, сидел на корточках оруженосец Бэтлы Алексей и кормил «апельсиновую» собаку полуметровой палкой колбасы.

Ирка толкнула стол ногой.

— Мне плакать хочется! — пожаловалась она.

— Так плачь! И пробеги под дождем километров пять! Вместе с плачем прочухивает на раз! — посоветовала Бэтла, насильно забрасывая ей в рот кусок шоколада.

Ирка прожевала.

— А теперь двинули! — Бэтла подтолкнула ее к люку.

— Куда?

— К Фулоне. — Бэтла заглянула под стол, откуда на нее тарашился Антигон. — Вылезай, ворчун! С нами пойдешь!

Они перелезли через забор Сокольников и стали ловить машину. Расшалившаяся Бэтла раскрутила Антигона за ласту и под мороком младенца забросила в окно проезжавшего мимо такси. Повеселевший после нашатыря водитель привез их к Фулоне.

Все валькирии были уже тут. Ламина кокетничала с оруженосцами. Один укрывал ей пледом ноги, другого она томно просила помешать ей ложечкой чай, потому что «тут нужна твердая мужская рука». Свое копы, однако, твердой мужской руке она никогда бы не доверила.

Хола разговаривала по телефону со своей подругой Нюрочкой. Эта Нюрочка была известна тем, что ей все требовалось бесконечно разжевывать.

— Ты сегодня особенно тормознута! Как может муж моей сестры быть не замужем? Тьфу, ты... ну, короче, ты поняла...

Таамаг за что-то разозлилась на оруженосца Ильги, посадила его на шкаф и велела не слезать двадцать минут. Оруженосец сидел на шкафу, не сводил взгляда с часов и делал вид, что это очень забавная шутка.

Ильга, только что вернувшаяся с работы, тихо умирала на стуле у окна.

— Я так больше не могу! — стонала она. — Я уволюсь! Мало того, что со мной в комнате сидят шесть тупых наседок! Так они завели себе кучу разных карточек, целый день переставляют их и обсуждают, кому на что надо звонить, чтобы было дешевле!

— А ты осуждаешь! — сказала Хаара.

— Чихать! Осуждать, что кто-то осуждает, хуже, чем самой осуждать! — заявила Ильга.

Ирка громко кашлянула, обозначая свое присутствие в комнате. Заметив ее, другие валькирии сразу замолчали, и из разобщенных ссорящихся женщин Стали единой отторгающей стеной. Ирка в очередной раз почувствовала, что можно ссориться и оставаться при этом своим, а можно всем улыбаться и быть чужим.

Правда, и у Ирки имелись тут свои защитницы: неуклюжая, грохочущая Таамаг, Бэтла и Гелата.

Гелата толкнула Ирку на свой стул, задвинула ее в удобный уголок за шкафом и принялась закармливать насмерть, решительно собирая с тарелок других валькирий все, что

было стоящего. У кого-то кусок торта, у кого-то куриную ножку. Другие валькирии тихо сопели, но возражать никто не решался. При всей своей кажущейся мягкости внутри Гелата была стальная.

Ирка отважно мешала крем с мясом, поочередно откусывая от торта и ножки. Она смотрела на Гелату — такую светлую, улыбающуюся, и думала, что никаких поводов для радости у той нет. Интересная она, Гелата! Живет в Солнце с получужой старушкой, у которой сто две болячки на неделе, не считая обид на весь мир и дурных настроений. Вещей — полтора чемодана, да и с теми согласится расстаться в любой момент. Похвалишь что-нибудь — моментально дарит.

Будущее? Личная жизнь? Говорить нечего. Личная жизнь валькирии — ее копье, щит и шлем. Измен они не прощают. И при всем при этом из валькирий Гелата самая радостная. Счастлива напролом, вопреки всему. Точнее Ирка не могла выразить и путалась в противоречивых понятиях.

Бэтла выскользнула в коридор, почти сразу вернулась и поманила за собой Ирку.

— Давай! Ни пуха! — сказала она, вталкивая ее в соседнюю комнату.

Фулона сидела у шкафа, непривычно тихая и домашняя.

— Добрый вечер!.. Не передашь мне вон ту коробку? За шторой! — попросила она.

Ирка отодвинула штору. На подоконнике стояла поцарапанная жестяная коробка. В таких хранят иголки, наперстки, батарейки.

— Сейф, — пояснила Фулона. — Сейф валькирий. В нем то, что наши предшественницы собрали за все время существования валькирий.

Ирка недоверчиво хмыкнула. Ей казалось, такой сейф можно вскрыть ключом для консервных банок.

— Сними крышку! — предложила Фулона.

Воспользовавшись разрешением, Ирка заглянула. Ничего. Пустая коробка, если не считать катушки белых ниток. Блестящее дно с несколькими пятнышками ржавчины.

— Положи туда чего-нибудь!

Долго не выбирая, Ирка сунула в коробку мокрую чайную ложку из стоявшей тут же чашки. Фулона поморщилась.

— Послушай, одиночка! Ты бы ее хоть вытерла! Ирка смутилась.

— Доставать?

— Давно пора, — кивнула валькирия золотого копья.

Ирка, не глядя, попыталась достать ложку. Пальцы лязгнули о дно. Пусто. Ирка встряхнула коробку. Внутри загремела катушка с нитками.

— А как теперь вытащить?

— Это сейф. Положить может любой. Достать только я. Ну или, если я погибну, другая валькирия золотого копья.

— А если кто-то похитит всю коробку? — предположила Ирка.

— Давай! Уноси! — легко согласилась Фулона.

Коробку Ирка подняла легко, подумав: жестянка, но выйти с ней из комнаты не смогла. Страшная тяжесть придавила коробку к полу.

— Громоздкая штука эти кони на Большом театре! — сочувственно сказала валькирия золотого копья.

— Так они...

— Пространственно окольцованы, — кивнула Фулона и достала ложку.

— Помой, если тебе не сложно. Ненавижу грязную посуду!.. Нет, не сейчас, потом! Пока взгляни на это!

Рука Фулоны вновь нырнула в коробку и выудила высокий бронзовый кувшин восточной работы. Невероятно, но кувшин казался вдвое выше коробки и раза в полтора шире. Горлышко залито сургучом.

— Стражи света ищут Буслаеву ножны. На мой взгляд, ему полезнее была бы трепка, но тут уж ничего не попишешь... Ножны так ножны! — сказала валькирия золотого копья.

— Уверена, что не найдут. Комиссионеры и суккубы слишком изворотливы. Поэтому мы найдем их сами. С помощью этого вот...

Фулона ногтем щелкнула по кувшину.

— Здесь один из семи джиннских королей, поглотивший в битве двенадцать тысяч джиннов и впитавший их силы. Потом другие шесть королей объединились и заточили его в кувшин.

— А почему заточили?

— Он заиклился, — пояснила валькирия золотого копья. — Но все равно это очень сильный джинн. У него уникальное чутье. Дай ему осенний лист, и он расскажет тебе путь всех его атомов за три тысячи лет.

— Хотите, чтобы мы освободили спятившего джинна? — осторожно спросила Ирка.

Фулона укоризненно подняла палец.

— Заиклившегося! — поправила она. — Это разные вещи. Джиннов вечно клинит на чем-нибудь определенном. Придумывают себе правило и начинают ему следовать. Один засыпает песком колодцы, другой превращает овец в блондинок, блондинок — в ящериц, а ящериц — в овец... Тысячи, миллионы повторений одного и того же.

Фулона царапнула ногтем по горлышку. Окружавшие его древние буквы походили на узор. Собственно, за узор Ирка их и приняла.

— Мы разобрались бы и сами, но меня несколько смутила надпись: «Не нарушай мой покой! Уничтожу живого и рассыплю прахом мертвого! Найду тебе все, что ты захочешь! Но горе, если ты не пожелаешь этого взять!»

— «Уничтожу живого и рассыплю прахом мертвого?» — вопросительно повторила Ирка.

— И не сомневаюсь, что он сдержит обещание. Значит, нам нужен кто-нибудь не совсем живой и не очень мертвый... — Фулона тактично опустила глаза и увидела на ковре нитку.

«Багров?» — хотела спросить Ирка, но не решилась. Она боялась услышать: «нет!» и потерять надежду.

Фулона наматывала поднятую нитку на палец. Ее интересовало только это.

— Там на столе конверт... Возьми! — сказала она. В конверте оказались четыре билета. Первый до

Белгорода. Курский вокзал, восемь утра. Остальные три — на обратный поезд до Москвы. Один на нее, другой на Мефодия Буслаева, третий — на Матвея Багрова. Ирка смотрела на билет, и буквы уплывали. Фулона заглянула ей через плечо.

— Договориться с джинном может только некромаг, потому что сознание у джиннов... э-э... почти такое же упертое. Ну-ка, дай на билеты взглянуть! Фамилию верно написали?

Ирка поняла, что отдать билеты не может — не разжимается рука. Фулона понимающе усмехнулась.

— Так, значит, Матвей... — спросила Ирка.

— ... прощен, прощен!.. — отозвалась Фулона. — Не надо меня благодарить! Он прощен светом. Я со своим поручением примазалась позже. И поверь, риск немаленький. Джинны хуже психов. Никогда не знаешь, чего от них ждать в следующий момент: цветочек подарят или вилку в глаз вгонят.

От Ирки ускользал смысл слов. Она так одеревенела в своей тоске, что, как зимний сугроб, никак не могла поверить в весну и растаять.

— А откуда вы знаете, что Багров в Белгороде? — спросила Ирка сдавленным голосом.

— Его Буслаев нашел... Где-то в товарняке... Ну все, марш собираться!

Ирка на секунду закрыла глаза. До поезда еще больше половины ночи. Потом двенадцать часов до Белгорода. Значит, она увидит Багрова только через сутки. Невыносимо долго.

— А можно я... — начала Ирка.

— Никаких дальних телепортаций! Кувшин — а ты берешь его с собой — их не

перенесет. Или хочешь иметь дело с разгневанным джинном?

* * *

По Большой Дмитровке ветер нес подпрыгивающую журнальную обложку. Телезвезда с обложки продолжала терпеливо улыбаться, хотя ее скребло лицом об асфальт.

Кривоногий полумладенец с лицом дряхлого старца махнул бамбуковой тросточкой. Зигя в точности повторил его движение, но уже булавой. Комиссионер по прозвищу Дук-Дук прекратил свое существование.

Другие комиссионеры стояли навтыжку и мелко дрожали.

— Он же сдал норму! — робко подал голос Тухломоша.

Пуфс достал платок и вытер с лица пластилиновые брызги. Он слегка запыхался, махнув тростью.

— Не сдал. Норма увеличилась, — сказал он одышливо.

— Давно? — встревожился Тухломон.

По носу Пуфса прокатилась многоцветная волна, стекшая с его кончика большой прозрачной каплей. Новый начальник русского отдела ловко поймал каплю сгибом пальца.

— С этой секунды! Марш работать! — сказал он нежным голосом.

Уцелевшие комиссионеры с готовностью сгнули. Тухломоша ухитрился пальцами правой ноги стащить зажиленные эйдосы, которые бедный Дук-Дук прятал в бумажке, приклеенной к большому пальцу левой ноги.

В комнате остался один Ромасюсик. Он стоял и кокетливо ковырял пальцем в ухе, где у него помещалась целая кладовая звуков.

— Ну? Где? — поторопил его Пуфс. Ромасюсик сунул руку за пазуху и извлек аккуратную тетрадку, завязанную зеленой ленточкой.

— Вот: вся минувшая неделя, — сообщил он сдобным голосом.

Пуфс сорвал ленточку. Почерк у Ромасюсика был каллиграфический. Каждая буква, толстая и сдобная, кричала: «Я Ромасюсик! А я, что ли, не Ромасюсик?»

30 сентября.

8.00. Стал будить ее по полученному накануне распоряжению.

8.10. Открыла глазки.

8.12. Сказала мне моим голосом: «Отвали!»

8.15. Толкнула меня ножкой в личико.

9.20. Скушала булочку и выпила чаю.

10.05. Катались с господином Зигей на асфальтоукладчике. Въехали в витрину кафе.

10.10. Господин Зигя изволил поперхнуться тортом. Стучала его по спине табуретом.

10.15. Господин Зигя поперхнулся еще одним тортом.

11.00. Засмеялась, увидев раздавленного щенка. Поблизости произойти пожар и небольшое наводнение.

12.20. Господин Зигя прыгал по крышам троллейбусов. Порезал палец. Оказала ему помощь.

Пуфс посмотрел на босые ступни Зиги. Большой палец был обмотан тряпкой.

— Нашла кого жалеть! На нем все заживает, как на кошке! — пробурчал Пуфс. — Я просил писать только самое важное! Говорила о Мефе? Что? Встречалась с кем-нибудь из светлых?

— Нет. Но несколько раз повторила, что ее все достали. А раз все, получается, и мрак тоже? — с хитрой рожицей сказал Ромасюсик и ушел, сопровождаемый тучей ос.

Пуфс продолжал задумчиво листать тетрадку.

Пахло дымом. Из стены вышагнул посланец Тартара Рамсес II, отставной фараон, заведующий отделом искаженных артефактов, чье первое тело пылилось в одной из забытых пирамид. Изредка Рамсес навещал свое тело и играл ему на лютне, тоскуя по былым временам. Это был типичный канцелярист — рыхлый, в закапанном халате, с головой, похожей на редьку; с бородавкой на носу, которая в действительности была амулетом счастья. На одной цепи с дархом у него болталась чернильница-непроливайка.

Пуфс и Рамсес ненавидели друг друга. В службе оба были примерно равновесны. Поговаривали, их примеряют на одно место в Генеральном Совете мрака.

— Нас никто не подслушивает? — спросил мнительный Рамсес.

Пуфс пяткой тщательно растер по полу уцелевшее ухо Дук-Дука, которое начало уже отращивать тараканьи ножки.

— Отлично. Нам сообщили, что щит уже у Буслаева! Свет проглотил наживку. Долго же мы ждали! — сказал канцелярист.

Пуфс с трудом сдержал раздражение. О щите он еще утром узнал от вездесущего Тухломона.

Ему хотелось махнуть тросточкой, чтобы Зигя и Рамсесу проломил голову. Парадокс бытия: слуги мрака не слишком ладят с себе подобными, предпочитая при малейшей возможности паразитировать на свете. Кого хочет в жены старый скряга? — Тихую, добрую, скромную. А о каком стороже своих сокровищ мечтает вороватый делец? — О честном, верном, преданном, а еще лучше о собаке, потому что людям он вообще не верит.

Все же Пуфс счел полезным забиться в административном восторге. Увидев на лице у посланца Тартара коварную улыбочку, Пуфс мнительно обернулся и понял, в чем дело. Он забыл разорвать с Зигей контакт, и гигант, сам того не желая, его передразнивал.

— Сгинь! — велел Пуфс.

Предоставленный сам себе великан мгновенно избавился от булавы и сунул палец в рот.

— А посему тут фезде пластилинчик? Кто игрался в пластилинчик? Зигя хосет се-нить шладенькое! Где моя мама? — заскулил гигант.

— Ис-чез-ни! — отдельно повторил Пуфс. Тело повернулось и, томясь, утопало искать Прасковью. Рамсес проводил его кошачьими глазками. Пуфс понял — к вечеру над ним будет потешаться вся канцелярия, и так разозлился, что в нем скис вчерашний ужин.

— Пока щит у Мефа, мы хозяева его меча. По нашему приказу меч атакует того, кого мы выберем. Хотя бы и самого Троила, — сказал Рамсес.

Пуфс дернул себя за бородку. Он понимал радость Рамсеса: два столетия подряд тот терпеливо способствовал перерождению артефакта, после чего незаметно сплавил его в Тибидохс. И вот теперь в давно расставленную сеть заплывла наконец рыба.

— Не факт, что Троил захочет увидеть Мефа! — завистливо возразил Пуфс.

— Перед решающим боем, который определит судьбу света и мрака? Уверен, что захочет... и тогда триумф мрака будет полным... меч Буслаева зарубит Троила, а Арей покончит с Мефом, — сказал Рамсес.

— А как мы подгадаем момент, когда нужно направить меч в Троила? Насколько я понимаю, в Эдеме никого из наших нет, — поинтересовался Пуфс.

Рамсес усмехнулся.

— Кто тебе сказал, что Троил будет встречаться с Мефом в Эдеме? Буслаев пока недостоин Эдема и не сможет туда попасть. Встреча произойдет в Москве. Других вариантов нет.

— А обстоятельства?

— Мы их создадим. Свет прикрывает Буслаева. За ним постоянно следуют двое златокрылых. Он об этом не подозревает, разумеется. Оба держатся на приличной высоте... Ну а дальше уже не твоя проблема, Пуфс! Занимайся своей работой! Меч Мефа у нас на службе.

— Но это пока у него нет ножен, — вскользь заметил Пуфс.

— Именно поэтому тебе приказано найти ножны в десятидневный срок и представить их в главную канцелярию! — Рамсес глазками указал на пол, чтобы Пуфс лучше усвоил, чье это распоряжение. Зигги пожелтел, ненавидя Рамсеса с избыточной силой.

— Не сочти за недоверие, но распишись, пожалуйста, что получил приказ... — сухо сказал Рамсес и сунул Пуфсу пергамент с иголкой. Получив заветное пятнышко крови, он спрятал пергамент и, кивнув Пуфсу, скрылся в трещине штукатурки.

Пуфс дернул веревку колокольчика. Почти сразу в кабинет просунулась голова младшего стража Фирса — похожая на вытянутую тепличную редьку, с торчащими пучком зеленоватыми волосами. Фирс рвался услужить, и Пуфс предположил, что сегодня, принимая комиссионеров, его юный помощник незаметно припрятал под ногтями несколько эйдосов. Техника простая: считая, сдвигаешь эйдосы пальцем, потом незаметно пропускаешь один под ногтем, который заранее смазываешь клеем или медом.

По неопытности Фирс подошел слишком близко. Его голодный дарх, извиваясь, потянулся к раскормленному дарху Пуфса. Пуфс предупреждающе кашлянул. Фирс торопливо дернул цепь и перекинул дарх за спину. Оба стража — начальник и подчиненный — притворились, что ничего не видели, и милейшим образом улыбнулись друг другу.

— Садитесь, двуг мой! — прелестно картавя, предложил Пуфс. Кончик носа у него приветливо порозовел.

Фирс осторожно опустился на краешек стула, заняв ровно столько места, сколько могла бы занять решившая отдохнуть муха.

— Мне нужен лишенец! — сказал Пуфс. Младшему стражу стало не по себе. Тот, кто вызывает лишенца, подвергает себя страшному риску.

— С ним не договоришься! Что мы ему предложим? — пролепетал он.

— Не твое дело. Позови лишенца! Ближайшего, который найдется! — вкрадчиво повторил Пуфс.

— Может быть, тогда вы сами... — пискнул Фирс. Пуфс остановился. У него начал белеть нос. Фирс

пугливо вскочил, приблизился к трещине в полу, соединяющей резиденцию с Тартаром, и пальцем начертил на плитах руну. Не хватало только маленького штриха. Собственно, этот штрих и был гарантом серьезности намерений вызывающего.

С укором оглянувшись на Пуфса, младший страж укусил себя за палец и поставил внутри руны жирную кровавую точку. Кровь вскипела и свернулась. Трещина в плитах пола заполнилась туманом. Начальник русского отдела и младший страж с беспокойством вглядывались в вытекающее из щели облако, однако лишенец неожиданно появился не из трещины, а серой дымкой вполз через заложенное кирпичом окно.

— *Я здесь, стражи! Говорите, что нужно, или тот, чья капля крови оживила руну, умрет.*

Младший страж Фирс умоляюще уставился на Пуфса.

— Ножны, — сказал Пуфс. — Ножны Древнира! Лишенец не удивился. Только качнулся в воздухе,

прохладной рукой коснувшись головы Пуфса.

— *Я найду ножны. Мы их найдем.*

Лишенец стал распадаться на тени. Когда их стало семь, они застыли вокруг трещины молчаливым полукругом. Пуфс понял.

— Ах да! Твои условия! — сказал он. Голос лишенца шуршал как песок.

— *У меня есть враг,*

— Кто?

— *Неважно. Шестеро из нас ждали, пока я выйду из Тартара и смогу отомстить. Шестеро мечтали о мести, и только один желал прежде говорить с ним.*

— И вы его слушали? — заинтересовавшись, спросил Фирс.

Лишенец повернул к нему голову. Его лицо было совершенно лишено черт.

— *Чтобы что-то сделать, все семеро должны сказать «да». Мы говорили с нашим врагом и почувствовали, что он для нас неуязвим. Единственное существо, которое ему дорого, защищено эйдосом, а значит, светом. Чтобы нанести удар, нам нужно крыло валькирии.*

— У валькирий нет крыльев! — осторожно напомнил Фирс.

— Крыло валькирии, — спокойно повторил лишенец. — *Это мое условие! Ножны Древнира в обмен на крыло. До встречи, стражи!*

Серая тень начала вползать в стену. Фирс провожал ее взглядом, ерзая от желания узнать.

— А почему один не хотел смерти врага? — неожиданно спросил он.

Тень, почти исчезнувшая в стене, дрогнула и повернула обратно.

— *Ты все-таки умрешь, любопытный страж, давший кровь для руны! Семь из нас сказали «да!».*

Вытянувшаяся холодная рука коснулась лба Фирса. Младший страж мрака стал прахом прежде, чем крик отделился от его распахнутого рта. Несколько мгновений прах сохранял форму стоящего тела, а потом уцелевшая цепь дарха, опередив прах в падении, прорезала его и звякнула об пол.

Пуфс, не растерявшись, отодвинул его маленькой ножкой от трещины. Ему было любопытно, сколько успел наворовать его сотрудник.

— Ты получишь крыло валькирии-одиночки! — пообещал он.

Этой же ночью Пуфс начертил руны вызова и плеснул в нее крови из склянки. Постоял рядом, по-бабьи вздыхая и наблюдая, как она шипит и испаряется. Стоящий рядом Зигя закрывал глаза и пугался: крови он боялся смертельно. Разумеется, когда им не управлял Пуфс.

Тот, кого вызывал Пуфс, не спешил и появился на Дмитровке, 13, только на следующее утро.

Глава клана убийц Эстик был тускл, лыс, тощ, сутул. Его ладонь, протянутая для рукопожатия, вывалилась из руки Пуфса как дохлая. Приехал он на старой «шестерке», которая гремела, как конструктор. В Тартаре убивали все, но клан убийц справлялся с этим лучше прочих. Канцеляристы, любящие действовать чужими руками, очень это ценили.

Пуфс стоял у входа в резиденцию, в капюшоне, в темных очках, из опасения солнца, и вежливо улыбался, показывая, как ему приятно.

Вползая задом на бровку, «шестерка» трижды заглохла. Пуфс знал, что в каждом городе и каждой стране мира у главы клана убийц было по одной старой машине. Зачем они нужны стражу из Среднего Тартара и почему все машины такие дряхлые — загадка. Хотя и стражам не чужды закидоны. Может, главу клана забавляла игра слов: «убийца» и «убитые» машины?

Эстик и Пуфс прошли в резиденцию и заперлись в кабинете у Пуфса. Эстик сидел на стуле, такой тихий и печальный, что в переходе у метро ему в ладошку стали бросать бы мелочь. Любопытный Ромасюсик попытался заглянуть с вопросом, не принести ли чайку, но Эстик посмотрел на него вяло, и Ромасюсик улетучился.

— Кто? — спросил Эстик коротко и деловито.

— Это? Ромасюсик!

— И?..

— Что «и»?

— И вы хотите, чтобы я убил Ромасюсика? — поинтересовался Эстик без тени иронии.

Пуфс засмеялся. В соседнем доме по адресу Дмитровка, 15, сыр в холодильнике покрылся могильной зеленью.

— Не надо. Убить вы должны валькирию-одиночку и принести мне ее крыло.

Эстик снова впал в спячку. Пуфс сделал из его молчания неправильные выводы и решил немного покачать права.

— Валькирии — враги мрака. Убивая валькирий, вы выполняете свой долг! — сказал он с благородным негодованием.

— Вы тоже слуга мрака, не так ли? Убейте свою валькирию сами и выполните свой долг, — едко отвечал Эстик.

Пуфс понял, что перед ним прожженный плут.

— Сколько? Десять эйдосов? Пятнадцать? Предупреждаю, отдел у меня малолюдный. Особенно не пожирешь.

Эстик даже не попытался пошевелиться. Он казался давно скончавшимся.

— Хорошо! Пусть будет двадцать! Снова нет? Назовите вашу цену!

— Меньше пятисот я вообще не беру. Вы знаете тариф, Пуфси! — сказал печальный страж.

— Пятьсот? Год назад тариф был сто! — Пуфс ненавидел, когда его называли Пуфси.

— Сто — за ученика светлого стража. За валькирию не меньше шестисот! Я рискую. Другие валькирии будут мне мстить. Зачем мне неприятности? Эти тетki крайне привязчивы.

— Шестьсот — за жалкую валькирию? Почти девчонку?

— А в данном случае даже шестьсот шестьдесят. Работать придется мечом и близко. Вы же еще хотите и крыло? Значит, копьё и стрела здесь не подойдут.

Пуфс заскрипел зубами. Из ушей у него повалил дым. В Московском зоопарке умерла черепаха, прожившая двести семнадцать лет.

— Хорошо. Идет! — сказал он сквозь зубы. Жизнь валькирии-одиночки была оценена в шестьсот шестьдесят эйдосов.

Глава 5. Область мычания

Подумай: о том, что то, что огорчает и мучает тебя, есть только испытание, на котором ты можешь проверить свою духовную силу и укрепить ее.

Лестница

К полустанку подползала бесконечная гусеница товарного поезда. Вначале громыхали солидные вагоны-контейнеры; за ними почтовый с открытой дверью, из которой, скучая, выглядывал усатый охранник; затем несколько вагонов с автомобилями и снова контейнеры. Следующие три везли военную технику — легкие гусеничные тягачи.

В конце состава были прицеплены разбитые деревянные вагоны. Багров запрыгнул в один из них и деловито огляделся. Ага, солома, рассыпанное зерно... Отлично! После прошлого вагона, в котором перевозили удобрения, у него два дня слезились глаза и все тело дико чесалось.

Багров лежал головой к открытой двери и смотрел. На полянке у полустанка валялись плоские, как кочки, собаки. Пока Матвей пытался понять, живые ли они, одна из кочек шевельнула хвостом. Вплетенное в желтизну полей, проползло маленькое кладбище на пригорке. Уютное тихое кладбище, всего из дюжины крестов и военных звезд. Дальше пошел I лес. Маленькие деревца — зеленые и зеленые с желтым. Вывороченные корни, ручей в овраге, прямостоящий сухой ковыль.

Одинокое стоящая березка, труба с грустным дымком, несколько фур, элеватор, ржавая кабина грузовика на гаражах, бетонные заборы с граффити и огромной надписью «Яночка», склад деревянных поддонов.

Матвей закрыл глаза. Он скитался на товарняках уже вторую неделю не потому, что не мог добраться до Москвы быстрее, а потому, что смутно боялся там оказаться и понять, что его никто не ждет.

И опять действовал извечный багровский принцип: чем ему было хуже, тем для него лучше. Только сделав себе достаточно плохо, Матвей ощущал внутреннюю успокоенность. В состоянии же сытости и покоя в нем моментально запускались томительные гнилостные процессы, и его начинало разрывать в клочья.

Камень Пути — его новое, упрямое, настойчивое сердце — мерцал и светился сквозь многие слои грязи, ненависти, эгоизма, путаницы, через все гнойные бинты, которыми обкрутил его волхв Мировуд и которые в обычное время почти забивали его.

— Я стал слабым. Разучился голодать. Разучился долго не спать. Одряб волей. Окружил себя протезными вещами, облегчающими мой и без того легкий быт, — бормотал иногда Матвей.

Он то сидел, то ходил по вагону, потому что лежать холодно. Поезд дергал, резко останавливался.

Машинист явно не предполагал, что везет нечто живое. Багров отыскивал камень, мягкий как мел, и разрисовывал вагоны изнутри. Закончив с одним, перескакивал в другой. Поначалу рисунки были диковаты и вполне вписывались в то, что можно ожидать от некромага: распадающаяся плоть, оскаленные зубы, клинки, лошади, грызущие друг друга.

Мало-помалу рисунки становились мягче, а потом и вовсе исчезли. В пятом по счету вагоне — прочном, обитом крепкой, сплошной доской, Матвей поселился надолго. У вагона оказалось много плюсов: он не пропускал сквозняки, запирался изнутри и не пах ничем отвратным.

Он снова начал думать об Ирке, которой его лишили. Багров мечтал о том, чтобы Ирка была пусть некрасивой, пусть какой угодно, но не валькирией и он мог бы любить ее. «Пусть любая, но не валькирия — и моя! Только моя! Ни света, ни мрака — моя!»

Первый товарняк довез его от Нового Оскола до Орла, где застрял на запасных путях. Матвей перебрался в другой. Второй довез его до Казачьей Лопани, где его, уснувшего на мешках с комбикормом, ссадил суровый украинский пограничник Константин Петров и, ругая чистым украинским матом, подозрительно похожим на русский, передал суровому российскому пограничнику Станиславу Дмитрюку, который ругался уже русским матом, подозрительно похожим на украинский. Передача опасного шпиона Багрова произошла на железнодорожных путях в лучших традициях шпионского кино и сопровождалась пинком под зад и конфискацией восьмисот рублей и кнопочного ножа. Четыре огурца, полбулки хлеба и недочитанную книгу Андрея Платонова Багрову оставили.

Сбежав от пограничника Дмитрюка, который толкнул его в плечо и добродушно кивнул на кустарник, Багров долго шел лесом, а потом запрыгнул в третий товарняк, тот самый, с гусеничными тягачами. Матвей лежал на полу вагона и, послушно подрагивая вместе с поездом, читал Платонова. В его прозе пульсировала жизнь. Ее пронизывали тугие нервы правды, плоть ее была искренность.

Потом стемнело, и он, хотя и видел в темноте, читать бросил. На другой день Матвей оказался уже под Белгородом. Тут состав громыхнул и, подталкиваемый в спину сердитым маленьким локомотивом, стал вползать на бесконечно длинные запасные пути. Пути закончились у старого, вмявшегося в землю деревянного барака. Багров смотрел на него и, удивляясь, познавал естественную смерть всех деревянных строений: они не падают, а постепенно понижаясь и оседая, сливаются с землей, пока прямо из них не начинают расти березки и крапива.

Рядом с баракком на запасных шпалах сидел парень и, скучая, обтесывал ножом чурочку. Вначале Багров заметил нож — это был отличный дамасский клинок, которым можно было перерубить шелковый платок. И лишь несколько секунд спустя, когда парень поднял голову, понял, что это Мефодий.

Заметив Багрова, Меф вскочил и запрыгнул в вагон.

— Привет!

Матвей здороваться не стал. Буслаева он не любил и не считал нужным симулировать приветливость.

— Чего ты тут делаешь?

— Да ничего. Эссиорх послал, — ответил Буслаев.

— Зачем?

Вспоминая, Меф приподнял брови.

— А зачем он меня послал? А, да, за тобой!.. Велел накормить и отмыть. Накормить я тебя накормлю, а отмываться, извини, будешь сам.

Меф перевернул пакет. На дно вагона выкатились две банки бычков в томате, вареная луковица и таджикская лепешка, приобретенные на вокзале. Бычки были вскрыты ножом. Внутри плавала красноватая масса, которую забыли вовремя похоронить. В этом был весь Буслаев. Один его дамасский кинжал стоил как два железнодорожных вагона, но при этом у

него наверняка не было денег, чтобы купить консервы приличнее бычков в томате.

Четыре огурца и полбулки хлеба закончились у Багрова еще вчера. Он съел лепешку, откусил луковицу и откинулся на мешки.

— Я сыт. Ты свободен, — сказал он Мефу.

Меф насадил недоеденную луковицу на нож и с интересом стал ее рассматривать, будто луковицу обгрызло диковинное животное.

— Буду свободен, когда передам тебя Ирке, — вздохнул он.

Багров рывком сел. Он, конечно, не чемодан, чтобы его кому-то передавали, но тут дело другое. Можно было согласиться.

— Ирке?

— Она едет в Белгород на поезде. Или скоро выезжает — я не понял. С валькириями разговаривать — все равно что в Смольный прозваниваться во время революции. На тебя то орут, то не слышат, и все время передают друг другу трубку, — пояснил Меф.

На Багрова он посматривал весело: явно знал больше, чем говорил. Багров снова лег на спину и отвернулся. Он не хотел ничего расспрашивать об Ирке, не хотел знать деталей. Вообще не желал слышать имя «Ирка» из уст Буслаева. Это имя принадлежало ему одному. Остальные Ирки в счет не шли. Они были самозванками.

До заката они сказали друг другу только десять слов. Меф ушел гулять на станцию. На перроне было выведено краской: «Любимая, вернись!». Меф случайно прошел по надписи «вернись!», дошел до буквы «и» и из уважения к чужой любви вернулся. Обратно он пришел только вечером, купив еще пару банок бычков в томате. Сам он их не ел — только угощал. Багров по-прежнему валялся в вагоне. Только перевернулся ногами в другую сторону.

— Не надоело? Иди хоть сто метров пройди! — не выдержал Меф.

Это были семь слов из тех десяти. Ответ Багрова состоял из междометий и относился больше к области мычания.

Ночью они замерзли. Меф вылез из вагона и развел на насыпи костер. Откуда-то появился обходчик в железнодорожном жилете. Постоял, посмотрел. Меф предложил ему бычки в томате. Обходчик от угощения отказался и ушел. Буслаев понадеялся, что он никого не позовет.

Матвей смотрел на огонь. В зрачках у него пылали два костра.

— Жалею, что я не режиссер, — неожиданно сказал Багров.

— Чего так? — спросил Меф.

— Мог бы снимать ролики. У меня воображение такое, с картинками. Представь: успешный, хорошо одетый мужик несется куда-то на джипе. Очень спешит. Где-то на грунтовой дороге у него заканчивается горючка. Он бросает джип. Рядом проезжает на мотоцикле парень. Он кидает ему ключи от джипа

и вскакивает на его мотоцикл. Несется. Потом бросает и мотоцикл. Бежит. Падает. Вскakiвает. Снова бежит. Срывает с себя куртку. Бредет, хватаясь за деревья, потом ползет. Ночь. Ливень. Непролазная грязь. И вдруг на лице у него радость. Он у цели! Дополз... Хватает и прижимает к себе.

— Раненую девушку, что ли? — заинтересованно спросил Меф.

— Нет, — сказал Багров. — Там в конце пути — ребенок. Мальчик лет пяти. Просто сидит на пне и ждет его.

— Чего за мальчик-то? Сын?

— Нет. Он сам. Он нашел сам себя. Мефодий задумался.

— А кто мешал этому мужику попросить парня подкинуть его до заправки? Раздобыл бы канистру... Все лучше, чем потом ползти.

— Мой ролик совсем не про то, — мрачно сказал Багров.

— Про то. Твой мужик — псих. А когда ведешь себя как псих, доползти можно только до психушки.

Багров без замаха ударил Мефа в живот. Тот успел напрячь мышцы, но все равно было больно. Потирая рукой ушибленное место, Буслаев насмешливо смотрел на Матвея. Ему

явно нравилось его дразнить.

— Хороший кадр! Не забудь вставить в ролик! — ехидно посоветовал Меф.

— Чего вставить?

— Мужик на джипе дерется с парнем, который не дал ему мопед, потому что заподозрил подвох. Типа, думает, джип в угоне: на фиг связываться? Реалистическая картинка из жизни на тему перегретых фантазий.

Уходя от новой атаки, Меф шагнул вбок и вперед, оказавшись за спиной у Багрова. Матвей остановился. Приподнял руку, презрительно посмотрел на нее, как на нечто чужеродное, и равнодушно уронил.

— Хочешь бесплатный совет? — спросил Меф.

— Обойдусь без советов!.. Иди купи бычков в томате! — Багров повернулся и полез в вагон.

Мефодий подбросил в костер доску от разваливающегося барака. Трухлявое, насосавшееся влаги дерево не горело. Из него ползли насекомые. Меф хотел усилить огонь заклинанием, но вовремя вспомнил, что обещал Дафне этого не делать. Он вечно перебарщивал с магией. Хотел зажечь взглядом спичку, а сжигал столетний дуб.

* * *

Соседи по плацкарту у Ирки оказались интересные. Круглая женщина с круглым ребенком, которого мать называла «мой недокормыш» и втюхивала в него кашу на сливках, кроша туда для калорийности кусочки шоколадки, и плотный усатый мужик, сводящий все разговоры на деньги.

Его любимой игрой было спросить у кого-то: «Сколько заплатили?» и заявить: «Вас надули!»

Ирке он не нравился. В нем была «необманучесть», выражающаяся в том, что человек во всяком, даже самом невинном поступке видит далеко идущую хитрость, потаенный умысел и посягательство на свой кошелек. Весь мир у таких делится на две половины: на воров и жуликов, включая тех, кто стал бы жуликом, да ума не хватило. Улыбнись такому — сразу на всякий случай сделает морду кирпичом. Вдруг вам чего-то от него надо?

Увидев обшарпанный, в боевых наклейках Иркин ноутбук, он моментально спросил: «За сколько брала?» Ирка просто из интереса назвала сумму, которой не хватило бы и на сумку от ноутбука, так он и тут ляпнул, что ее надули.

Напротив, на боковушках везли куда-то дряхлую старушку. Везла дочь — тоже уже старушка, по еще крепкая. Ирка смотрела на нее, и ей вспоминался ее прежний двор. Тот самый, Бабанин.

Молодая учительница математики и ее муж гуляли на улице с двумя детьми. С балкона третьего этажа высовывалась старуха. Она всегда в хорошую погоду сидела на балконе, ловила лучи солнца и дышала: спускаться вниз было тяжело.

— Катька, да что ты возле него крутишься? Мать знает? — зычным голосом кричала старуха.

— Баб Лена, да знает она, знает! — смущалась учительница.

— А-а! Ну смотри: я спрошу!.. А ты, парень, иди в свой двор! Не толкись тут! — недоверчиво говорила старуха учительскому мужу, и голова ее в желтой, как одуванчик, шапке скрывалась за перилами.

Через час во дворе появлялась мать учительницы, районный психолог, женщина страшная в своей правильности.

— Оляка! — кричала с балкона старуха. — Чего так поздно из института возвращаешься? Я-то знаю, когда у вас лекции заканчиваются!..

Старуха жила во дворе давно, очень давно. Когда она умерла, все вздохнули спокойно. Но уже через несколько дней ощутили, что двор опустел.

Ирка ехала как в полусне. Все ее мысли были о Багрове. Она застелила постель сыроватым бельем, влезла на верхнюю полку и стала смотреть в окно. В одном месте прямо у насыпи, не обращая внимания на поезд, спешил куда-то молодой, глупый лис. Ирка

вспомнила одну из сказок Багрова, которую он рассказывал ей на ночь. Главный персонаж — некий «лесенок» через «е». Что случилось с ним, Ирка помнила очень приблизительно. Она потеряла нить истории, когда, обвешенный оружием, он шел кому-то мстить.

— Девушка, вы ели?.. Девушка! ау!

Ирка не сразу поняла, что обращаются к ней. Мать «недокормыша» заставила столик провизией и всех угощала.

— А? Что? Ела?.. Да, только что! Круглая женщина очень удивилась.

— Когда только успели! А что вы ели?

— Яйца вкрутую. У меня было семь штук. И помидоры! И один огурец! — ляпнула Ирка, не задумываясь.

— Что, прямо на верхней полке съели семь яиц???

— Ну да! — кивнула Ирка, почти веря в существование яиц, огурцов и помидоров.

Круглая женщина отвернулась к «недокормышу» и, воспользовавшись открытым ртом, всунула в него картошку. Ирка запоздало осознала, что поесть бы она не отказалась и вообще голодная как волк, но поздно: соврано, матушка!

Ирка приехала в Белгород на другой день вечером и еще в окно вагона увидела встречавших ее Мефодия и Багрова. Друг друга они не замечали в упор, даже стояли спинами. Мефодий вертел в пальцах сорванный здесь же на клумбе цветок, а Багров — голубя. Ирка понадеялась, что живого. С некромага станется.

Соседство двух самых дорогих ей людей (для полного комплекта не хватало только Бабани) так потрясло ее, что, стащив с третьей полки чемодан с джинном, она уронила его на голову Антигону.

— Маманя, ты меня ушибла! — с укором произнес кикимор. — Еще хочу!

Ирка уже тащила чемодан к выходу из купе. И снова увидела свое лицо. И опять его не узнала. Лицо сияло, было радостным, оживленным. И щеки, и подбородок, и лоб — все осталось прежним, но одновременно другим.

Сунься к ней сейчас комиссионер, специализирующийся по части уныния, он пшикнул бы и прогорел, точно влетевший в огонь свечи мотылек. Но он бы, конечно, не сунулся. У этих гадилов исключительный нюх. Они всегда знают, на кого нападать и в какой момент.

Ирка выскочила на платформу, ловя себя на том, что на всякий случай пытается занизить градус радости, но все равно непроизвольно улыбаясь, будто кто-то растягивал ее щеки в разные стороны.

Первым ее увидел Меф. Он качнул в воздухе цветочком, одновременно локтем энергично толкнув Багрова. Тот недовольно повернулся.

— Туда не смотри! Это приказ! — сказал Меф, показывая на Ирку пальцем.

Приказ, разумеется, немедленно был нарушен. Багров рванулся к Ирке. Хотел обнять ее, но при Мефе это выглядело бы глупо. Поэтому он застыл от нее в двух шагах, производя руками нелепые движения. Ему что-то мешало. Ах да, голубь!

— Когда из гвардии, иные со двора как-то там тра-ля-ля-ля приезжали, кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали! — вспомнив, крикнул Багров и высоко подбросил голубя.

Писателя Грибоедова он знал с детства и называл его просто «Грыб». За это маленький Грыб терпеть не мог крошку-Багрова и однажды, со словами «Excusez-moi! La tentation est plus que je reux gйrer!»¹, насыпал ему песочек в глаза, после чего был уведен за руку сконфуженной гувернанткой.

Голубь захлопал крыльями и камнем упал между вагонами.

— Ты осел! Он же скотчем закрученный! — Меф спрыгнул на пути и из-под колес стоящего поезда извлек злополучного голубя.

Когда Буслаев вылез, коротенький и широкий проводник замахнулся на Мефа тряпкой, которой протирал поручни вагона.

— Трогаемся сейчас! Хочешь, чтобы раздавило?

¹ «Прости! Искушение выше моих сил!» (фр.) [Вернуться]

Не затевая ссоры, Меф смиренно принял скользящий удар тряпкой и по очереди расправил голубую крылья. Три маховых пера на каждом были замотаны скотчем. Они раскрутили ленту, и голубь, проковыляв шагов пять, без удивления улетел, присоединившись к стайке вокзальных голубей.

— Глуп как курица! Такое пережить и — никакой реакции! — возмутился Меф.

Он скомкал скотч и бросил его в урну. Заметив, что комок скотча летит мимо, Буслаев подправил взглядом вцементированное кольцо с урной. Любой нормальный маг, не обладавший его силами, конечно, предпочел бы проделать то же самое с бумажкой.

— А зачем скотчем, папа Матвей? Чтобы было жестоко и кроважано? — с надеждой спросил Антигон.

— Не-а, мы его ящиком поймали! Еще утром... ну и чтобы не улетел... не держать же целый день в руках! И без того он мне все ботинки закапал!.. — неохотно пояснил Матвей.

Ирка засмеялась. Нечто подобное она и предполагала. Романтика осыпалась крупной позолотой, под которой обнаружилась ржавчина быта.

До обратного поезда оставалось полтора часа. Ирка и Багров жались друг к другу как два мокрых хоббита.

— Как ты? Ничего? — бубнил первый хоббит.

— Нормально! А ты? — не слыша своего голоса, отвечал второй.

— И я нормально! А ты? — снова бубнил первый.

Меф поймал умоляющий взгляд Багрова, направленный на него и Антигона. Кто знал Багрова, тот знал и то, что умоляющего взгляда из него щипцами не вытянуть. Меф вдоволь наслаждался беспомощностью Матвея и великодушно сказал:

— Пойду-ка я, пожалуй, посмотрю на водосточные трубы! Никто не против?

Ирка и Багров отнеслись к причуде Мефа с пониманием и вызвались подождать его где-нибудь здесь. Антигон же подозрительно поинтересовался:

— А что, разве трубы не везде одинаковые?

— Ну не скажи... одинаковые-то они одинаковые, но если приглядеться... Составишь компанию? — И Меф пошел вперед, насильно буксируя за собой Антигона.

Белгородский вокзал ему нравился, хотя громадная зеркальная черная стена, глядевшая на платформы, казалась мрачноватой. Дорожка, вымощенная красно-белой, с узорами плиткой, вела мимо вокзала к зданию, которое называлось «Почта России». Пограничники с папками ходили кучками по четыре-пять человек. Изредка кто-то отставал от своей кучки и догонял бегом.

Меф пограничников не интересовал. Он был слишком волосат для потенциального нарушителя границы: резинка, стягивающая волосы в хвост, лопнула еще с утра. Не желая покидать ужасную хозяйку, Антигон упирался лапами и шипел:

— А ну отпустил меня, Дохляндий Слоняев! Бабушкой клянусь, плюну! Издохнешь в страшных судорогах! Зубов не чищу — слюна ядовитая!

— Да ладно тебе! — уговаривал его Меф. — Смотри, какие трубы!.. Прямо зашибись! Кстати, ты хоть одну видишь?

Оглянувшись и обнаружив, что ужасная хозяйка с кошмарным Багровым не только не ждут его, но даже и улизили за угол, кикимор запаниковал. Стал дергать руку и вопить во весь голос:

— А-а-а! Помогите! Меня ворует посторонний мужик! Это не мой папа!

Антигон знал, где голосить: они как раз проходили самый людный на вокзале кассовый зал. Очередь взволновалась и выплеснула из своих рядов женщину с лицом положительной хозяйки. На телевидении таких выбирают для рекламы стиральных порошков. Поймав дитятку-кикимора за запястье, женщина-порошок пристально уставилась на Мефа. Буслаев остановился и сделал то, чему едва-едва научился в универе — с усилием притворился вменяемым человеком.

— Да какой я ему папа? Это мой брат... не купишь, чего просит — сразу орет! — заявил он.

Но женщине хотелось распутать все до конца. Не для того она раскапывала томагавк праведного негодования, чтобы обошлось без жертв. Она присела на корточки и, обняв за плечо Антигона, проникновенно спросила: — Деточка, тебя что, дома бьют? Скажи, не бойся! Если бы! — прошипел Антигон, зеленея от негодования. — Пинка от них не дождешься! Только по головке гладят, садюги!

Порошковая дама назвала их обоих психами и сконфуженно удалилась в очередь. Антигон с Мефом проследовали дальше. Неожиданно Антигон перестал вырываться и, издав тихий змеиный шип, глазами указал Мефу на зал ожидания.

Буслаев осторожно выглянул, укрывшись за тяжелой дверью. Место для наблюдения было удобное. Увидел много крымских курортников-возвращенцев, уставших от отдыха и еще больше от предстоящей работы. Между ними сновали две цыганки с пестрым выводком ребятишек. Рядом расслаблялись молодые люди, опоздавшие на харьковскую электричку и утешившие себя пивом до полного отключения зрительных элементов.

— Ну? Чего? — спросил Меф у Антигона. — Пьяненьких никогда не видел? Пойдем еще покажу!

Антигон сунул Буслаеву зеленое стеклышко, похожее на бутылочное, вставленное в оправу от моногля.

— Смотри так, Барандий Приставаев, если нормально смотреть разучился!

Меф послушно посмотрел сквозь моногль. Мир послушно окрасился в зеленый цвет. Общая расстановка персонажей осталась такой же, правда, кое-что прибавилось. По залу ожидания разгуливала охотящаяся пара — суккуб и комиссионер. И тот, и другой — под мороком невидимости. Суккуб был противный, как слово «выхухоль», и скользкий, как слово «хламидомонада», а комиссионер, напротив, бойкий, круглый, прыгучий. Прямо гоголевский Добчинский. Суккуб тащил с собой похожий на бумажную трубку радар — если засекал у кого-то хорошие мысли или светлую грусть (от них эйдос начинал ярко разливать свет), то мгновенно показывал на него комиссионеру.

Комиссионер торопливо припрыгивал и принимал меры. Заставлял соседей человека много говорить и задавать дурацкие вопросы. Суккуб тоже не сидел без дела — клал ему на виски ладонки и посылал яркий отвлекающий образ — если же видел, что не действует, заставлял смотреть или на что-нибудь красивое, или на что-нибудь мнимо опасное. В первом случае он шептал: «Ой, зырь, какие ноги!», а во втором: «Гля, рожа какая подозрительная! Ща сумку стрельнет!» В большинстве случаев это, к сожалению, действовало. Человек отвлекался. Хорошие мысли исчезали. Сияние эйдоса ослабевало.

Кикимор дернул себя за бакенбарды, от беспокойства вырвав рыжий клоч.

— Суккуб и комиссионер вместе! Никогда не видел, чтобы они охотились парой! А эйдосы как делят? — удивился Антигон.

— Они не охотятся. Слов отречения никто не произносит. Эйдосы на месте остаются, — взглядевшись, уточнил Меф.

Антигон перестал ошипывать бакенбарды.

— Эйдосы хотят пригасить. Ага! Шухерятся, чтобы ярких вспышек на вокзале не было... А вот зачем? А, ясно! Яркие вспышки эйдосов могут привлечь светлых стражей! А мраку важно, чтобы их тут не оказалось даже случайно. Почему?

В перепончатых ладонях кикимора возникла булава с щербинами на шаре, полученными во множестве боев. Для окружающих ребенок просто достал пластмассовую сабелку.

— Вылазка из Тартара! — прохрипел Антигон.

— Да не! Какая вылазка? — отмахнулся Меф. — Зачем мраку проводить на вокзале операцию, пока мы здесь?

Он осекся. Кикимор, не отрываясь, смотрел на Мефа выпуклыми русалочьими глазами.

— Подумай сам! Меня нет смысла трогать: у меня и так бой скоро. Ты тоже, не обижайся, мало кому

нужен, — вслух продолжил рассуждать Буслаев.

Антигон не двигался. Глаза его круглели все больше. До Мефа наконец дошло. Бывают мысли, которые ну никак не помещаются в одном человеке и становятся всеобщими.

— Гадская хозяйка!.. Ирка, Багров! — выдохнули оба разом и понеслись через зал ожидания.

Для суккуба и комиссионера их появление стало неожиданностью. У суккуба оказалась отменная реакция. Подпрыгнув, он сгинул. Комиссионеру же Мефу, не замедляясь, на бегу сбрил голову.

Завизжала одна девушка, другая. Визг катился по залу, опережая Мефа. Только цыганские дети не голосили и любознательно поблескивали глазками. Думая, что дело в нем, Буслаев посмотрел на свою руку. Меч уже исчез. Да и вообще — материализовал он его всего на мгновение.

«Странно, — удивился Буслаев, — они же не могли ничего видеть! Комиссионер был под мороком. Чего тогда орать?»

И тотчас понял, что причиной паники стали не они. Дверь, ведущая на платформу, распахнулась. Навстречу им бежали люди. Кто-то упал, по нему промчались. Двое туристов толкались, сцепившись рюкзаками, которые не хотели бросить. Женщина кричала, чтобы не задавили ребенка. Ее ребенку было лет пятнадцать, и ростом он был под два метра. Другая, белая как холст, молча прижимала к груди грудную девочку. Антигона моментально сбили с ног.

Снаружи загрохотали выстрелы, похожие на раздраженные хлопки дверью — четыре, потом еще три и один. Меф услышал, как запрыгала гильза.

Чудом пробившись сквозь толпу, Буслаев выскочил на опустевшую платформу. Зал ожидания оказался не единственным местом, куда хлынула толпа. Кто-то спрыгнул на пути, кто-то удирал вдоль вокзала. Два молодых милиционера укрылись за телефонной будкой. Один вцепился в пистолет. Другой присел на корточки и в крайнем возбуждении кричал в рацию:

— Драка, что ли, сам не пойму... Тля! Парня зарезали и девку, кажись, тоже! Какие приметы, тля! Три черных... пули их не берут!.. Да какие негры?.. Откуда я знаю кто?

Платформу заливал потусторонний зеленоватый свет с четкой, металлом отливающей полосой у земли. Меф узнал его: такой бывает от артефактов мрака или мгновенных, с риском самоуничтожения, телепортаций из Тартара.

Глава 6. Крыло валькирии

*— Мамка, титьку! — внятно потребовал умирающий старик.
Молодая баба, жена внука, с серьезным лицом села на кровать,
открыла грудь и приложила к ней пустой рот умирающего.*

*Старик жадно припал к ней, счастливо зачмокал и успокоенно
затих.*

Улита. Из детских воспоминаний

Меф утащил Антигона и ушел сам, а Ирка с Багровым все стояли и не знали, о чем им говорить. Ирка что-то мычала, он чего-то блеял. Ферма имени правды жизни.

Багров сделал шаг. Всего их разделяло четыре шага. Ирка остановила его, выставив вперед ладонь.

— Я не скучала, — ляпнула она.

— И я. Мне было без тебя просто замечательно. — Багров вспомнил разбитые вагоны, где дуло из всех щелей.

— Ах так! Тебе было замечательно? — вспыхнула Ирка. — А мне еще лучше! Я тебя ненавижу!

Багров сделал еще шаг. На Иркину ладонь он не обращал внимания.

— А я тебя, — заверил он.

— Не повторяй за мной!

— Я не повторяю!

— Нет, повторяешь! Ты не понял: ты мне совершенно безразличен!.. Ты эгоист! Нельзя одновременно любить человека и использовать его. От какой-то из радостей придется отказаться. Так что сам подумай, что для тебя важнее.

Ирка не понимала уже, что мелет и, главное, зачем. Бэтла называла это «кукусостояние» и приписывала его всякой девушке в минуты предсчастья. С «любить и использовать» — это была старая заготовка, и теперь она выскочила некстати. С Ирккой такое случалось: она выдумывала звонкую, как пощечина, фразу, а потом ляпала, как правило, мимо цели. Багров сделал еще шаг.

— Эй, ты что, не слушаешь?.. Оглох? Мерзкий, гадкий, самый любимый Багров! — бессильно произнесла Ирка.

«Я не хочу быть валькирией. Я хочу быть с ним», — отчетливо подумала она.

На лице Матвея стала расцветать улыбка. Медленная, неуверенная. Звуки вокзала куда-то исчезли, все стало неважным. Всего один шаг...

И тут Ирка увидела, как за спиной у Матвея из совершенно неважного ей сейчас небытия вырастает фигура. Матвей стал оборачиваться. Шею ему чем-то захлестнуло. Он упал. И только потом Ирка увидела короткий, непрерывно шевелящийся клинок, из тех живых клинков мрака, что, вонзаясь в тело, извиваются как змеи.

Страж мрака, поразивший Матвея, стоял и смотрел на нее. Он был небольшой, но плотный и мощный, с очень красными губами. Клинок в его руке, жадно втягивая кровь, тянулся к Ирке.

Ирка не испугалась. Она была жуткая трусиха (сама себя такой считала), но боялась всегда после, постфактум, когда сам источник страха уже исчезал. Кажется, это называется отсроченная реакция.

Валькирия шагнула назад, призывая копьё. И уже перед самым броском осознала, что напавший на Матвея пришел не один. Второй страж вышагнул из раскаленного кольца телепортации в метре от нее, прикрывая лицо сгибом руки. Не хочет ждать, пока кольцо остынет. Третьего Ирка угадала за плечами, близко, чудовищно близко.

Ирка могла оставить копьё у себя и защищаться, но метнула его в напавшего на Матвея. Страж попытался уйти от удара, но Ирка знала, что он будет пытаться это сделать, и перед самым броском копьё послала перед ним его эфирную тень. Страж не успел разобратся, и от безобидной тени уклонился, а вот от копьё нет.

Наконечник ударил точно в дарх. Вдавил его в тело и вместе с осколками дарха выглянул с той стороны.

Напоследок Ирка еще успела обрадоваться, что так и не успела испугаться... Большинство человеческих страхов являются заведомо ложными. Не в том смысле, что ничего не надо бояться, а в том, что боимся мы заведомо не того.

* * *

Проскочив мимо милиционеров — тот, что тряс пистолет, попытался схватить его за плечо, — Меф пробежал к центру свечения, где угадывал Ирку. Валькирия-одиночка лежала на платформе. Одна из одетых в черное фигур только что нанесла ей мечом удар и выпрямилась.

Меф закричал. Его и Ирку разделяло шагов пятьдесят. Пробежать их он не успел. Из-за чугунного столба, на котором держался вокзальный навес, навстречу ему рванулся темный силуэт. Синеватая дуга полоснула сверху вниз. Меф ушел от удара прежде, чем понял, что это был клинок. Ушел плохо, с завалом, и его тотчас атаковали ногой в лицо. Меф узнал технику. Школа Среднего Тартара, которую практиковал и Арей, не заикливается на одной рубке — бей всем, чем возможно. Единственное условие — победа.

Отброшенный на грязную платформу, Меф успел перекатиться и призвать меч.

— Ну же! Иди сюда!

Буслаев задыхался, перед глазами все плыло, и только чудом он не рубанул подбежавшего Антигона. За ним по платформе, как на буксире, волокся милиционер,

попытавшийся удержать «дитятку» за ногу. Когда Антигон остановился, бедняга разжал руки и остался лежать.

Булава вращалась как пропеллер. Задыхающийся от бега, красный, кикимор был свиреп, как сорок тысяч кабанов. Прежде, чем кикимор метнул булаву, черная фигура исчезла. Меф увидел, как она спрыгнула на пути прямо под подваливающий поезд «Севастополь — Петербург», который так и не успели остановить. Машинист запоздало загудел. К краю платформы Меф не подходил. Он и без того знал, что стражи из Тартара под поезд не попадают.

— Бежать можешь? — Антигон дернул Мефа за запястье.

Подбегая туда, где лежала Ирка, Меф увидел, как страж мрака — высокий, костистый, с покрытым рытвинами лицом — зачем-то наклонился и, захватив что-то левой рукой, мазнул мечом, как человек, режущий хлеб. Потом выпрямился и с явной издевкой показал Мефу белое, с подтеком крови, крыло.

Меф на бегу выставил клинок, но достать врага не успел. Страж исчез, не приняв боя. Меф сгоряча едва не прыгнул в зияющую дыру его телепортации и остановился на самом краю. Нет, туда ему не надо. Такой глубокой дыра может быть в единственном случае — при перемещении в Тартар.

Круг телепортации облизал его меч и со звуком лопнувшей лампочки закрылся.

Антигон стоял на коленях и, наклонившись, выл. Буслаев никогда не слышал таких звуков. На платформе, покрытой мелкими лужицами, лежал лебедь с отрезанным крылом. На втором белоснежном крыле отпечатался след сапога.

На глазах у Мефа лебедь затуманился, исчез, и он опять увидел Ирку. Она лежала на спине очень спокойная. Лицо у нее было чуть укоризненное, даже, пожалуй, вежливо-укоризненное. Казалось, она хотела спросить у своего убийцы: ну и зачем вы затеяли всю эту нелепость?

Ран у нее было две — одна на шее, другая прямо по центру груди с небольшим закосом к сердцу. Убийца отработал как на тренировке — жестко и четко.

Меф не стал ее трясти. Он был боец и видел много ран. Он стал искать Багрова и нашел его в десяти метрах. Матвей лежал лицом вниз. Хотел добежать до Ирки и не добегал.

Белая майка Багрова, которую они купили утром, чтобы вид у Матвея был не такой бомжеватый, пропиталась кровью. В этой новой майке было что-то от кокетливой салфеточки, которую в супермаркетах вкладывают в лотки с мясом. Меф почувствовал тошноту — не от крови даже, а от сходства.

Антигон все выл. Вокруг собиралась толпа. Десятка два пограничников, милиция, выбежавшие из вокзала любопытные. Чем позже появлялся человек и чем меньше видел до того, тем решительнее он пробивался вперед. Стражи мрака давно исчезли. Осознав, что все еще держит меч, причем даже не скрытый мороком, Меф убрал его и торопливо отодвинулся за рекламный стенд.

Достал мобильник и позвонил Фулоне. Ее номер сохранился в последних звонках. Фулона сняла почти сразу, но подносить трубку к уху не спешила. В динамике звучали голоса. Валькирия золотого копья с кем-то разговаривала. Смеялась. Меф ждал, пока она уделит ему время.

— Да, Меф, привет!

— Нападение стражей мрака! Ирку убили! Отрезали крылья! — произнес Меф, глядя прямо в раскрашенное лицо на рекламном стенде.

Было слышно, как вода разбивается о металлическое дно мойки.

— Погоди, выключу кран!.. Кого отрезали? — весело повторила Фулона.

— Крылья!!!

Девушка на стенде все улыбалась, и улыбка длилась бесконечно. Потом рекламная полоса вдруг поползла и сменилась надписью: «Бойтесь потерять близких? Застрахуйте их сегодня, и мы будем бояться вместо вас!» Мир издевался над Мефом.

— Чьи крылья? — Проклятая вода наконец перестала бежать.

— Иркины! — не помня себя, заорал Меф. — Ирку убили! Вы что, спите там? Повторяю по буквам: Ульяна — Борис — Илья...

— Поняла! Ты мужчина, возьми себя в руки! Не надо визжать! — приказала Фулона и внезапно задала вопрос, который показался Мефодию безмерно жестоким: — Копье, шлем, щит — уцелели?

— Не знаю. Кажется, стражи мрака ничего с собой не унесли. Только крыло... — сказал Буслаев мрачно.

— Очень хорошо. Копье, щит и копье материализованы? Если да — обеспечь их охрану до прибытия группы! — распорядилась Фулона.

Мефу больно было двигать разбитыми губами.

— А когда она прибудет?

— В ближайшее время. Джинн цел?

— Какой джинн? — недоумевающе переспросил Меф. Про джинна Ирка ничего ему не говорила.

— Ясно. А некромаг?

Меф обернулся. К телу Багрова было не пробиться. Его окружала толпа. Каждому хотелось постоять рядом со смертью и поужасаться.

— Сзади в шею. Видимо, живым клинком-удавкой, — сказал Меф.

— В область сердца есть ранения?

— Нет. Ну если клинок через шею не добрался до сердца...

— Значит, цел. Регенерация произойдет через короткое время. Проследи: тело не должно быть увезено с вокзала!.. Соberись! Твоя задача: джинн, копье и охрана тел! До прибытия группы ты мобилизован на службу валькирий!

Голос у Фулоны был жесткий и четкий. Мефу казалось, где-то в голове у нее находится переключатель. Щелк-щелк! Есть же, наверное, такой переключатель, который переключает мирную женщину и мать, допустим, в судью, или сонного рыбака на берегу озера — в следователя?

— А если я не хочу? — с вызовом ответил Меф.

Он почти ненавидел валькирий — таких самоуверенных и холодных в своем остекленевшем героизме. Плевать им, что Ирки больше нет — только бы уцелело копье и прочие цапки.

— Чего не хочешь? — ледяным голосом повторила Фулона.

Меф нажал «отбой». Фулона перезвонила еще два раза через паузу, а потом перезванивала уже непрерывно. Поручение валькирий Меф все же выполнил. Не для Фулоны — для Ирки. Щита и шлема он, правда, не нашел. Видимо, Ирка не успела их призвать.

С копьем управился Антигон, заставив его исчезнуть за минуту до того, как милиция заметила контур тела мертвого стража. Два или три милиционера покрутились рядом, но так и не пришли к выводу, является ли почти рассыпавшаяся тряпка еще одним убитым или просто кто-то бросил вымокшую куртку. Пока они соображали, исчезла и куртка. Остались осколки дарха и едва заметная горка золотых крупинок, которую спешил раздуть ветер. Едва дождавшись, пока появится возможность, Меф собрал эйдосы, зная, что иначе это сделают вездесущие пластилиновые гадики.

Чемодан с джином лежал далеко от Ирки. Вещей на платформе валялось много — их побросала убегающая толпа, поэтому до чемодана никто еще не добрался. Меф приоткрыл его, оценивающе встряхнул кувшин и сразу закрыл. По весу кувшин казался пустым, но в чемодане становился тяжелым, хотя сам чемодан, опять же, не весил почти ничего. Занимательная задачка на потустороннюю логику.

Тела пока оставались на платформе. Их не трогали, лишь обвели мелом. Милиция, которой с каждой минутой становилось все больше, поставила заграждение. Любопытная толпа все напирала. Меф лично ребром ладони по шее вырубил парня, который снимал мертвую Ирку на мобильник, и пяткой раздавил его аппарат. И то и другое он проделал так

неуловимо быстро, что стоявшие рядом с парнем поняли только, что он почему-то рухнул.

— Двинь тазом — загораживаешь! — потребовал кто-то за спиной у Мефа.

Он обернулся и увидел девчонку, тоже с телефоном. Ирку и Багрова снимало человек десять. Причем некоторые уже давно. Бедный парень просто первым попался под руку.

Группа, о которой говорила Фулона, появилась меньше чем через четверть часа. В нее входили Таамаг, Гелата, Бэтла и сама Фулона. Все с оруженосцами. У оруженосца Фулоны, кроме обычного щита, был еще и укороченный автомат. В подствольник заправлен осиноый кол, стрелял же автомат бронзовыми пулями с серебряной головкой. Против стража мрака не сработает, зато от нежити отбиться позволит.

Гелате и Бэтле Меф обрадовался. Фулоне сообщил про копье и передал чемодан с джинном. Валькирия золотого копья поблагодарила его сухим кивком и, взглядом раздвинув милицейскую цепь, подошла к Ирке и Багрову. Остановить ее никто не попытался, хотя всевозможных сотрудников тут оказалось больше, чем ос на дачной веранде. Фулона что-то спрашивала. Ей отвечали. Вид у нее был начальственный.

Потом Фулона позвала Гелату. Меф видел, как Гелата склонилась сперва над Багровым, а потом переместилась к Ирке. У ее тела она провела чуть больше минуты, потом встала и, вопросительно оглянувшись на Фулону, вышла из оцепленного круга.

Жаждающая мести Таамаг немедленно начала искать врагов — явных и тайных. Антигон на эту роль не годился: Таамаг знала его давно. Мефодий, главный компромат на которого состоял в том, что он почему-то остался жив, а Ирка мертва, был просверлен взглядом и тоже временно пощажен. Сделав по платформе шагов десять, Таамаг внезапно обернулась, как если бы забыла о чем-то спросить, и в тот же миг оторвавшееся от ее руки копье стремительно стартовало в небо.

Самого копья Меф даже не увидел — только смазанную линию, едва отпечатавшуюся на сетчатке. С крыши дальнего дома, обращенного к вокзалу, скатилась маленькая фигурка с копьем в груди. Меф изумился зоркости Таамаг. Увидеть врага за триста метров, да еще укрытого за трубой, да еще в комбинезоне интернет-кабельщика, могла только валькирия каменного копья.

— А если это реально был кабельщик, а не суккуб? — спросил Меф.

— Честные кабельщики за трубой с сигаретой не отсиживаются! Они работают в поте лица! Еще сумку с проводами с собой захватил, сволочь! — звенящим от ненависти голосом ответила Таамаг.

Вернувшееся копье вновь уже было у нее в руке. Следов крови на нем Меф не заметил. Но и обычными для суккубов духами оно тоже не пахло.

Меф моргнул.

— То есть ты не была уверена, что... — начал он. Таамаг неподвижно смотрела на него. Лицо точно замерзло: двигались одни глаза. Рядом, похожий на глыбу, застыл ее оруженосец. Антигон оттащил

Мефа за локоть.

— Тихо, Дохляндий Осляев! Тихо! Конечно, это был суккуб! Кто же еще?

Гелата и Бэтла уже спешили на помощь. Бэтла, умиряя, обняла Таамаг за плечи, а Гелата отвела в

сторону Мефа. Тот начал что-то говорить, показывая на Ирку, потом на вокзал. Ему хотелось хоть

перед кем-то оправдаться, почему он жив, а Ирка нет.

Но Гелата не нуждалась ни в каких оправданиях.

— погоди! — оборвала она. — Хватить пузырить!

— Чего?

— Не могу смотреть на человека, который пузырит кровью... Ты что, ничего не чувствуешь?

Меф понял, что речь идет о нем, только когда коснулся губ тыльной стороной ладони.

— Ерунда... Зубы целы... это меня просто заце...

— Подойди! — Гелата насильно притянула к себе его голову, провела по губам платком. — Так лучше. Теперь можешь говорить!

Но Мефа уже интересовало другое.

— Ты же видела Ирку, да? Гелата, помедлив, кивнула.

— Она... — начал Меф. Страшное слово «смерть» не выговаривалось. — Как они заставили ее превратиться в лебедя?

Гелата посмотрела на окровавленный платок. Подула. Кровь с него исчезла. Меф ощутил, что и губы больше не кровят.

— Никак, — ответила она.

— Что никак?

— Они знали: валькирия-одиночка умирает трижды. У нее три жизни: человека, лебедя и волчицы. Вначале они убили человека. У мертвого лебедя отрубили крыло. Волчицу убить не успели: вы с Антигоном им помешали.

— Я не видел волчицу, — упрямо сказал Меф.

— И хорошо.

— Что хорошо?

— Скоро поймешь!

Гелата обернулась. Сквозь толпу медленно пробиралась «Газель» «Скорой помощи». Проблесковый маячок мигал, но сирена была выключена. Обычная «Скорая», а не реанимация и не глухая бортовая «Газель», в которую грузят тела. Машина остановилась рядом: подъехать ближе ей мешали столбы.

Ирку и Матвея подняли на носилки. Мефодий, недоумевая, посмотрел на Гелату.

— Но она же... — начал Меф.

— Погибла? Нет. Я ее внимательно осмотрела. Погибла валькирия-одиночка. Сама девушка останется жить, — спокойно ответила Гелата. — Я же сказала: из трех жизней они забрали две.

Меф отказывался понимать.

— И что, Ирка теперь станет волчицей? Гелата куснула мизинец. Была у нее такая детская

привычка: некоторые грызут большие пальцы, а Гелата мизинцы.

— Волчица — часть валькирии. Девушка останется жить. Но станет такой, какой была до всего. Понимаешь: до всего.

— А копье? Щит? Шлем?

— Их передадут другой. Они больше не будут ее слушаться...

— Не будут?

— Ты что, не понял? Валькирия-одиночка убита. Осталась девушка, которая была до всего. Ирка больше не валькирия. Копье ее не узнает.

Носилки были уже рядом с Мефом. Один из санитаров споткнулся. Носилки накренились, одеяло соскользнуло. Буслаев, ужаснувшись, увидел бесконечно тонкие и слабые ноги, почти лишенные мышц.

* * *

В одну «Газель» набились все. Мефодий с Антигоном, четыре валькирии с оруженосцами, носилки с Иркой и Багровым. Плюс бригада «Скорой» из трех человек. Врач косился на все это безобразие, но почему-то терпел. И как оказалось, напрасно.

— Останови! — велела Фулона водителю за первым поворотом.

Тот остановил.

— Теперь вылезай!

Водитель был не лишен чувства юмора.

— Вы что, собираетесь угнать «Скорую»?

— Разве я что-то говорила про угон? — ледяным голосом поинтересовалась Фулона. — Машину сможете забрать в Москве... У поста ГАИ по Дмитровскому шоссе, на выезде из

города. Через час.

Водитель и санитар переглянулись. От Белгорода до Москвы семьсот километров. Видя, что ее не принимают всерьез, Фулона повернулась к Таамаг:

— Тамара! У нас сложности!

Таамаг, сжимающая кистевой эспандер (она делала это почти постоянно), без усилия разодрала его на две части.

— Считаю до нуля. Ноль!

Бригаду «Скорой» как ветром сдуло. Оруженосец Фулоны пересел за руль. В зеркальце он видел, как врач спешно нажимает кнопки телефона. Оруженосец свернул в переулок, потом еще в один, пустынный.

— Никого, — сообщил он.

Фулона вызвала золотой шлем и ладонями коснулась небольших крыльев. За несколько секунд до того, как «Скорая» исчезла во вспышке мощнейшей телепортации, Мефодий увидел, как Багров шевельнулся, а потом сразу — без раскачки — рывком сел в носилках.

— А где?... — начал он, беспокойно поворачиваясь.

Гелата быстро положила ладонь ему на лоб.

— СОН! — приказала она, подхватывая на плечи расслабленное тело...

Валькирия золотого копья ошиблась. У поста ГАИ по Дмитровскому шоссе «Скорая» стояла не через час, а через пятьдесят пять минут.

В квартире у Фулоны собрались уже все валькирии. Багров, приведенный в чувство, мрачнее мрачного сидел на подоконнике. Его раны уже затянулись. Некромаг, он и есть некромаг.

— Что с ней теперь будет? — спросил он. Никто не спешил отвечать. Бэтла посмотрела на

Таамаг, та, крикнув, повернулась к Фулоне, и вместе они уставились на Гелату.

— Я ее подлатаю. Раны смертельны, но одна жизнь — я уже говорила — у нас в резерве, — избегая смотреть на него, ответила Гелата.

— А ноги?

Гелата качнула головой.

— Нет, — сказала она едва слышно. — Я могу привести Ирку только в то состояние, в котором она была до всего. Девушка на коляске. В противном случае мое воскрешающее копьё утратит свою силу. Станет просто деревяшкой с наконечником.

— Все хорошее в мире только для валькирий? — злобно спросил Багров.

Гелата все так же смотрела не на Багрова, а в окно. Ее слабый голос окреп и почти звенел:

— Извечный вопрос: если свет есть, почему умирают дети? Рождаются калеки? Существуют войны, болезни, аварии? Почему Ирка, такая хорошая, должна быть прикована к коляске? И почему он —

этот самый свет — позволяет всему этому происходить?

— Ну и почему? — спросил Матвей с вызовом.

— Ответ один. Жизнь имеет ценность только как путь к вечности. Как первый шаг, ступенька, которую кто-то проходит быстрее, а кто-то медленнее. Других объяснений у меня нет.

— Да идите вы со своими ступеньками! Багров прыгнул с подоконника и выскочил в коридор. Меф ждал хлопка дверью, но его не было. Багров унесся в другую комнату, где лежала Ирка. Через секунду оттуда вылетели оруженосцы Ильги и Хаары — первый даже кувырком. Меф оценил если не технику, то настрой.

К Фулоне вновь вернулась ее деловитость.

— Сколько у нас времени? Когда она очнется? — спросила она у Гелаты.

— Дня через два. И лучше, если в себя она придет в квартире у своей бабушки. Так ей будет проще... — грустно ответила валькирия воскрешающего копья.

— А воспоминания?

— Воспоминания останутся, но в первые часы будут ослабленными. Как у человека, который вспоминает свой сон.

— Антигон, не забудешь уничтожить морок?.. Ну который был вместо Ирки? — озабоченно спросила Бэтла.

Кикимор, который и поддерживал жизнь призрака, угрюмо кивнул. Как вечный оруженосец, он обязан был перейти к новой хозяйке, вот только...

Фулона взглянула на Иркино копье, щит и шлем. Они лежали на столе. К ним могла прикоснуться только она, валькирия золотого копья, да и ту они не то чтобы слушались, а скорее терпели. Копье дрожало и позванивало о щит. Звон становился все громче. Полчаса назад он был едва слышен. Фулона и Бэтла обменялись понимающими взглядами. Обе прекрасно знали, что это означает.

— Будь ты неладно... Скоро оно найдет себе хозяйку само, — пробормотал оруженосец Бэтлы.

— Как зовут ее бабушку? — спросил Меф. Фулона вопросительно посмотрела на Бэтлу.

— Анна... э-э... как-то так! Ирка называет ее Бабаня. Живут они... Ну вот тут Северный бульвар, а здесь...

Был назван адрес. Адрес Мефа. Отличался только номер дома. Буслаев удивленно вскинул брови.

— Надо же! Как тесен мир! У меня там когда-то знакомая жила! — сказал он.

Глава 7. Личное счастье для толстого эди

В то время, как современный культурный Запад еще погрязал в тумане невежества, в чертогах царственной Византии русская женщина уже серьезно думала о человеческом здоровье, писала руководство по гигиене, передавала потомству свои наблюдения.

Х.М.Лопарев (о Евпраксии, внучке Владимира Мономаха)

Эдя Хаврон сидел на стуле и по кругу обгрызал карандаш. Карандаш был настолько измочален его мощными зубами, что посторонний человек к нему точно не прикоснулся бы. Да Эдя бы и не позволил. Он был злостный собственник.

В блокноте, который он держал в руках, имелся список имен и фамилий. За плечами у брата стояла Зозо и крутила у виска пальцем.

— Кончай заниматься ерундой! Эдуард, ты что, всерьез?

Эдя швырнул карандаш в стену.

— Я не могу больше ждать! Или этой осенью я женюсь, или будет слишком поздно. Все хорошее рано или поздно заканчивается. Я в том числе!

— Так зачем же горячку пороть?.. К чему такая спешка?

— Нет уж! Наигрались! Хочу регистрироваться! Для меня степень порядочности девушки — нужно жениться или не нужно, — заупрямился Хаврон.

— А свободная любовь? — спросила романтично настроенная Зозо.

— Свобода и любовь — это как огурец с молоком. То есть берутся две неплохих по отдельности вещи, а получается из них явная ерунда... Все! Точка!

Зозо сдалась. Эдя был упрям, как ее сын. Недаром они приходились друг другу родственниками.

— Ну хорошо! Женись! Но без списка! — уступила она.

Эдя самодовольно хрюкнул и уставился в блокнот.

— Со списком нагляднее! Итак, что мы имеем? Двенадцать кандидаток! Девять с высшим образованием, четыре хороших человека, пять — материально обеспечены, две материально зажались, одна — кандидат в мастера по гребле, три любят животных, у четырех я даже был в гостях и познакомился с мамами...

— А сколько знают, что удостоены чести? — не удержалась Зозо.

Эдя ответил великолепным пожатием плеч. Ему важно было досчитать.

— Восемь ни разу не были замужем, две хорошо готовят, одна готовит с удовольствием, четверо хорошо поют, одна любит походы, две играют на гитаре, пять могут без ошибки написать слово «импрессионизм»...

Стремительным движением Зозо выхватила у брата блокнот.

— А ты хоть кому-то нравишься?

— Отдай, женщина, писчебумажную принадлежность! — потребовал Хаврон. — Для чувств заведена отдельная страница! Трем я нравлюсь почти наверняка: они мне регулярно улыбаются. С четырьмя я ходил в театр, с двумя мы ели русские бублики с маком. Одна сказала: «Эдя! Я тебя обожаю!», когда в кухне я плеснул на нее кипятком. В такие минуты люди всегда открывают, что у них на сердце.

Зозо откинула со лба волосы. Она не понимала, как у нее, такой мудрой, мог образоваться такой безалаберный братец.

— Четыре нравятся мне. Пять меня терпеть не могут, но две из них скажут «да» на шестьдесят процентов, одна — на девяносто, еще одна — на двадцать пять. Первая из спортивного интереса, другая — чтобы испортить мне жизнь... Номер пять начнет бормотать, что я очень хороший, но мы разные люди. Но если поднажать и действовать через маму, то согласится. Номер восемь скажет «да» на сто процентов, но на другой день передумает. Потом снова скажет «да», посоветуется с подругами и снова передумает.

— Хаврон, ты невыносим! Переводить чувства на проценты! В женщине должна быть загадка! — в восторге взвизгнула Зозо.

Эдя цокнул языком.

— Где ты прочитала эту чушь? В женщине не загадка должна быть, а разгадка. Загадки-то каждая загадывать умеет... Но буду откровенен! В моей арифметике есть вопрос с подвисанием. Будущие дети. Девушка мне нужна тихая, добрая, домашняя, а то родится от нее еще одно «я» — чего я с ним делать буду?

Зозо умилилась. Самокритичный Эдя ей нравился. Правда, таковым Хаврон оставался недолго.

— Но я-то еще ладно! А вот если родится еще один Мефодий... — продолжал он.

Услышав такое про Мефа, Зозо вспыхнула и нанесла брату удар ниже пояса.

— А как же Аня?

Хаврон вздрогнул и быстро ответил:

— Аня — это совсем другое.

— Другое, чем эти двенадцать клуш? Почему ее даже в списке нет?

Ответить Эдя не успел. Из коридора раздался вопль. В следующую секунду в комнату, пятясь, ввалился Игорь Буслаев.

— Там, там! Только я форточку открыл, а оттуда... — крикнул он, задыхаясь.

Эдя и Зозо одновременно задрали головы. В комнату влетел диатезный купидон в сваливающейся офицерской фуражке. Кроме фуражки, на купидоне имелся пояс с пистолетной кобурой, завершающей его наряд. Крылышки у купидона трещали как несмазанный пропеллер. Вместо лука он держал небольшой арбалет, который был для него слишком тяжел. Заряжен арбалет был не болтом, а настоящей купидоньей стрелой с наконечником в форме сердца.

— Так это ж купидон! — сказала Зозо.

— Кто? — прохрипел Игорь Буслаев.

— Ну амур!

Пролетев над головой у Зозо, купидон, он же амур, плюхнулся на шкаф и свесил ноги. Потом, глядя на Игоря Буслаева, значительно растянул кобуру. Папа-Буслаев на всякий случай схватил с дивана подушку, собираясь защищаться от пуль.

Однако пистолет из кобуры так и не появился. Купидон достал вначале огурец, а затем розовый носочек, внутри которого лежало нечто твердое. | Огурец он откусил, предварительно для стерильности поплевав на него и протерев верхом фуражки.

Потом ткнул в Эдю пальцем и строго спросил:

— Эдуард Хаврон? Эдя закивал.

— Вам посылка!

— От кого?

Купидон достал из-за пазухи почтовую карточку и энергично встряхнул ее, пробуждая дремлющие буквы:

«Дорогой Эдя!

Прими этот скромный подарок и впредь никогда не забывай поздравлять своих знакомых фей с днем рождения! В маленькой женищине может поместиться очень много обиды.

Твоя Трехдюймовочка».

— А где скромный подарок? — жадно спросил корыстный Хаврон.

Купидон достал из носка стеклянный шар и размахнулся, притворяясь, что сейчас бросит его Эде. Тот приготовился ловить.

— Ага, шас! Конфеты гони! — заявил диатезный младенец.

Эдя метнулся на кухню и секунд через десять принес плавленый сырок, кусок колбасы и — непонятно зачем — новый кусок хозяйственного мыла.

— Это теперь такие конфеты? — ехидно поинтересовался купидон, заталкивая в кобуру мыло вслед за колбасой. Плавленый сырок не влезал, и его пришлось смять. Это купидона не смутило. Он был стреляный воробей.

Застегнув кобуру, купидон застрекотал крылышками, взлетел и бросил Эде шар.

— Форточку открывай! Или ждешь, что я попрусь на кухню? — пискляво потребовал он у Игоря Буслаева.

Папа Мефа кинулся распахивать форточку. Уже почти покинув квартиру, купидон повернулся и, двумя ручками подняв тяжелый арбалет, выпалил в него в упор. Игорь Буслаев не успел даже вскрикнуть. Стрела с сердечком вместо наконечника прошла Игоря Буслаева насквозь, вильнула, попала в грудь Зозо и навеки затерялась где-то между легкими и бронхами.

— Благодарствую!.. Люби жену! А ты его иногда слушайся! — сказал диатезный младенец и улетел, волоча за собой арбалет и брякая мылом в кобуре.

Игорь Буслаев, пока еще ничего не осознавший, тупо ощупывал рукой грудь. Крови не было. Раны тоже. Ну и дела творятся тут, на Северном бульваре!

Зозо недоверчиво смотрела на бывшего мужа своими совсем еще даже не бывшими глазами. Ее сердце, пробитое стрелой купидона, теплело. Она вспомнила, как когда-то — в то забытое время, когда Меф еще не родился — они с Игорем работали в одной экономической конторе. Игорь был прекрасен как Аполлон, она была стройна как наяда. Во всякую свободную минуту они развлекались тем, что портили друг другу деловые документы. Потом, разумеется, выбрасывали, но иногда в спешке забывали. Однажды обоих чуть не уволили, когда в министерство ушло такое вот письмо:

Заместителю министра жилищно-коммунального хозяйства при
Минюстфинхимагроземстрое сбытхимфака РФ

Уважаемый Герберт Самуилович!

Доводим до Вашего сведения, что *Игорь — дурак!* выполнение условий договора с ООО «Стой-Пром» стало невозможным по причине злостного... *Зой, ты лапа!* Факты нарушения норм законодательства допускаются все чаще. Таким образом, *что ты делаешь вечером!*

Зозо коснулась рукава мужа. Тот повернул к ней лицо. Его глаза странно поблескивали.

Эдя Хаврон разглядывал свой шар. Он был холодный. За прозрачными стенками клубился непроницаемый туман. В тумане что-то угадывалось, но вот что? Эдя всматривался, всматривался... Нет, бесполезно! Может, разбить? Но что-то подсказывало ему, что не следует.

— Интересно, что Трехдюймовочка имела в виду, говоря, будто я напрасно ее не

поздравил?.. Что за мелочные придирки! Эй, сестра! Иди посмотри, что тут! Сестра!

Эде никто не ответил. Он обернулся и замер, забыв закрыть рот. Зозо и ее бывший муж держали друг друга за руки. Лица у обоих были такие, словно они только что съели по ложке варенья. Эдя икнул. Поняв, что на сестру рассчитывать не приходится, отправился на кухню, отыскал в ящике лупу и стал разглядывать шар.

Туман, сплошной туман... Эдя потерял терпение, как вдруг, утопая в тумане, перед лупой проплыла крошечная табличка, похожая на лилипутский дорожный знак. На табличке было написано всего два слова: «Счастье Эди». И стрелка, показывающая вглубь...

Эдя все смотрел. Вскоре ему стало казаться, что он видит двухэтажный дом с гаражом, сад, желтый спортивный автомобиль, горбатую худую собаку, похожую на русскую борзую, и все это было маленькое, почти крошечное.

В замке царапнул ключ. Потом кто-то стал звонить и стучать. Эдя неохотно открыл. Перед ним стоял Мефодий. На скуле у него лиловело пятно — след от удара на платформе белгородского вокзала.

— Чего на засов закрываться? Украдет тебя кто? — недовольно поинтересовался он у Эди.

— Молчи, недоросль! Из университета пока не вышибли?

Меф качнул головой.

— Значит, все впереди! — утешил его добрый дядя. — Ну чего тебе надо? Кого позвать из белых господ?

— Эдя, ты повторяешься!

— А мне плевать! Каждый человек рассчитан на определенное число шуток. Сказав их, ничего нового он произнести больше не может, — зевнул Хаврон.

— К чему это ты? — напрягся Меф.

— А ни к чему. Просто получается, что надо или расставаться с человеком раньше, чем он начнет повторяться, или все прощать... Ладно, чего ты приперся?

Меф засмеялся. Для человека, который не видел тебя примерно полтора месяца, это хороший вопрос.

— Вещи кое-какие взять... Где родители? Дома? — Буслаев оглянулся на дверь комнаты.

— Держатся за ручки.

— За чего держатся?

— За передние конечности. Это все амур с арбалетом!.. Блин, не надо было ему мыла давать! Это он из-за мыла расщедрился! — запоздало сообразил Эдя.

Меф посмотрел на Эдю как на забуксовавшего шутника и ничего не ответил. Он выглядел уставшим, почти загнанным. Эдя вернулся к созерцанию шара. Он слышал, как Меф поздоровался с отцом, с матерью. Поздоровался немного озадаченно. Отец и Зозо сидели на одном кресле и соприкасались щеками. Вопросы про учебу не задавали и напоминали зомби.

Меф пожал плечами. Он начал ходить по комнате и, приманивая, повторять ласковым голосом: «Джинсы, джинсы, джинсы!» Джинсы поверили и краем штанины выглянули — с дивана, где лежали под пледом. Меф сразу перестал притворяться ласковым.

— Ах, вот вы где! — сказал он злодейским голосом. Захватив с полки кое-какие книги, он вышел в

коридор и стал обуваться, когда за дверью, у лифта, кто-то затопал. Казалось, сотрясается весь многоэтажный дом от крыши до фундамента. Готовый вызвать меч, Меф потянулся к двери, но прежде, чем он коснулся засова, железная дверь рухнула на него со страшным грохотом.

На площадке покачивался жилистый громила с руками до колен и рыжей шерстью по всему телу. На громиле были кеды и футбольные трусы.

— Ку-ку! Я Зигя Пуф! А дверь посему упала? Я только хотел постусять! — объяснил он Мефу.

Рядом с гигантом стояла бледная, с узкими плечами девушка. В светлых брюках и шерстяной кофте с вылезшими нитками. Кофта была такая страшная, что настоящий бриллиант, болтавшийся на цепочке, казался фальшивкой. К тому же он был запачкан шоколадом.

— Прасковья! — произнес Меф. Непонятно, то ли окликнул ее, то ли удивленно сказал сам себе.

— Ме-о-й! — с усилием выговорила Прасковья, и ее расширенные, точно после атропина, зрачки втянули и заключили в себе сдвоенное отражение Мефа. Отражение заметалось, стуча в стекло упрямых глаз.

Человек рожден для того, чтобы отдавать, иначе его разорвет. Прасковья же отдавать не умела и не желала. Как избалованный истеричный ребенок, попавший в игрушечный гипермаркет, она хватала одну игрушку за другой, несла несколько шагов, ломала, бросала и хватала следующую. И так до бесконечности... И вот, наконец, нашла в витрине мишку, который, как оказалось, не продается. В первый раз в жизни ее «хочу» ударило о «нельзя» и завывало, заскулило, затряслось.

Ромасюсик выскочил откуда-то сбоку. Прыгучий, как теннисный шарик.

— Тук-тук! К вам можно? — спросил он уже после того, как вошел.

— Тебе нельзя! — сказал Меф, но Ромасюсик не пожелал расслышать.

— Тут все так мило! Особенно мне нравятся эти желтые пузыри на обоях! А что, когда здесь делали ремонт, Мефочка уже родился? — защебетал он.

Буслаев стал лениво поднимать руку для подзатыльника, но его опередили. Внезапно Ромасюсик сам себе въехал в челюсть. Так сильно, что мешком осел на пол. Глаза у Ромасюсика вытаращились и стали как два неподвижных куска сахара. Видимо, Прасковья полностью отключила ему сознание.

— *Мы будем тут жить,* — сказал Ромасюсик изменившимся голосом.

— Почему? — спросил Меф.

— *Мне там скучно... Там одни уроды! Мы незаметно угнали асфальтоукладчик и тихо, как мышки, приехали сюда.*

Меф поежился. — Разве тебе не все равно: быть с мраком или нет?

— *Мне — да. Но это не все равно тебе!*

— Поздравляю. Но я здесь не живу.

— *Зато я буду,* — спокойно ответила Прасковья. — *Ты не против?*

Против оказался Эдя.

— Э-э! Нет! Тут одна комната! Я не собираюсь спать в ванной! — заорал он как раненый морж.

— *Зигя!* — сказала Прасковья, не повышая голоса. — *Ты видишь этого человека? Этот гуманоид прячет шоколад!*

Зигя присел на корточки. Теперь он опирался на все четыре конечности и недоверчиво смотрел на Эдю.

— У него есть се-нить шладенькое? — спросил он недоверчиво.

Эдя попятился. С точки зрения Зиги это было признание. Зачем пятиться? Чтобы перепрыгивать! Зигя осклабился. В следующую секунду Эдя уже с воплями удирал на кухню, преследуемый гигантом.

Меф посмотрел на вышибленную дверь. Вспомнил родителей, которые держались за ручки. Пускать в этот устоявшийся мирок Прасковью, которая все тут разрушит?

— Вы не будете здесь жить, — сказал он твердо.

— *Почему? Я расширю квартиру пятым измерением. Вот у той вешалки пушу пастишь табун черных коней. А там,* — Прасковья кивнула в сторону комнаты, — *наверное, озеро. Я пока не придумала.*

— Не в этом дело! Где ты — там смерть! Я не хочу, чтобы моих родителей и Эдю убили!

— *Ты говоришь это мне?*

Губы у Прасковьи побелели. С вешалки, под которой так и не появился табун коней, посыпались зонты и пустые обувные коробки. Вздумавшие обои стали сереть. Огонь появился только потом. В первую секунду казалось, что обои скручиваются сами. Меф погасил огонь усилием воли, но тут же вспыхнула дверь в комнату.

Он погасил и ее, но внезапно понял, что и сам уже стоит ногами в огне. Прасковья не отводила от него взгляда. Лицо Мефа заливал пот. Его шатало. Пол наплывал на потолок. Он ощущал, что слабее Прасковьи. Но он защищал Зозо, отца, Эдю и потому не мог проиграть.

Он мысленно поднял с пола тяжелый зонт и ручкой вперед послал его к Прасковье. Та развернула его в воздухе и швырнула обратно. Бросок был таким резким, что Меф остановил зонт только в двух сантиметрах от своего лба. И снова он мчался к Прасковье. Та была уже готова и перехватила зонт на полпути.

Теперь они сражались за него, как два гладиатора за один меч. Решилось все просто. Зонт сломался. Ручка попала в плечо Прасковье, а часть со спицами — в Мефа.

Прасковья расхохоталась. Дверь в ванную осыпалась стеклами.

— *Ну хорошо, Мефочка! Мы с Ромочкой найдем себе другой домик! Вставай, тело!*

Ромасюсик поднялся, выражение лица мало-помалу становилось осмысленным. Из носа на верхнюю губу вылезла оса. Ромасюсик привычно сдул ее, как сдувают со лба прядь волос.

— А что, мы уходим?.. А как же посидеть? — спросил он и тотчас ответил сам себе: — *Можешь хотеть дальше!*

— Зигя! — крикнула Прасковья. На этот раз сама, без Ромасюсика. Голос у нее был резким, как крик хищной птицы.

Гигант, переваливаясь, вышел из кухни. В руке он держал кетчуп. Изредка он подносил его ко рту и нажимал. «Пркчччч!» — кетчуп вытекал, заливая край рта и подбородок. Из-за этого Зигя походил на вурдалака.

Втроем они вышли из квартиры. Вначале худенькая, решительная Прасковья, за ней ковыляющий, как горилла, Зигя, изредка опирающийся на руки, и последним — бодрая кучка шоколада с живущей в голове осой.

Подождав, пока лифт уедет (Зиге пришлось сесть в кабине), Эдя кое-как поднял дверь и загородил проем.

— Знаешь что? Пожалуй, я исключу из списка кандидаток № 3, 5 и 8. Они чем-то похожи на твою девушку, — пропыхтел он.

— Прасковья не моя девушка! — с нажимом повторил Меф.

— А, ну да! А с другой стороны, почему бы и нет? Рассуждая логически: Дафну отзовут в Эдем, а Прасковья останется на земле. Она же в Тартар не собирается, или я не прав?..

Меф угрюмо уставился на Эдю. Его дядя традиционно оказался в курсе всего, что его не касалось. Информацию он черпал, в основном, от феи Трехдюймовочки. Только про дуэль с Ареем Эде ничего не известно. И, наверное, хорошо.

Другой способностью Хаврона было наносить удары в болезненные точки. Злиться на него совершенно бесполезно. Не Эдя виноват, что он бесчувственный слон, а ты сам, потому что куда тебя ни ткни — везде у тебя какая-нибудь вавка.

— Вытри кетчуп с майки! Со стороны кажется, будто тебя прирезали, — посоветовал Меф и отвернулся.

Меф выждал минут пять, чтобы не столкнуться с Прасковьей у подъезда (Зигя вполне мог закопаться в песочницу делать куличики или с воплями «кис-кис!» вглаживать в асфальт кошку), и оставил родительский дом.

Признаться, ситуация с Прасковьей его волновала, и он обрадовался, когда на другой день ему позвонила вездесущая Вихрова и спросила:

— Ты новости смотрел?

— Не-а, — лениво отозвался Меф.

— Прасковья сняла этаж в новой гостинице... пафосная такая... Ходит в китайских

шлепках по греческому мрамору... У Ромасюсика охрана — два мордоворота. Швейцаров треплет по щечке! Ромасюсик-то!..

— Откуда ты знаешь?

— Так я ж спросила: ты новости смотрел? Там сейчас все пожарные машины города. Говорят: неисправность проводки. Нету больше гостиницы. А я так думаю: надо меньше ржать и плакать! — тоном сплетни сказала Вихрова.

* * *

Вечерняя тренировка с Мошкиным сорвалась. Злодейка Катя увела мальчика Евгешу в театр. Отряхнула с него чипсовые крошки, отобрала два ножа и кастет и посадила рядом с собой на стульчик смотреть интеллектуальную постановку про бегавших по сцене голых старых мужиков.

Не желая пропускать тренировку, Меф отправился к Чимоданову домой. После бдительного материнского фейсконтроля, который Дафна прошла легко (Меф был обыскан на предмет заныканного пива и сигарет), обоих допустили к мальчику Пете.

— Только вы осторожно! Петенька сегодня подрался! — шепнула его мать.

— Во дела! Кто подрался, Чемодан? — ошалело спросил Меф.

Дафна толкнула его локтем. Мать Чимоданова с укором посмотрела на него и поджала губы.

— Петюнчика побили какие-то молодые люди за то, что он не дал им позвонить со своего телефона!

Все произошло очень быстро: он даже не успел защититься! Я уже напечатала два заявления на бланке нашего фонда. Уж я-то знаю, как заставить милицию работать!.. Плохо, что мы не знаем их имен!

Открывая двери комнаты Чимоданова, Меф и Дафна ожидали увидеть тяжелораненого Петюнчика, стонущего на диване. Вместо этого они увидели полного энергии Петруччо, который сидел за столом и что-то строчил. Ручкой! На бумаге! Меф едва не тронулся, когда это увидел. Он вообще не подозревал, что Чимоданов знает буквы.

— Подчеркиваю: про меня не сплетничать! Занят я! — буркнул Петруччо.

— Чем же ты занят?

— Уроды, везде уроды! Пяти шагов не сделаешь! Пусть скажут спасибо, что я был без топора! — Петруччо так возбудился, что во все стороны полетели шарики слюны. — Надо сократить в городе количество уродов! Через Прасковью! У мрака же есть свои люди в правительстве? Надо... на фиг!., вживлять всем датчики на наркотики, алкоголь и агрессию! Принудительно! Чуть кого заклинило, руки распустил — хлоп! — в голове взрывается пять граммов пластита. Девушку кто обидел, она идет к столбику и нажимает кнопку — у обидчика, где надо, появляется галочка. Несколько галочек набрал — хлоп! — пластик взрывается!

Повторно услышав знакомое слово «пластит», Зудука оживился и завертел головой.

— Зачем в башке? Операции на мозге опасны. Пластит — в сережку, а сережку в хмочку уха! И тут же детонатор, который одновременно служит застежкой и усиливающей антенной! — поправил Меф.

Чимоданов недоверчиво повернулся к нему. Буслаев наметанным глазом обнаружил на его левой скуле припухлость с небольшим кровоподтеком и следом от старого медного пятака. Видно, Петруччо некоторое время пытался предотвратить образование фингала, но после махнул рукой.

Дафна коснулась виска пальцем, но, спохватившись, что это сродни осуждению, а от него темнеют перья, сделала вид, что энергично чешет бровь.

— Мысль, конечно, неплохая, но есть маленькая проблема... Вы оба первые разлетитесь, неагрессивные вы мои!

Буслаев хмыкнул. Он чувствовал, что Даф права.

— Ну допустим! А если счетчик на добро? Ну не сделал человек трех... ну пусть одного... мелкого полезного дела в день — и хлоп! — взрыв! — сказал он, задирая ее.

Дафна насторожилась. — А зачем? — спросила она.

— Ну как? Чтоб зашевелился народ!

— Гнилой план. В поступке должно быть сердце. Если человека насильно заставлять добро делать, он его будет делать, но эйдосом потянется к мраку. Вот и получится — везде вроде бы добро, на асфальте ни плевка, к нищим очереди стоят, а эйдосы гнилые и царство Лигула.

Меф потянулся.

— Ладно. Поговорили и хватит! Вставай, мальчик Петя-чемодан, и покажи, чего ты умеешь!

Серdito засопев, мальчик Петя-чемодан вызвал топор, а Меф меч, и, расширив комнату пятым измерением, оба пошли лечиться от агрессии.

Глава 9. Выдох-вдох

Слово стало дряблым. Оторвалось от корня и увяло, как сорван-ная трава. Раньше человек говорил: «Я тебе голову оторву!» — шел и отрывал. Говорил: «Жизнь за тебя отдам!» — отдавал. А теперь говорит: «Я тебя люблю!», а нет даже уверенности, что он тебя хотя бы до дома проводит.

Эльза Керкинитида Флора Цахес, «Общее человековедение»

Одно получилось не так, как ожидала Гелата: Ирка ничего не забыла. Даже ненадолго. Никакого «ощущения смягчающего сна», который должен был отгородить ее хотя бы на время. Она вспомнила все сразу — в тот первый миг, когда сознание толчком вернулось к ней. Ирка попыталась сесть — у нее вышло, но зато потом, когда она попыталась свесить ноги...

Ирка не закричала. У нее не нашлось для этого дыхания. Она откинулась на подушку, накрылась с головой одеялом и пролежала долго, очень долго. Ногами больше не шевелила. Боялась.

«Это сон! Надо просто вытолкнуть себя из сна и — все!» — убеждала она себя.

Однако для сна все было слишком детально. Ирка видела пятно от потекшей ручки на пододеяльнике, да и воздух был горячий, «выдыханный». Она приподняла край одеяла. Увидела неубранные тарелки с едой, лохматящиеся закладками книги в стопке, разбросанные диски...

Где-то за стенкой, очень близко, умными голосами бормотало радио. Ирка не выдержала. Стала осторожно шевелить пальцами ног и поняла, что пальцы не слушаются. Ниже пояса ее ног вообще не существовало: придаток, привесок, протез, русалочий хвост — все, что угодно, только не ноги.

Страшное, почти забытое ощущение, когда важная часть тебя тебе не принадлежит и ее надо перекладывать руками. Детские кошмары возвращались, только на взрослом витке.

На этот раз Ирка точно завопила бы, но тут кто-то коснулся ее накрытой головы. Ирка высунулась. Из-под кровати торчала чья-то рука, шарящая по одеялу. Рука знакомая, поцарапанная, с бахромой грязи под ногтем среднего пальца.

— Кто там?

— Тшш-ш! — прошипел голос. — Это я, Багров! Твоя бабушка ничего не знает! Я забрался через окно!

Он выползал из-под кровати, как червяк, сегмент за сегментом — руки, голова, плечи. Выполз и сел на ковре, отвоевав себе пространство от дисков и книг. Сердце Ирки рванулось к нему — за жалостью, за любовью, за утешением, но мысль, что Матвей видит ее такой, обожгла бывшую валькирию.

— Уходи! Не смотри на меня!

— Ты что, серьезно?

— Оглох? Уходи!

— Не понимаешь, я...

— УХОДИ! — крикнула Ирка во весь голос.

Так крикнула, что закачалась бумажная люстра-шар. По линолеуму точно мячи запрыгали. Это застучали босые пятки Бабани.

Матвей толкнул раму, с ногами вспрыгнул на подоконник и вышагнул в окно. Секунду спустя Бабаня ворвалась в комнату. Лицо бабушки напомнило Ирке печеное яблоко — такое же красноватое, натянуто-ровное, с морщинками у глаз. При всем том Бабаня выглядела далее лучше, чем на фотографиях десятилетней давности. Она раз и навсегда сказала себе, что не имеет права стареть и умирать, потому что с кем тогда останется внучка?

— Прости! — сказала Ирка. — Сквозняк открыл окно, а я чего-то испугалась!

Бабаня кивнула. Она давно уже ничему не удивлялась.

— Ну что? Вставать будем? Надо сделать массаж!

Привычным, до автоматизма доведенным движением Бабаня сдернула Ирку с кровати, и вот она уже в кресле. Зная, как сильно Ирка не любит свои ноги, Бабаня накинула на них плед.

— Бедные ножки! Наверное, забыли уже когда и ходили! — не удержавшись, прошептала она.

Ирка отвернулась и стала смотреть в окно. Она едва могла дышать. Ее разрывало. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вытерпеть. Просто вытерпеть. Выдох-вдох.

* * *

На другой день все стали собираться к Ирке. Первыми пришли Дафна и Эссиорх. За ними Антигон под мороком безвозрастного дядечки с рыжими бакенбардами.

Бабаня носилась туда-сюда с чаем и спешила с шарлоткой. Она была довольна, что у ее внучки столько гостей. Она, правда, не совсем понимала, откуда они взялись, но потом решила, что из Интернета. Такое иногда случается: годами общаешься с неким набором букв, а потом оказывается, что это еще и живой человек.

Дафна вытеснила Бабаню с кухни и мыла тарелки. Мыла так активно, что две моментально оказались вымытыми навечно.

— Может, дальше я сама? — робко спросила Бабаня.

— Я из лучших побуждений! — самоотверженно сказала Дафна. Третья тарелка выскользнула из покрытых пеной рук и покатилась по кафелю.

Мефодий пока задерживался. Он встречался в метро с Бэтлой. Ему хотелось поговорить с ней наедине. То, что Ирка-валькирия и Ирка-из-его-детства оказались одним и тем же человеком, стало для Мефа потрясением.

Еще в первый день, когда все случилось, в набитой «Газели» он сидел рядом с носилками и недоверчиво смотрел на лицо девушки. Неужели та самая? Лицо, конечно, изменилось, но все же... Когда же услышал: «Северный бульвар», последние сомнения отпали.

Ирка! Бедная Ирка! Сколько тайн она хранила все эти годы!

Из подземного перехода вынырнула Бэтла. В синей ветровке, полноватая, чуть запыхавшаяся после ступенек, она походила на многих других женщин, возвращавшихся с работы. Разве что была чуть более радостной. В каждом глазу по веселинке. Обычная сонливость исчезла.

Меф подбежал к ней.

— И как там? Ты ее видела? Новую валькирию-одиночку?

Бэтла качнула здоровенной сумкой. Еще две сумки тащил оруженосец. Они не умели приходить с пустыми руками. Хороших же подарков должно быть мно-о-го. И, конечно, съедобных.

— Само собой. Мы с Гелатой ходили знакомиться. Копье, щит и шлем уже у нее.

— И что? Она тоже..? — Меф, замаявшись, посмотрел на свои ноги.

— Нет, — сказала Бэтла. — Но у нее было что-то с кожей. Лицо как коркой покрыто. И шея, и руки... Трескается, мокнет, нарывы. В школу не ходила — училась дома. Совершенно

измученный человек, но не озлобленный. Собак кормила, больных голубей подбирала. Но это понятно. Человек, наступивший на себя, всегда светел.

Меф недоверчиво хмыкнул.

— Ну хорошо, а эта вот... не наступила на себя? — Меф кивнул на женщину-пьянчужку.

Бэтла остановилась, чтобы достать из сумки и быстро сунуть пьянчужке палку колбасы.

— Нет, не наступила. Она себя растоптала, — сказала она грустно. — Но и для нее еще не все потеряно, пока цел эйдос. Надо только захотеть.

До Ирки они добрались быстро. Бэтлу приветствовали так радостно и громко, как бывает только в гостях, где все чувствуют себя неуверенно. Меф прошел в комнату к Ирке и стал говорить о чем-то бодром. На ее колени под пледом он старался не смотреть. Колени были не просто худыми — они напоминали кости из супа.

В комнате негде яблоку упасть. Все стулья и кухонные табуретки заняты. На подоконнике помещался упитанный оруженосец Бэтлы.

Ирка всех удивляла. Она не выглядела подавленной, разве что на вопросы отвечала невпопад. Шуткам улыбалась с запозданием и порой казалось, что она вообще не видит своих собеседников.

«Вот это сила духа!.. Даже не воля! Именно сила духа!» — подумала Дафна, незаметно любуясь полыханием ее эйдоса. Теперь она понимала, почему Ирка была валькирией-одиночкой и почему все валькирии-одиночки обязательно выбираются из людей перестрадавших.

Дафна заметила, что Антигон ведет себя странно. То оживленно хлопочет, то замирает и по несколько минут стоит истуканчиком.

— Чего такое с Антигоном? — уловив момент, когда Ирку выкатили в коридор, спросила она у Бэтлы.

— Он должен перейти к новой валькирии. Уже завтра-послезавтра!

— Отнять у Ирки Антигона? Что, трудно найти какого-нибудь другого пажа? — вознегодовала Дафна.

Бэтла языком провела по своей щеке сверху вниз. Была у нее такая привычка. Снаружи казалось, что под щекой перекачивается шар.

— Одиночка — самая уязвимая валькирия. Ее никто не боится. «Просто какой-нибудь паж» тут не подойдет. Даже если это будет детина из спецназа. Что он знает о стражах мрака, о нежити? Представь, будет он делать хмырю залом руки, а у того и суставов никаких нету. Удар кулака в голову он принимает проглотом этого самого кулака с последующим его откусыванием. Не поверишь, сколько ребят на этом пустяке попались, — сказал с подоконника оруженосец Бэтлы.

Дафну больше интересовало другое.

— А Ирка знает про Антигона?

Бэтла щелкнула ногтем по пустой чашке.

— Нет пока. Поэтому он и дергается, что рано или поздно ему придется об этом сказать. Только сейчас разве скажешь? Это все равно, что взять и добить ее.

Чимоданов, взявшийся непонятно откуда, прикатил здоровенную трехколесную коляску, больше похожую на велосипед, в котором педали крутились руками. В коридор она протиснулась едва-едва и моментально его закупорила.

Ирка удивленно моргнула. С Чимодановым они никогда особенно не дружили, так, случайные знакомые, а тут... Почему-то часто так бывает: когда ты в беде, внезапно приближаются те люди, которых ты раньше едва знал, и исчезают многие из тех, кто прежде был якобы близок. Может, и хорошо, что так. Иначе бы не разобрались.

— Классная штука! — с гордостью заявил Петруччо.

— Ты ее купил? — спросил Меф, зная, что у Чимоданова никогда нет денег.

Петруччо на секунду замялся.

— Подчеркиваю: тут такое дело... У одного парня брат, у брата девушка... А у этой девушки соседка, натурально тупая лошадь, которой нужно было отодрать, плинтуса... — издали начал он.

Дальше Меф не слушал. Он понял, что они вступили в зону бесконечных чимодановских комбинаций натурального обмена. При желании Петруччо достал бы даже вертолет, променяв его на беременную крольчиху, три мешка цемента и выкопанный в парке куст роз.

Ирка уставилась на трехколесную коляску, как на гремучую змею. Еще позавчера она за двадцать минут пробежала Сокольники, а тут эти пухлые, пахнущие резиной колеса, ручки и рычаги. Ирка держалась отлично, но челюсть у нее начала дрожать.

Чимоданов ничего не замечал. Он был под впечатлением от своего подарка.

— Сорок километров в час, однозначно!

Все усталились на Чимоданова. Тот по-прежнему не понимал, что означают все эти взглядики. Да и не собирался понимать.

— Да чо такое-то? Ну пусть тридцать пять! Да я от Битцы сюда на ней ехал! Натурально! Кто не верит — пошли выйдем! — заорал Чимоданов.

Меф представил, как Петруччо несется на инвалидной коляске по запруженным московским улицам, перестраивается через три полосы и орет на водителей.

— Откуда ты узнал? — спросил он у Чимоданова, дождавшись, пока тот выйдет в коридор.

— Про Ирку? Ната сказала.

— А она откуда?

— А ей Мошкин сказал.

— А Мошкину — я, — влезла Дафна. Меф кивнул. Обычный телеграф.

— Значит, надо ждать Евгешу, — сказал он. Чимоданов шумно почесался и ушел на кухню

питаться. То, что он в чужой квартире, волновало его мало. На кухне он мгновенно познакомился с Бабаней и принялся пожирать заготовленные для второй шарлотки яблоки.

Евгеша Мошкин, приход которого Меф предугадал заранее, долго не мог решиться появиться у Ирки. То есть прийти-то он пришел, но вот чтобы подняться и позвонить... А вдруг выгонят? Вдруг косо посмотрят? А вдруг он вообще ошибется квартирой?

Все эти «вдруг» были невыносимы для мнительного Евгеша. Чем больше он думал, тем больше находилось всяких «а если». Через десять минут Мошкину стало мерещиться, что и Меф не Меф, и Ирка не Ирка, и дом не дом.

Он бродил по газону сложной восьмеркой. Параллельно грыз ноги, обкусывая их по очереди, начиная с мизинца. Со стороны казалось, будто он сравнивает, какой палец у него вкуснее, и никак не может определиться. Внезапно Мошкин наткнулся на вытоптанную в траве дорожку. Казалось, какой-то человек ходил здесь всю ночь, а потом ушел.

Бедный Евгеша заметался. Он не желал находиться на газоне, по которому ночами ходят непонятные люди и творят непонятные дела. А вдруг его примут за того, другого, и мало ли, к чему это все приведет? Мошкин встряхнул головой и, выбрав из двух зол наименее зубастое, резво зашлепал к подъезду.

Евгеша начал подниматься по ступенькам, но случайно обнаружил под лестницей низкую дверь. Из приоткрытой двери тянуло сыростью. Хотя это было нетипично для Евгеша, он осторожно всунул голову, потянул носом, робко окликнул: «Есть тут кто, а?»

Никто не отозвался. Мошкин стал спускаться. Сердце терялось в груди. После десятой ступеньки лестница закончилась. Тянулись куда-то скучные забинтованные трубы. Подвал тускло освещался единственной лампой. Настойчиво пахло кошками. Изредка то одна, то другая длинная тень пересекала подвал и ныряла в щели под трубами. Евгеша прошел шагов десять и решил возвращаться.

В этот момент чья-то рука коснулась его голени сразу над ботинком. Мошкин был не Ахилл, но пятки свои берег. Задышавшись от ужаса, Евгеша сделал скачок и обернулся, готовый

отразить нападение. На него никто не нападал. Под толстой трубой, на старом женском пальто, валявшемся здесь с незапамятных времен, спал Матвей Багров, некромаг и сын гусарского полковника.

Мошкин осторожно обошел его вдоль стены и поспешно убрался из подвала. В квартиру к Ирке он попал без сложностей, хотя страшно переживал, думая, как будет нажимать на кнопку и как представится тому, кто к нему выйдет.

— Здравствуйте! Меня зовут... — громко начал он, услышав в коридоре шаркающие шаги.

В дверь просунулась полубандитская рожа Чимоданова.

— Да знаю я, как тебя зовут!.. Ты чего людям по мозгам звонишь? Не видишь: открыто?

Ирка поздоровалась с Мошкиным отрешенно-приветливо, как до этого с остальными. Бывшая валькирия о чем-то говорила, кому-то кивала, но была как мумия: ей хотелось забиться под одеяло и никого не видеть.

Наконец у Бабани закончилась шарлотка, а у Ирки — способность притворяться, что она рада. Улыбка у нее стала совсем кривая, как у человека, которому сделали заморозку десен. Гости почувствовали, что пора расходиться. Они уже переглядывались, когда Ирка, толкнув обода коляски, оказалась рядом с Мефом.

— Ты тренируешься? Как твои ножны? Тебе обязательно нужно их найти! — сказала она, хватая его за руку. Она проговорила это с такой страстностью, почти с одержимостью, что Мефа затопило тоской и дружбой.

Дафна вопросительно взглянула на Эссиорха.

— У нас пока пусто. Доктора Возбуханчика мы навестили вчера вечером. Никаких следов ножен, — отозвался тот.

— А сам Возбуханчик не говорит? Хранитель покачал головой.

— Надо было мне одному идти. Корнелий попытался вызвать его «на шесть и по хлопку». Двое на одного, видите ли, нечестно. Пока он меня толкал, Возбуханчик почти улизнул...

Дафна отметила легкую застенчивость этого «почти».

— Короче, поговорить с ним не удалось. А Тухломон?

— Залег на дно, да и Хнык, думаю, тоже... Гудрон, потом Возбуханчик. Для них это стало сигналом, что на лучших комиссионеров мрака ведется охота, — закончил Эссиорх грустно.

— Тогда нам нужен джинн! У меня был кувшин с джином! — занервничала Ирка, скользя взглядом по комнате.

— Дохляндий Осляев вернул его валькириям! — наябедничал Антигон.

— Надо отдать его Багрову! Джинн должен найти ножны!

— Может быть, все-таки не Багрову, а Матвею? — осторожно поправила Бэтла.

— Багрову.

— А-а, — протянула Бэтла. — А почему, кстати, тут нет Ма...грова?

— Я не желаю его видеть.

— Но почему?

— Просто не хочу, и все. Чего тут непонятного? — повторила Ирка тихо, но упрямо.

— А куда он, кстати, делся? — спросил Меф. Никто этого не знал.

Мошкин, единственный видевший сегодня Багрова, переглянулся сам с собой в зеркале и нашел себя очень таинственным. Про Багрова Евгеша не упомянул: как человек чуткий, он улавливал, когда

лучше молчать.

— Мир полон загадок! — сказал он очень секретным голосом и тут же все испортил жалкой щенячьей фразой: — Это правда, да?

Глава 10. Окаянный колдунец

Когда человек гриппует, он, сам того не желая, размножает вирус и всем его раздает. Когда человек в злобе или раздражении, он размножает злобу и раздражение.

При увеличении нагрузки из любого, самого золотого человека, начинает лезть грязь, как из посудной мочалки. А раз так, стоит ли себя жалеть? Может, стоит себя нагрузить и сжать мочалку так, чтобы грязь вытекла вся?

«Книга Света»

Устало шаркая, Пуфс прошел по резиденции на Большой Дмитровке. Приемная была погружена в полумрак. Свет повсюду погашен. Черные окошки, куда комиссионеры всовывали липкие лапки с эйдосами, казались сосущими провалами и были даже чуть темнее, чем просто темнота.

Совсем один. День не приемный. Младшие стражи распущены. Правда, Зигги знал, что пустота эта обманчива. Стоит хлопнуть в ладоши и...

Пуфс не хлопал. Только жалел, что не на кого поворчать. Даже его боевое тело куда-то ушлепало и бродило со своей любимой «мамочкой». Пуфс сгоряча послал за ними двух младших стражей, но вернул их от дверей. Он вспомнил, что все решения, касающиеся Прасковьи, принимает лично Лигул. И вот теперь, в темной приемной, приседая от страха, связался с начальником канцелярии мрака. Для этого в его ящике лежала огромная черная трубка с отрезанным проводом.

Трубка называлась «расстрельная». Когда-то с нее отдавали приказ на полигон в Бутово. Всегда один и тот же. Волнуясь, Пуфс четко доложил ситуацию. Из трубки дохнуло жаром и аммиаком. Должно быть, в главной приемной опять вышел из строя кондиционер.

Несколько секунд трубка молчала. Пуфс слышал только дыхание Лигула. Это было кошмарно. Сердце у него каменело, а дарх скручивался. А потом спокойный, немного хриплый голос произнес:

— Она же совершеннолетняя, не так ли?

Пуфс — опытный чиновник — мгновенно уловил, куда дует ветер.

— Так точно, — сказал он одубевшим от рвения голосом.

— Господин начальник русского отдела, вы меня удивляете! Неужели вы считаете, что взрослая девушка сама не вправе распоряжаться своими поступками?

— Так точно!

— Что «так точно»? Так вправе или нет? — передразнил Лигул. — Вы сами себя слушаете?

— Да... то есть нет! Вправе... распоряжаться! — От оговорки у Пуфса пересохло в горле.

— Что вы там пишите? Вы что, меня боитесь, Пуфс?

Пуфс вцепился в край стола. Этот вопрос был еще страшнее. На него нельзя было ответить ни «да», ни «нет». К счастью, Лигул не стал добиваться непременно ответа.

— Да и вообще, если не позволять молодым людям всего, что им заблагорассудится, из них никогда не вырастут настоящие мерзавцы! Это подметил еще сказочник Андерсен. Вы любите сказки, Пуфс? — спросил он со смешком.

— Да, — на всякий случай соврал Пуфс.

— Я понял это, читая ваш квартальный отчет! Надеюсь, хотя бы с ножнами провала не будет! — холодно сказал Лигул, и трубка замолкла прежде, чем Пуфс сумел разомкнуть челюсти.

Пуфс еще пару минут продержал трубку в потной ладошке и осторожно опустил в ящик стола. Работать с Лигулом чудовищно трудно. Он никогда ничего не забывал, никогда никому не прощал и прекрасно помнил абсолютно все свои слова. Для подчиненных иметь такого начальника — самое большое наказание.

Пуфс выждал где-то час, давая себе окончательно успокоиться, а потом занялся

лишенцем.

На этот раз лишенец появился сам. Без руны. Пуфс был слишком осторожен, чтобы подставиться. Он просто громко окликнул — и все. Семь теней окружили стул, на котором, обмахиваясь крылом валькирии, сидел Пуфс. Там, где по крылу ударил клинок, запеклась кровь.

— Интересно, у новой валькирии-одиночки будет лебедь? И если да, то с двумя крыльями или с одним? — спросил Пуфс, кивая лишенцу.

Тот не ответил. Шесть рук протянулись к крылу. Бесплотные руки прошли его насквозь. Ни одна не смогла взять.

— Что, не получается без разрешения? — сочувственно спросил начальник русского отдела. — Разумеется, я подстраховался.

— Отдай его нам! — потребовали шесть теней. Седьмая молчала.

Пуфс покачал головой.

— Ножны! — напомнил он.

— Крыло! — прошуршали шесть теней голосом-которого-не-было.

Пуфс зацокал языком.

— Тце-тце! Из-за этого крыла Эстик потерял хорошего бойца. Нет, я отдам его только в обмен на ножны, и не раньше!

Семь теней пришли в движение. Пуфс не успевал следить глазами за их быстрыми перемещениями. Они то сплетались, то расплетались, как древесные корни.

— Обманет, — сказали шесть теней.

— Не обманет, — прошептала седьмая тень. — Разве он один помнит, что случилось 14 мая 1509 года между часом, когда начинают петь соловьи, и часом, когда высыхает роса?..

Пуфс, услышавший только дату, вздрогнул и торопливо повернул голову. Узнать тень было невозможно: серое лицо не имело черт.

— Прошу тебя, тень, замолчи! Какой смысл ворошить прошлое? — сказал он с нервным смехом. — Вот крыло! А вы найдите мне ножны!

Шесть теней одновременно протянули левую руку, и крыло валькирии исчезло. Только одинокое перо осталось лежать на полу. Седьмая тень, стелясь, коснулась его всем своим долгим бесплотным телом, и перо пропало.

— Эй, а ножны! — нервно напомнил Пуфс. Совещаясь, шесть теней сомкнулись головами.

Седьмая осталась в стороне. Только покачивалась, словно от сквозняка.

— О ножнах скажем завтра! Чтобы все узнать, теням нужна ночь, — прошуршали тени.

Лишенец завертелся как маленький ураган. И, несмотря на то что Пуфс был стражем мрака, его захлестнула волна гадких желаний, ненависти, раздражения, тревоги — всего того, что лишенец вбирает в себя как в губку и разносит повсюду, где бы он ни был.

Мешки под глазами у Пуфса набрякли, как у бульдога.

* * *

Они бродили по заброшенной стройке недалеко от метро «Выхино». Строили подземный гараж, ввинтившийся в землю на шесть этажей. Первым крался приноживающийся Добряк. За ним, пиная ботинками куски кирпича, шагала Варвара со здоровенным фонарем. Замыкал Корнелий с флейтой, к которой он на всякий случай примкнул штык.

Связному света хотелось приключений. Сгоряча он вызвал на шесть и по хлопку двух выпивох, которых они обнаружили в нише третьего подземного этажа. Выпивохы устроились неплохо и даже запаслись чем-то вроде лампы из автомобильного, аккумулятора и старой фары. Обидело же Корнелия то, что, увидев их с Варварой, один из бомжиков махнул рукой и пьяным голосом сказал: «О, мальчишки пришли!»

— Не заморачивайся! Меня вечно принимали за мальчишку! «Мальчик, где твоя мама? Мальчик, в футбол будешь?» — передразнила Варвара, волоча за собой хромающего Корнелия, которого один из вызванных на дуэль метко подшиб половиной кирпича.

— Ты не мальчишка! — сказал Корнелий.

— Хочешь сказать: для тебя это важно? — поинтересовалась Варвара.

— Ну, вообще да. Представь себе! — ответил связной света и, стиснув зубы, повалился на свою, торчащую из кирпичной колонны. — Давай немного отдохнем!

Варвара присела рядом, выключив фонарь, чтобы не убивать батарейки. Добряк вернулся и улегся в ногах. Было слышно, как он глодает здоровенную кость, найденную где-то здесь. Корнелий понадеялся, что она хотя бы не человеческая.

— Не надо было хватать меня за флейту! Ты испортила мне всю маголодию! — пожаловался он в темноту.

Сверху капала вода. Было слышно, как капли шлепаются на бетон.

— Ну прости! — сказала Варвара.

— Я тебе все прощу, — пообещал Корнелий.

— А я тебе — ничего...

Младший страж вытянул ногу и стал ее массировать. Перелома нет, остальное — пройдет.

— Неправда! — возразил он. — Ты всем все прощаешь. Просто тебе нравится казаться хуже, чем ты есть.

— Докажи! — потребовала Варвара.

— Да чего тут доказывать? Кто меня за флейту хватал, когда пьянчужки в нас кирпичами швыряли?

Варвара хмыкнула. Довод был сильный.

— А как его на самом деле зовут? — внезапно спросила она.

— Кого?

— Арея! Это же прозвище! А кто он на самом деле?

— Кажется, Федя. А фамилия Гризодубов, — ляпнул Корнелий, надеясь, что до Арея его шуточка не дойдет.

Варвара слегка разочаровалась.

— Правда? А я думала: Андрей или Александр. Знаешь, он почти перестал со мной разговаривать! Зеленый, уставший, глаза ввалились. Смотрит на меня и не видит. Целый день сидит и что-то пишет. Какие-то имена в столбик. По-моему, их уже целая тетрадь.

— А что за имена? — заинтересовался Корнелий.

— Не знаю. Не могу их прочитать. Я заглядывала, когда он отошел. Буквы вроде все знаю, а в слова они не складываются.

— Заморочная защита, — буркнул Корнелий.

— А-а?

— Да не, ничего. У меня привычка бормотать под нос... А ты не спрашивала у него, кто это?

— Спрашивала. Он ответил: «Это те, у кого я в свое время взял в долг». А я: «Ну так отдайте!» А он усмехнулся и ничего не ответил.

— Мутная история, — признал Корнелий и, поднявшись, бодренько захромал к выходу из гаража. — Ты как хочешь, а я все-таки вызову этих типов на шесть и по хлопку!

Варвара остановилась, сама не зная зачем.

— *Иди сюда!* — позвал ее голос из темноты.

Голос-которого-не-было.

Варвара резко обернулась. Луч фонаря скользнул по стенам, по бетонной крошке, споткнулся о ржавые носилки и — замкнул круг.

— Ну что такое? Чего ты мне в лицо светишь? — нетерпеливо спросил Корнелий, которому хотелось разобраться с пьянчужками.

— Ты что-нибудь слышал? — нервно спросила Варвара.

— Да что тут можно слышать? — завопил связной света. — Догоняй!

И он пошел вперед, готовя флейту. Варвара шагнула за ним, но снова услышала за спиной шуршание:

— *Варвара! Подойди ко мне!* Поколебавшись, она положила ладонь на рукоять тесака и направила фонарь туда, откуда доносился голос. Луч уперся в кирпичную стену, сложенную наспех, с большими шлепками раствора. Рядом выстроился неиспользованный штабель кирпича, точно заготовленный кем-то для дела.

Варвара, как особа цинично-романтическая, решила, что там кто-то замурован, но ничуть — стена оказалась тонкой, в один кирпич. За ней просматривался гаражный бокс.

Варвара извлекла из ножен тесак и скользнула внутрь. Обшарив фонарем пол, обнаружила сломанную раскладушку, газеты, разбитые бутылки, брошенный мастерок и прочие следы строительной деятельности. Все это было любопытно, но не объясняло главного: кто мог ее звать.

Варвара собиралась вернуться к Корнелию, но вскрикнула и попятилась. Прохода, через который она попала в гаражный бокс, больше не существовало. Кирпичи, взлетая сами собой, шлепались на раствор, выкладывая ряд за рядом. Казалось, снаружи трудится десяток строителей. Когда, осмелев и размахивая тесаком, Варвара подбежала к стене и стала наносить удары, щель наверху стала слишком узкой, чтобы через нее вылезти.

Внезапно возникла заминка. Последние два кирпича, едва коснувшись своего места в кладке, рассыпались в порошок.

— *Зачем ты это сделал? Пусть бы она умерла).* — нестройным хором спросили шесть голосов.

— *Я еще не услышал ответ: помнит ли он того, кого убил безвинно! Вы не можете помешать мне! «Да» должны сказать все семеро!* — Все стихло.

Варвара едва не сломала тесак, пытаясь разрушить кладку. Потом, забравшись на раскладушку, долго орала в щель, пока ее чудом не услышал Корнелий. Не будь этих двух рассыпавшихся кирпичей — стена заглушила бы ее голос.

— Эй! Варвара! Ты где?

Она помигала ему фонарем. Орать уже не было сил. Корнелий подбежал и стал распоряжаться:

— А ну-ка отойди! Голову руками закрой!

Варвара прыгнула с раскладушки. С третьей попытки связной света расшиб стену маголодией и самодовольно подул на флейту.

— Мощь-то такая! Видела бы ты, как от меня эти алкаши улепетывали!

— Да плевать на них! — проворчала Варвара. — Ты кого-нибудь видел?

— Ну да! — признал Корнелий удивленно. — Тех двух типов! Я же сказал!

— И все? А когда возвращался? До Корнелия что-то стало доходить.

— А чего ты там делала, а? — спросил он.

— Загорала!

Корнелий охотно удовольствовался этим объяснением.

— А ты меня любишь? — спросил он. Корнелий потому и считался самым бестолковым стражем в Эдеме, что всегда задавал своевременные вопросы.

Глава 11. Процент комиссионера

Все теории мира не стоят единственной правды.

Успех в любом начинании определяется способностью человека наступить на свое «хочу».

Пока ты жалеешь сам себя, тебя больше никто не пожалеет.

«Книга Света»

По путаным переулкам центра бродили осенние сквозняки. Они были противные, стылые и слабые, как старые суккубы. Потрогает, сунет руку за ворот, дунет пылью в глаза и скроется в подворотне.

Дафна лежала на животе на крыше и терпеливо смотрела на вход резиденции мрака. Здесь, в центре, как всегда людно. Человеческие волны катились по улицам, и каждая часть

волны считала себя чем-то отдельным. Хлопали дверцы машин. В витрине турбюро летала кругами привязанная на леске модель самолета. В окнах, выходящих на лестницы, белели физиономии курильщиков.

Дафна наблюдала все это сверху и размышляла, что толпа имеет душу и психику пятилетнего ребенка. Так же легко путается, заинтересовывается, радуется, впадает в панику. Чем толпа больше, тем ниже ее психологический возраст. Казалось бы, коллективный ум должен давать бонусы. На деле же он их только отнимает.

В руках у Дафны был бинокль, позволяющий видеть сквозь камни, а на спине — маскировочная накидка из листьев невидимого дерева, которое долго искали по всему Эдемскому саду, поскольку и дерево, как и его листья, тоже невидимое.

Замысел был прекрасный, но, как и все подобные, не учитывал важных деталей. Первая: на Даф были светлые джинсы, а крыша — холодная и мокрая, с лужами, натекшими в местах стыка черепицы. Вторая: бинокль позволял видеть сквозь камни и кирпичи, но внезапно отвлекался и начинал до бесконечности укрупнять отдельные детали.

В результате бедная мерзнувшая Дафна пятнадцать минут созерцала большой палец ноги Пуфса. Пытаясь избавиться от него, переводила бинокль туда и сюда, и опять видела то валявшуюся на полу дохлую муху, то пыль на полировке, то застрявший в обшивке гвоздь. Потом на несколько секунд увидела рот Пуфса и что-то размытое, похожее на висящее в воздухе серое полотенце.

— *Позови Тухломона и Хныка и узнаешь, где ножны!* — произнесло серое полотенце и стало растворяться в воздухе.

— Эй! Постой! — Пуфс безуспешно пытался ухватить тень за руку. — Мы так не договаривались! Ты обещал мне найти ножны!

— Вот именно. Слушай сам себя. Найти ножны. Прощай: мы с тобой квиты!

И снова Даф видела рот Пуфса, кричащий кому-то из младших стражей:

— Кузнецкий, сегодня вечером!.. Да, обоих! Когда? Немедленно!..

Эдемский бинокль с усилителем звуков в руках у Дафны дрогнул и, сбившись, вновь стал показывать не относящиеся к делу вещи: спираль дарха Пуфса, чернильницу с высохшей кровью, пуговицу, закатившуюся под ножку стола. Дафна вспомнила суккуба, любившего пуговицы с янтарем. Кажется, его звали Ихлибедих. Бедный Ихлибедих! Должно быть, не добрал нормы.

— Пвифет, милая моя! — поздоровался кто-то рядом.

Дафна оцепенела, не решаясь ни скосить глаз, ни шевельнуть пальцем. На инструктаже по маскировке в них долгие годы вбивали: слишком подвижный наблюдатель и мертвый наблюдатель — одно и то же. Даф знала: увидеть ее под маскировочной накидкой невозможно. Ни обычным зрением, ни истинным.

— Ты фто, офлофла? Сера из уфей уфирается исключительно самовозгоранием! Думаешь, ефли от дефушки фидна одна фтупня — это дает ей ффрафо не здороваться с люфимой учительницей? — вознегодовал тот же голос.

Дафна шевельнулась под накидкой.

— Фтупня?.. — робко переспросила она.

— Фтупня — это, исфеняюсь, лодыфка! Уфите анафомию, уфафаемая!

На коньке крыши, свесив ноги, сидела Эльза Керкинитида Флора Цахес, она же Шмыгалка. Учительница была в длинной юбке-колоколе, в шляпе с вуалью и алом плаще с вплетенными живыми розами. В руке у нее шевелилась трость, превращенная из живого ужа, подавившегося живой лягушкой.

— Ф городе я польфуюсь нефкафанным успехом! Стоит фройти по улице — фсе профожие оглядываются! Правда, меня глофут смутные сомнения! Скажи: у меня ф одефде фсе так? — мнительно спросила она.

— Может быть, трость выпадает из стилистики? — предположила умная Даф.

— Думаефь, я офять опередила моду? — ужаснулась Шмыгалка.

Дунув на трость, она превратила ее обратно в ужа, погнавшего за прыгавшей по

крыше лягушкой.

— Я фегда ее опережаю! Фут уж ничего не поделаефь! — самодовольно заявила Эльза Керкинитида, постукивая себя пальцами по корсету из китового уса.

Дафна осторожно угукнула.

Выудив стеклышко на цепочке, Шмыгалка вставила в глаз монокль и углядела у входа в резиденцию мрака десятка два комиссионеров. Они появились только что и явно кого-то ждали. Трое были с бейсбольными битами, один с велосипедной цепью, двое — с помповым ружьем, еще один яростно размахивал красной книжечкой, которую вылепил только что из грязи и помочил водой из лужи.

Этого с книжечкой Дафна помнила со времени своей работы на мрак. Помимо прямого вымогательства эйдосов, он занимался раздуванием сплетен, чтобы они не гасли на начальной стадии.

Из переулка, ведущего к старому зданию мэрии, вылетел микроавтобус, украшенный цветочками и свадебными ленточками. Из его распахнувшихся дверей *хлынул* поток размалеванных суккубов, и начались дикие вопли. Комиссионеры орали на суккубов, суккубы — на комиссионеров.

Один суккуб вцепился в комиссионера с помповым ружьем и быстро, точно бабка, пропалывающая огород, выдирает у него волосы. При этом он не за бывал визжать: «Караул! Убивают!», обозначая для любопытствующих, что пострадавший тут именно он и его надо жалеть. Другие не вмешивались.

— Во дела! Эйдос, что ли, он у кого-то упер? — спросила Дафна.

Эльза Керкинитида Флора Цахес поморщилась.

— Фто за выражения, филочка моя! У кого ты их нахваталась?

Дафна не стала ябедничать на Мефа, растерявшего в универе остатки словесной культуры.

— Так что тут делает вся эта толпа? — спросила она.

— Полагаю, они делят сад Эрмитаф! — со знанием дела сказала Шмыгалка.

— Сад Эрмитаж? — переспросила Дафна.

— Я что, неясно вырафаюсь? И еще плофять у метро «Таганская»! Идем отсюда! Смотреть профивно!

Лавируя между трубами, Шмыгалка с изяществом извлекла из заспинного чехла флейту и короткой маголодией расплавила визжащего суккуба. Дафна только вздохнула — она-то знала, какими тренировками оплачивается такая легкость. В одной хрупкой Шмыгалке мощи было, как в моторизированной дивизии.

Другие суккубы и комиссионеры даже сообразить ничего не успели. Стояли и тупо смотрели по сторонам. Потом все разом сгнули, бросив микроавтобус, биты и велосипедную цепь.

Эльза Керкинитида Флора Цахес дошла до открытого люка и прыгнула на чердак. Он оказался до скучного современным. Голубиный помет здесь заменяли кабели спутниковых тарелок, трубки кондиционеров и охранные камеры.

Правда, сейчас все камеры были старательно закрашены из баллончика, а на одной, самой въедливой, висела бумажка: «Подсматривать низзя! Стыдитесь, граждане!»

— Ф ком-фо профадает фисатель! — прокомментировала Шмыгалка.

Дафна застенчиво потупилась. Рюкзачок у нее за спиной шевельнулся как живой. Из него высунулась усатая бандитская физиономия. В зубах физиономия держала отгрызенный трансформатор от солнечной батареи. Депресняк был не только обжора, но и вандал.

— Ой! Какая фрелесть! — восхитилась Шмыгалка, созерцая Депресняка.

— Оболтус он, а не прелесть! — пробурчала Дафна, размышляя о словесных диверсиях мрака.

Гудрона она шлепнула, а его дело просочилось до самого Эдема. «Блин-блин-блин!» — как сказал бы великий Меф.

Шмыгалка уселась на железный короб, подписанный «Опасно для жизни!», и

расправила юбки.

— Как фы, конефно, догадываешься, у моего физита есть цель! — важно начала она. — Я хочу фригласить тефя на свой юбилей! Не буду фрать, что мне дфадцать тыфяс лет, да это и не так вафно! Я отлифно знаю, что фывляжу на двадцать пять фясяч, и фольше мне никто не даст!

Эльза Керкинитида зорко взглянула на Дафну, но та сидела, опустив голову, и скромно застегивала рюкзачок.

— Фроблема в том, что фы не готова фойти в Эдем основными воротами! Твои крылья кофмарны! Когда ты в последний раз летала?

Дафна сильно дернула «молнию» рюкзака. Бегунок отскочил и остался у нее в руках. Дафна тупо уставилась на него: до этого рюкзак служил несколько лет без единой поломки.

— Хороший отфет!!! — непримиримо заявила Шмыгалка. — Луфте фяких флоф! Страж сфета, который не только не летает, но даже и не вызывает кфылья! А когда-то ты была лутфей в моей груффе!.. И все ради нефястного юнофы с отломанным фубом!

— Юбилей, — тихо напомнила Даф.

Слова Шмыгалки царапали ее, как наждак.

Эльза Керкинитида сунула в сумочку руку. Обратной ладонь вернулась с листом пригласительного дерева. Буквами служили крошечные золотые жучки. Сейчас они сидели, сбившись в кучу, но стоило прикоснуться к ним, как они начинали расползаться, образуя слова.

Шмыгалка удержала ее руку, помешав Дафне гонять жуков.

— Посмотришь фосле! Я спефу! Кстати, дорогая, ифей в виду! Этот билет уникален! Он доставляет в Эдем, минуя главные форота! Просто нефертишь круг, фстанешь ф него и...

— Не через главные ворота? — не веря, повторила Дафна.

— Да, филочка! Никафиф каменных грифонов! Никто не уфидит твоих зачуфанных крыльев! А уж в Эдеме я тефя как-нифуть отмою!.. Фрощай, милочка! У меня еще куфя дел!

Эльза Керкинитида Флора Цахес коснулась лица Дафны полями своей шляпы, улыбнулась и растаяла в несколько старомодной, но яркой телепортации. Дафна, не успевшая закрыть глаз, ослепла секунды на три. Когда зрение вернулось к ней, она вспомнила о билете.

Расправила лист на ладони и мизинцем коснулась золотых жуков. Те забегали, открывая ослепительные крылья. Дафна едва успевала читать прыгающие слова:

«... Эдеме... взять с собой... любого сопровождающего... по вашему усмотрению.

Ваша Элли».

Но Дафну поразило даже не то, что преподавательница по музумагии подписалась «Элли». Торопливо перевернув билет, она обнаружила, что с обратной стороны листа жуки сложились в крупную двойку.

Последние сомнения отпали. Пригласительный билет на две персоны. Она могла взять с собой в Эдем кого угодно. Даже «нефястного юнофу с отломанным фубом».

Наклоняясь, чтобы затолкать в рюкзак Депресняка, Дафна оказалась лицом на уровне чердачного окошка. И снова увидела вход в резиденцию мрака. Оттуда, настороженно озираясь, выходил Пуфс, которого Меф называл «Бешеная кнопка». Два дюжих стража прикрывали его прозрачными щитами от маголодий. Начальник русского отдела был в темных очках и длинной мешковатой кофте с капюшоном, в котором его лицо тонуло как в болоте.

Возможно, Шмыгалка и пробила бы щиты мрака своими мощными маголодиями, однако Дафне это не по зубам. Она и пытаться не стала, чтобы не выдать себя. Пуфса погрузили в бронированный лимузин и куда-то увезли.

Дафна не стала медлить и телепортировалась к Эссиорху. Хранитель занимался самым мужественным делом на земле: сам себе пришивал пуговицу. Улита бродила вокруг него, как кошка у придушенной мыши, и любовалась.

— Ты у меня красавчик! — воскликнула она, когда Дафна не совсем еще появилась в

комнате.

Хранитель дернулся, созерцая иглу, торчащую у Него из пальца.

— Чтоб я этого больше не слышал!

— Почему? Разве мужчине не надо говорить приятное хотя бы раз в неделю? Иначе он зачахнет!

— Лучше уж зачахнуть. Если меня часто хвалить, я стану комилиментозависимым. Как состарившийся актер, ловящий за штаны убегающих знакомых, чтобы услышать, как они любят его фильмы.

Даф окончательно проявилась, и так удачно, что ее левая нога застряла в обрешетке спинки стула. К счастью, нога оказалась прочнее: треснула обрешетка.

— Хороший был стул! Корнелий купил его у старушки в Измайлово вместе с выбивалкой для ковров и шахматами, — вздохнул Эссиорх.

Даф доломала стул и с торжеством оглядела освобожденную ногу.

— Сегодня вечером Пуфс будет на Кузнецком. Туда же вызвали и Хныка с Тухломоном! — сообщила она.

— Кузнецкий Мост — большой. Кстати, моста там как раз и нет. Я, во всяком случае, его не помню, — рассеянно ответил хранитель.

— Я знаю где, — внезапно сказала Улита.

— Что? Мост? — удивился Эссиорх.

— Нет. Промежуточная база мрака... Я слышала о ней однажды. Арей ее не любил. Идем скорее!.. Или лучше поехали: телепортацию они сразу засекут! — стала распоряжаться бывшая секретарша мрака.

Эссиорх послушно взял мотоциклетный шлем и кинул другой, запасной, Улите.

— А тебе придется лететь! Мотоцикл у меня без коляски, — сказал он Дафне.

Та, помедлив, кивнула, со страхом думая, что ей предстоит увидеть свои крылья.

— Хорошо, вы идите... а я это... с крыши... Эссиорх удивленно оглянулся с порога.

— С каких это пор стражу света, чтобы взлететь, нужна крыша?

— Ну хорошо... тогда с балкона! — Дафна поспешно вытолкала их из квартиры, сама же метнулась на захламленный балкон.

Эссиорх, как многие художники, неудавшиеся работы жалел за вложенный в них труд. Не выбрасывал, а хранил на балконе, где дождь постепенно смывал с холстов гениальность. Улита же, хотя и наводила иногда порядок, но хватало ее только на помыть две-три чашки и вытереть пыль с подоконника.

Спотыкаясь о холсты и ненужные части мотоцикла, Дафна забралась на перила. Пальцы скользнули по шнуру. Нашарили бронзовые крылья.

— Сейчас узнаем, кто тут разучился летать! — буркнула она, вспоминая Шмыгалку.

Шагнув с перил, Дафна коснулась небольшого отверстия между бронзовыми крыльями и ощутила толчок. Маховые перья материализовавшихся крыльев спружинили о воздух. Дафна сделала красивое и мощное, как ей показалось, движение, которое должно было пронести ее над самой землей и взметнуть в небо, но привело оно лишь к тому, что она носом проехала по траве. Нет, она не ушиблась. Эссиорх жил невысоко. Это получился больше щелчок по самолюбию. Конечно, маневр с резким взлетом был уровнем повыше среднего, но в эдемский свой период Дафна проделывала и не такое.

Дафна торопливо вскочила, пока Эссиорх и Улита не вышли из подъезда, и снова взлетела, на этот раз без выкрутасов. Так и кружила над домом, дожидаясь, пока Эссиорх заведет мотоцикл.

Да, права была Шмыгалка, утверждая, что в Эдем через главные ворота ей лучше не соваться.

* * *

За столетия существования литературы чего только не описывалось в книгах! И утро молодого помещика, и бессонные ночи скряги над сундуком с золотом, и суровый быт солдата, и метания влюбленной барышни. Одного не знали повести и романы: встречи

комиссионера с суккубом на метро «Спортивная».

Тухломон обнаружил Хныка, как только выскочил из автобуса, где, прикинувшись контролером, пытался выцыганить у безбилетника эйдос. Суккуб Хнык, хорошенький как никогда, переминался с ножки на ножку у киоска «Изготовление ключей».

К нему клеились два молодых человека в белоснежных рубашках, с ремнями сумок через плечо. Настолько аккуратных, что можно было предположить, как перед выходом в город начальство тщательно проверяет им уши, воротнички, манжеты и степень блеска ботинок. Не прошедший контроль на маршрут не допускается.

Первый, высокий и напористый, выполнял роль тяжелой артиллерии, используя вместо снарядов чугунные болванки раскатистых слов. Другой, помладше, робко улыбался и создавал массовость.

Тухломон мгновенно отодвинул Хныка плечом и просунулся вперед.

— Чем торгуем? Картофелечистки? Беспроигрышная лотерея?

Молодые люди переглянулись и моментально взяли Хныка в оборот.

— Хотите обрести уверенность в завтрашнем дне? — спросил старший. Младший закивал.

Тухломоша, всмотревшись аккуратистам в грудь и обнаружив годные эйдосы, оживился, засмутился, покраснел и вызвался обрести уверенность уже в сегодняшнем.

— А от эйдосов отречетесь? Считалочку скажете? Это моя маленькая причуда! — сказал он скороговоркой.

«Белоснежные рубашки» удивленно переглянулись.

— Да запросто! Приходите к нам завтра! «Дом агронома», шесть вечера!

Тухломоша извлек записную книжечку и отметил время.

— Можете прямо сейчас ставить чайник! А вас там много?

— Хватает! — усмехаясь, подтвердил молодой человек. Суевающийся старикашка казался ему забавным.

— И все такие же умненькие? Ах-ах-ах! Счастье-то какое! — Тухломоша зарумянился.

Хнык, прочно отодвинутый на второй план, не выдержал такой наглости.

— Нтя, пуся мои кареглазая! Назад сдал, пройдоха! Куда к чужой добыче лезешь? — завизжал он, подпрыгивая и прищелкивая ножками.

Хитрый Тухломоша вопить не стал и придал своему послушному пластилиновому лицу выражение интеллигентного негодования.

— Вы меня удивляете! Эти движения, этот тон! — сказал он с видом манерного учителя танцев, которому сообщили, что его берут в заложники. — Вы слышали, юноши, этот субъект назвал вас добычей!

«Белые рубашки» засмеялись.

— Лечись, дядя, мы вызовем тебе «Скорую»! Однако Хнык лечиться не пожелал.

— Уйди, фука противная, или я на тебя наплюю! — заверещал он и, выполняя угрозу, стал заплевывать Тухломона по навесной траектории через головы молодых людей. Тот, пританцовывая, ускользал и показывал язык.

На асфальте, куда падала слюна, образовывались кислотные крапины. «Белые рубашки» смутились.

— Может, не надо? — спросил старший.

— НАДО, Вася, надо! Ворье проклятое! Хай вин подавится моим завтрашним днем! — с необыкновенной ядовитостью выкрикнул Хнык и, схватив за рукав высокого аккуратиста, потянул его к себе. — Не отдам, и все тут! Мой пупсик!

— Нет, мой! — Тухломон схватил его за другой рукав. Затрещала рубашка. Молодой человек попытался вырваться — да куда там! Суккубы и комиссионеры слабы, только когда им это выгодно.

Толкаясь головами и шипя, они перетягивали несчастного юношу по всей площадке, как вдруг Тухломон, почти одержавший верх, неожиданно перестал бороться и уронил оторванный рукав.

Хнык решил, что враг сдался. Он издал торжествующий вопль, но, посмотрев туда же, куда и Тухломон, застыл по стойке «смирно». У киоска «Изготовление ключей» стоял странный человек. Он был сух, длинен и походил на скелет селедки, который заправили через ворот в синий спортивный костюм.

— Следуйте за мной, расходный материал! — приказал он наждачным голосом и, повернувшись, пошел прочь. Казалось, он почти тащится, но каждый шаг странным образом перемещал его на несколько метров.

Тухломон и Хнык посерели и обреченно, как расшалившиеся школьники, повлеклись за ним. Это был страж второго ранга Вольгенглюк, сыскной пристав мрака по розыску суккубов и комиссионеров. Грозный старый Вольгенглюк, от которого ни один комиссионер не спрятался бы, даже стань он песчинкой на Марсе.

Подволакивая ноги, Тухломон пытался вспомнить, чем он провинился. Эйдосы сдает по норме, конечно, кое-что зажиливает, но это еще надо доказать. Внезапно он вспомнил, что недавно, в частной беседе, увлекшись, назвал Пуфса «пупсом». А вдруг тому донесли? Спину Тухломона залил пластилиновый пот. Он совсем размяк и завалился на Хныка, находившегося в таком же состоянии.

Вольгенглюк оглянулся. Ему известен был ужас, который испытывают суккубы и комиссионеры, когда его видят. Приблизился, небрежно перекинул обоих через плечо и продолжил путь. Тухломон и Хнык болтались, как два пустых костюма. Руки провисали до земли, цепляя асфальт. Едва живые от страха, они ухитрились переругиваться.

— Ах ты, суккубочка! Ну и несет от тебя! — сказал Тухломон.

— От бяки и слышу! Хлам! Тухлый Моша! Поцелуй меня в щечку! — пискляво отозвался Хнык.

* * *

Неблизкий путь от «Спортивной» до «Кузнецкого Моста» Вольгенглюк прошаркал за пять минут. Переулки он проскакивал, улочки промахивал, проспекты перешагивал, и все с обычной своей ленцой и вялостью.

Хнык и Тухломоша поначалу переругивались, а потом заключили перемирие и стали подавать друг другу знаки. Тухломоша показал на асфальт и сделал рукой движение, будто закручивал лампочку. В ответ Хнык двумя пальчиками изобразил «топ-топ», и оба гадика согласно закивали.

Этот немой телеграф означал: если бы Вольгенглюку велели доставить нас в Тартар, он давно бы это сделал. А раз куда-то несет, значит, жить покуда можно.

Наконец Вольгенглюк очутился на Кузнецком. У дверей подвального кафе он остановился и сбросил Тухломоша с Хныком на асфальт. Тухломоша с Хныком вскочили на ножки.

Дверь у кафе была современная, кокетливая, с железными цветочками и вставками из пластика, но опытных гадиков это не обмануло. Они сразу почувствовали, что место со скверной историей. Когда-то боярский сын Мишка Тыртов замуровал здесь заживо стрелецкого сотника, своего приятеля и собутыльника. Пока холопы клали камень, сотник гремел цепями и плакал, а Мишка Тыртов сидел на ступеньках и нехорошо ухмылялся. Глаза у него были мутные с перепоем, а щека разодрана ногтями. При Александре II в подвале помещалась печатня, подделывающая ассигнации, затем притон и воровская «малина».

— Я тут много раз был, — задумчиво сказал Тухломон.

— А я по всей Москве много раз был! Понял, нюня моя? Не хвастай! — запищал Хнык, не желавший оставаться в тени собрата.

Тухломон потянул дверь. Из подвала тянуло ощутимой сыростью.

— Проходите вперед, уважаемый! — галантно изогнувшись, предложил комиссионер.

— Сам уважаемый! Сам проходи! — огрызнулся Хнык, пытаясь столкнуть Тухломоша вниз.

После короткой, ничем не закончившейся потасовки они стали спускаться по бесконечной каменной лестнице. Вместе, нога в ногу.

— Левой! Левой! Раз-два-три... — командовал Тухломон.

— Не хитри, фука! Ты ждешь, пока я ногу поставлю! — пищал Хнык.

Внизу была еще одна дверь. К ее косяку прислонился незнакомый страж мрака и лениво крутил за цепь свой дарх. Заметив, что дарх чутко потянулся острым носиком к зажатенным эйдосам, Тухломон и Хнык как зайчики прошмыгнули мимо.

За круглым столиком сидел Зигги Пуфс.

— До меня дошли слухи, что некоторые слуги мрака хранят у себя артефакты, которые должны храниться в Тартаре. Что вы об этом думаете? — ровным голосом спросил Пуфс, мешая ложечкой чай.

— Негодяи! — с надрывом сказал Тухломон.

— Осмелюсь не согласиться с вами, коллега: мерзавцы! — поправил Хнык.

Пуфс достал из чая ложечку. С ложечки капало. Начальник русского отдела долго и грустно смотрел на нее.

— И что мы сделаем с этими негодяями? — поинтересовался он.

— Не смею обсуждать вопросы, которые лежат вне пределов моей компетенции! — улизнул Тухломон.

— Я очень слабенький. У меня такие тоненькие ручки! Я могу только наплевать этой фуке в глаза! — плаксиво сказал Хнык.

Пуфс опустил глазки в чашку. Чай скис, превратился в пар и улизнул из чашки.

— Культурная часть беседы закончена. Начинается бескультурная! — сказал он и постучал ложечкой по столешнице. — Вольг!..

Из стены вышагнул Вольгенглюк. Поверх синего костюма у него был кожаный фартук палача. В руках щипцы. Тухломон с Хныком повисли друг на друге.

— Вольг!.. Мне сообщили, что некие суккуб и комиссионер осмеливаются собирать артефакты. Не сомневаюсь, что они расплачиваются ворованными эйдосами. Едва ли в лавках на Лысой Горе принимают наличные деньги. Некоторое время назад один из них приобрел артефакт, имеющий значительную ценность для мрака!

Вольгенглюк щелкнул щипцами.

— Будем искать! — пообещал он. Бесконечно длинная, тощая, как лапка кузнечика, рука сгребла Тухломона за ворот.

— У меня ничего нет! — заголосил тот и для убедительности поклялся мамой Хныка.

Вольгенглюк хорошо знал свое дело. Он быстро протянул другую руку и щипцами ухватил суккуба за простроченный нос.

— У меня тоже нету ножен! Я их не брал, нюня моя! — гнусаво из-за сдавленного носа сказал Хнык и в ту же секунду понял, что совершил роковую ошибку. Но было уже поздно.

— Откуда ты знаешь, что мы ищем ножны? — нежно спросил Вольгенглюк, проворачивая щипцы на треть оборота. Голова Хныка провернулась с ними вместе.

— Ай! Мой нос! Я зашивал его целый день! Я... Я слышал... догадался... В городе ходят слухи...

Отбросив Тухломона, Вольгенглюк перекинул Хныка через плечо и пошел к лестнице, спустив щипцы в карман.

— Составь мне компанию, расходный материал!.. Подождите нас немного, господа! Мы скоро вернемся с ножнами!

— Я хотел как лучше... Клянусь, я нашел их на улице... Нес сдавать в канцелярию, а она была закрыта... Только не в Тартар! Я собирал коллекцию, чтобы подарить ее на юбилей дорогому Лигулу... самому мудрому... а-а!.. самому ужасному!.. а-а!

Когда Вольгенглюк ушел, Тухломоша ощутил прилив отваги. Он без приглашения присел на краешек стула напротив Пуфса и, качая головой, произнес:

— Ай-ай-ай! Какой оказался бесчестный суккуб этот Хнык! Я возмущен до глубины души!

Пуфс зевнул. Старческие клыки на младенческом лице выглядели ужасно.

— Только вот что мне подумалось, — поднимая глазки, продолжал Тухломон. — Он

же собрал много артефактов?.. Не случится ли так, что уважаемый Вольгенглюк... Нет, вы не подумайте, что я подвергаю сомнению его честность, но если мы не знаем, сколько было артефактов, как мы убедимся, что они все на месте? Понятно, что Хныка он казнит, чтобы не оставлять свидетеля.

Пуфс поднял голову и посмотрел на Тухломона тусклыми глазами.

— Сгинь! — приказал он и щелчком пальцев позвал младших стражей. — Альк! Шониг! Проводите Вольгенглюка!.. Поможете ему принести артефакты! Если Хнык умрет, вы мне ответите оба!

Младшие стражи, стоявшие в тени за его спиной, торопливо метнулись к выходу, но выйти из подвала не успели. Навстречу им по лестнице что-то прокатилось. В подвал влетел Вольгенглюк. Правая рука у него была сломана. Нос вмят.

— Проклятье! На меня напали! Отбили Хныка! — прохрипел он.

Пуфс подозрительно уставился на него, взвешивая, не подстроил ли Вольгенглюк это нападение. Да нет, не похоже.

— Ты кого-то узнал?

— Улиту! Секретаршу Арея! И светлую, которая служила у Арея!

— Дафну? Это она тебя так? — усомнился Пуфс.

— Нет. С ней был здоровенный хранитель. Он работает голыми руками. Думаю, из Хрустальных Сфер. Я не успел достать меч!

* * *

К моменту, когда охрана Пуфса вырвалась наружу, трескучий мотоцикл давно скрылся в проулках, унося с собой похитителей. Хнык, перекинутый через седло, голосил как украденная невеста. Улита заботливо заправила ему в рот захваченный с собой носок.

— Это Корнелия! Он их реже меняет! — пояснила она.

Дафна, которой места на мотоцикле не нашлось, улетела на своих крыльях. Сделала круг над центром и, разохотившись, отправилась к огромным башням у «Киевской» — кататься в восходящих потоках воздуха.

Она была на уровне крыш, когда ей позвонил Буслаев. Телефон, настроенный на его номер, забубнил: «Это Меф, это Меф, это Меф!» Дотянуться до рюкзака Дафна не смогла: он болтался за спиной между крыльями. С трудом Дафна извернулась в воздухе и, едва не протаранив прозрачную стену небоскреба, все-таки достала мобильник.

Вместе с телефоном из рюкзака непрощено вытряхнулся Депресняк и сразу, не растерявшись, атаковал ворону. Полетели перья. Дафна схватила шипящего кота одной рукой, ворону другой, а флейту прижала подбородком к груди. Телефон оказался явно лишним. Он выскользнул и стал падать. Дафна нагнала его в отчаянном пике и подхватила на уровне пятого этажа.

— Почему ты так долго не снимала? — недовольно спросил Меф.

— Прости, пожалуйста! — едва отдышавшись, сказала Дафна. Сказался урок Шмыгалки: виноват ты или нет — лучше попроси прощения.

— Ну ладно! В другой раз не копайся так долго! Я же за тебя волнуюсь! — сказал Меф великодушно.

— Прости!

— Да ладно, простил уже... А мы сегодня крыс резали! Кстати, опыты ставят только на крысах-парнях. Никакого равенства полов... Короче, я освободился! Пойдем куда-нибудь!

Они встретились на «Баррикадной». Баррикады там отсутствуют, зато места красивые. Правда, усилившийся ветер превращал свидание из простого в экстремально-романтическое.

Меф, захлебываясь, рассказывал о преподавателях. О биологе с фамилией Накричун — тишайшем человеке, который говорит всегда шепотом. Зато любит, чтобы все его слова повторяли буквально. Например, он говорил: «Углерод — основа основ органики». А отличник на зачете говорил: «Углерод — основа органики». «Я говорил не «основа», а «основа основ»! — шепчет Накричун и отправляет на пересдачу.

— Купи мне чего-нибудь! — попросила проголодавшаяся Дафна.

Меф удивленно посмотрел на нее:

— Покупать — мелко. Покупают низкие душонки. Я буду тебе все дарить! Ты как, не против?

Дафна осторожно согласилась.

— Хочешь: я подарю тебе это дерево?.. Отныне оно твое! Приходи к нему, когда захочешь, и говори: это мое дерево, мне подарил его Мефодий! Хотя что дерево? Вот зоопарк! Он тоже твой — я тебе его подарил! И площадь твоя! И так и быть: вон та звезда тоже! Чего она вылезла так рано? А ну погасить! — Меф вдохновенно забежал вперед и принялся одаривать Дафну всем, что видел.

Дафна улыбнулась. Она уже поняла, что шоколадки ей сегодня не дожждаться. И завтра, пожалуй, тоже. Меф был бедный студент и дарить мог только зоопарки и звезды.

Они замерзли и, увидев метров за триста автобус, помчались его догонять, надеясь, что его задержат светофоры. Дафна бежала с грациозной неуклюжестью девушки, которая и на бегу хочет нравиться. Меф намного ее опередил. Он неся как комета, полный рвения поймать автобус за выхлопную трубу.

Они вернулись в общежитие. Меф засадил Дафну переделывать скачанный из Интернета реферат по философии. В университете считали, что философствовать должны все, включая химиков и биологов.

— Ты, главное, упрощай его в глупую сторону, чтобы было похоже, что я сам писал... Можешь ошибок наляпать! И слова, слова меняй! Ну там «великий» на «знаменитый» или «талантливый» на «выдающийся». И из других докладов абзацев подергай. У нас доцент тоже умеет поисковиком пользоваться, — напутствовал он ее.

— У меня перья потемнеют! — сказала Дафна.

— Ну пожалуйста! Ты же меня любишь? — Когда было нужно, Меф умел быть убедительным.

Дафна, вздохнув, села за компьютер. Примерно полстраницы она терпеливо заменяла «родился» на «появился на свет» и «получил образование» на «учился», но потом ей все это наскучило, и она, увлекшись, написала свой собственный реферат по философским системам Платона и Аристотеля.

Пока она печатала, Меф смотрел в окно. Озеленители переговаривались гортанными голосами, слышными за квартал. Встречая знакомых, мужчины дружелюбно обнимались с ними, целовали и похлопывали по *плечу*. Если кого-то одного из своих кто-нибудь задевал, другие бросались кучей и буквально втирали обидчика в асфальт. Потом разбегались, и невозможно было отыскать крайнего. Как это непохоже на слабые рукопожатия и вялое «как ты?», которым обменивались его знакомые университетские «выюноши», и на ту трусоватость во взаимопомощи, которую проявлял почти каждый.

«Я-то, конечно, интернационалист, но вот интернационалисты ли они?» — озабоченно подумал Меф.

Он вернулся на кухню и сделал двести отжиманий. Потом стал бродить по комнате и вставлять в каждый прибор его зарядник. Меф обожал заряжать телефоны, плееры и все прочее, что имеет батарею. Он смотрел, как пульсирует столбик заряда, и чувствовал, что вот — они наливаются силой, становятся лучше, совершеннее. Точно так и человек, когда следит за собой. Каждый день мы или заряжаемся, или разряжаемся. И он сделал еще пятьдесят отжиманий.

На реферат у Дафны ушло около часа. Правда, клавиатура почти дымилась. Когда принтер перестал выплевывать горячие страницы, Меф пролистал доклад. Дафна с беспокойством смотрела на него. В ее пальцах остывали муки творчества. Меф пролистал доклад наискось.

— Добро... вечные ценности... вечно ты в своем репертуаре... скажут еще, что я религиозный фанатик! — сказал Меф ворчливо. — Я же просил ошибок побольше ляпать!

— Прости, пожалуйста! — сказала Дафна и сама себе поставила мысленный плюсики. За терпение.

Она давно уже ничему не учила Мефа, раз и навсегда поняв, что никого и ничему научить нельзя. Максимум объяснить, что не стоит засовывать два пальца в розетку. Может, и поверят, но и то не раньше чем попробуют согнутой скрепкой. Да и вообще отвечать на вопрос, пока он не задан — полная бессмыслица.

Даф поймала на себе веселый взгляд Мефа. Буслаев стоял рядом и, как в подзорную трубу, разглядывал ее в свернутый трубкой доклад.

— Как ты ухитришься на меня не сердиться? — спросил он.

Даф улыбнулась, пряча глаза.

— У меня есть секрет. Я проговариваю свой гнев полными предложениями. Например: «мне хочется разорвать Мефа в клочья, потому что мне кажется, что только я одна поступаю правильно».

Меф внимательно слушал. Дафна решила, что он принял ее совет к сведению, и восторжествовала. Наконец-то хоть одно ее увещание пробило кожу этого толстокожего бизона!

— Ну что, понравилось? Хочешь сам попытаться? — жизнерадостно предложила она.

— Угу, — кивнул Меф.

— Ну так попробуй!

Меф шагнул к ней и, оказавшись рядом, уставился на потолок, нашаривая слова. Даф с волнением ждала, пока Меф разродится полным предложением. И Буслаев это сделал.

— Я злюсь на Дафну за то... что мне хочется ее поцеловать, а она все время болтает, и у меня не получается этого сделать, — сказал он.

Ночью Дафне позвонил Эссиорх. По обычному телефону.

— Ну как? Нашли ножны? — спросила Дафна.

— Нет пока.

— Хнык не говорит?

— Хнык говорит так много, что мы не можем его заткнуть. Мне приходится сдерживать Улитку: она едва не разорвала его в клочья, — болезненным голосом пожаловался Эссиорх.

На заднем плане Дафна слышала сюсюкающее бормотанье. Хнык вгонял в краску Корнелия, уточняя, какие девушки ему нравятся. Потом окончательно обнаглел и стал превращаться в Варвару. На него кричали, его трясли, но, кроме знаменитого «хюхюканья», никакой информации Хнык не выдавал.

— Нужен джинн, — сказал Эссиорх.

Глава 12. Меч для левой руки

Когда человек получает дар, он чаще всего получает и противовес. Физические недостатки, болезни, некрасивость, одиночество — много чего еще. Без этого противовеса человек мог бы не донести свой дар: бросить, разбить, перешагнуть через него, надругаться над ним.

Эссиорх

Пару раз в неделю Меф бегал «психоделический галоп с элементами паркура» (с Даф). Точного расстояния он не знал, но подозревал, что километров пять-шесть. Бежал вдоль улиц, и плевать на смог — парки с ровными дорожками были ему скучны. Перемахивал заборы, заскакивал на строительные вагончики, забирался на пожарные лестницы, кувыркался между припаркованными машинами, запрыгивал в кузов притормозившего грузовика и покидал его на следующем перекрестке. Пару раз за ним гнались вопящие личности с монтировками и лопатами. Собаки раздирали штаны. Но это уже частности.

Если грузовиков и вагончиков не попадалось, Меф ставил эксперименты. Например, засовывал в почтовый ящик осенний лист с написанным на нем маркером адресом Дафны. Создавал загадку для почтальонов. Кстати, один раз его письмо дошло. Девушка на почте

проявила участие, наклеила марку и поставила штамп.

В то утро он тоже побежал было кросс, но что-то заставило остановиться. Душу грызла неясная тревога, как бывало в минуты близкой опасности. Меф приготовил меч, но сражаться было не с кем, разве только с дворником, который гонялся за листьями с мудреным воздуходувом.

Меф вернулся, стал готовить завтрак. Тянуться за хлебом было лень, хотя булка находилась от него в полутора метрах. Он метнул нож, а потом за его ручку притянул к себе хлеб.

Дафна насмешливо наблюдала за ним.

— Знаешь, есть такой дурацкий тест у школьных психологов. Попросить ребенка нарисовать воображаемое животное, которого не существует в природе. Если ребенок зажат и агрессивен, у его животного будет много всяких клыков. Мошкин нарисовал лошадь с когтями, рогами и зубцами на спине, как у крокодила. Мелкую такую лошадку в нижнем левом углу.

— А я какую-то бронтозюбру, — вспомнил Меф.

— Сильно рогатую?

— Неа. Но зубастую и с крыльями. И на весь лист. А что надо рисовать, чтобы от тебя отстали?

— Думаю, улыбающегося колобка в центре листа. И на все вопросы тупо отвечать: колобок готов к сотрудничеству и обучению, всех любит и больше не ест дурковатых психологов, — улыбаясь, ответила Даф.

Меф подошел к окну, за которым ему померещилось движение. Никого. Все, пора лечиться. Или рисовать бронтозюбру с кучей глаз на спине и множеством ресничек. И желательно, чтобы плевалась отравленными иглами.

До самого университета Мефа преследовало ощущение, что за ним следят. Пытаясь от него избавиться, он дважды крутанулся на эскалаторе в метро, а после, уже наверху, запрыгнул в ненужную ему маршрутку. Маршрутка сразу отъехала, но ощущение слежки не исчезло. Меф посмеялся над собой. Он знал: если за ним следит мрак, то любая муха или сидящая у него на воротае пылинка может оказаться шпионом. Не отмахиваться же мечом от всякого комара.

Он попросил водителя остановиться, выпрыгнул из маршрутки и бегом понесся в университет. На семинарское занятие по английскому, неожиданно вклинившееся вместо общей лекции, все равно опоздал.

Преподавательница — простуженная и сама от себя уставшая — сказала, строго постукивая карандашиком по столу:

— Я, конечно, понимаю, Буслаев, что вы у нас биолог (тук!), самосчитаемое дарование, так сказать (тук!), но посещение занятий по английскому языку (тук!) является обязательным!

Карандашик был уже занесен для очередного «тука!», но он так и не состоялся, потому что там, где только что находилась голова Мефа, в двери торчало копьё. Копьё прилетело через окно: в стекле была круглая, размером с большое блюдо дыра.

Преподавательница оцепенела. Она сделала вдох, но не смогла сделать выдох. Лицо ее медленно меняло цвета.

— Девятый этаж! — прохрипел кто-то. Меф, успевший откатиться к стене, встал.

— Простите! Я на минутку! — извинился он и, выскочив в коридор, помчался к лифту.

Под окнами на асфальтовом пяточке, задрав голову, стояла очень сердитая Таамаг. С Мефом она разговаривать не стала и повернулась к нему спиной.

— Тома хочет знать: ты вручил Багрову кувшин? — перевел ее оруженосец.

— Да вы мне только вчера вечером его вернули!

Спина Таамаг стала каменной. Подъехавшая машина посигналила, чтобы она отошла. Таамаг медленно повернулась, и машина предпочла сама ее объехать.

— Лучше сделай это прямо сейчас! — пользуясь заминкой, шепнул оруженосец. —

Джинн должен найти *твои* ножны!

— Раз мои — я потерплю. Орать-то зачем? — буркнул Меф, хотя Таамаг не то что не орала, даже лицом к нему не поворачивалась.

— Тома считает: ты косвенно виноват в том, что случилось с одиночкой. Это ведь для тебя все было нужно. А ты даже не чешешься! Вроде как все напрасно... — На Мефа оруженосец смотрел с сожалением.

Кровь бросилась Мефу в голову. Есть вещи самые страшные, самые болезненные, о которых не говорят. Они и так вечно висят над нами, как секира. Оттолкнув оруженосца, он шагнул к Таамаг, но сдержался и остановился.

— Э-э... Просто для ясности! Вы следили за мной сегодня? — спросил он, не узнавая своего голоса.

Таамаг обернулась к нему так же, как до этого на автомобиль.

Меф кивнул и пошел к метро. Ветер подталкивал его в рюкзак. И снова ему чудилось, будто за ним кто-то идет. Мефу это надоело. Или у него мания преследования, или... Он остановился у калитки и стал ждать. Рано или поздно *они* поймут, что он знает об *их* присутствии, и им надоест.

Так и случилось. Из воздуха не то соткались, не то вышагнули из-за массивной университетской ограды два стража мрака. Первый — гибкий, как комиссионер, скользко улыбчивый, чем-то похожий на помешанного на Тибете продавца лосьонов и бижутерии. Улита называла таких «крьІсавчик». «Канцелярист» — сразу определил Меф. Его спутник был приземист, с подчеркнуто отсутствующим лицом и опаленными бровями. В разговор не вмешивался, и вообще казалось, что Мефа он не замечает. Оружия у него в руках не было. Только тросточка белого цвета, с которой ходят слепцы. Меф, достаточно знавший о мороках, прищурился и определил, что это меч-двуручник с волнистым лезвием.

— Ну? — спросил Меф, держа обоих в поле зрения. Стражи мрака не приходят просто так.

— Тебя хочет видеть начальник русского отдела! — вымотав Мефа долгой паузой, сообщил канцелярист.

— Арей? — поддразнил его Меф. Гибкий страж вспыхнул.

— Пуфс! Садись в машину!

На дороге Меф увидел серый неприметный автомобиль. Интересно, угнан ли он или, как с автомобилями Мамае, стоит поискать залепленную скотчем пулевую дырочку?

Буслаев заметил, что тартарианец с опаленными бровями занял выгодную позицию слева от него. Тросточку он держал опущенной к правой ноге. Значит, сближаясь, вероятнее всего, атакует уколом.

На то, чтобы повернуться к нему, у Мефа уйдет треть секунды. Примерно столько же, чтобы материализовать собственный клинок. К этому времени меч с волнистым лезвием успеет засесть у него в грудной клетке. Меф пожалел, что не избавился от рюкзака. Он будет стеснять движения.

— Может, я лучше телепортирую? В городе жуткие пробки. Не хотелось бы вас затруднять, — делая полшага назад, предложил он. Перемещаясь, он мог оказаться где угодно. Стражи мрака увидят золотую вспышку, а где он окажется — откуда им знать.

Но, увы, канцеляристы редко бывают дураками.

— Нам несложно подбросить. Все равно по пути, — сказал бородатый. Его спутник придвинулся еще сантиметров на тридцать. Самих шагов Меф при этом не замечал. Исключительная легкость стопы. Буслаев угадывал хорошего бойца.

Канцелярист неосторожно шагнул к нему, на секунду отгородив Мефа от своего спутника. Ученик Арея не мог не воспользоваться таким шансом. Локоть Мефа врезался ему в челюсть, продолжая удар кулаком, случившийся на одну десятую секунды раньше. Стража мрака локтем не вырубить, но это если с изнанки куртки не выткана усиливающая руна. Дафна же всегда вышивала очень старательно. Все пять рубашек Мефа, три свитера и две куртки были подготовлены соответствующим образом.

Канцелярист еще не рухнул, а страж с волнистым мечом уже забежал сбоку. Кажется, он не был даже особенно обескуражен тем, что потерял преимущество. В новой ситуации колющего удара он наносить не стал, а сразу нанес рубящий в голову.

Меч Мефодия еще не был материализован. Поэтому Меф ушел от удара резким поворотом в бедрах и наклоном корпуса. Голову он сберег, а о рюкзаке забыл. Волнистое лезвие хлестнуло с силой. От толчка Меф потерял равновесие, упал и перекатился. Тартарианец перехватил свой клинок и, явно позабыв о том, что Пуфс велел привести Мефа живым, стал наносить удары сверху вниз.

Буслаев был ошеломлен скоростью, с которой все происходило. Приземистый тартарианец работал мечом, как швейная машинка. Он не колол Мефа, а буквально пристрачивал его к земле. Первый удар Меф отклонил, второй и третий тоже, зато четвертый пришелся Мефу точно в грудь. На глаза стала наползать чернота. Наудачу он ударил своим клинком, пытаясь подсечь нападающему ноги. Уже проваливаясь в черноту с багровыми краями, Меф почувствовал, как сверху на него что-то рухнуло.

Очнулся он через несколько минут. Рядом Меф увидел двух златокрылых. Один был Анний, другой страж третьего ранга Арлон. Анний только что разбил дарх и, держа сосульку зазубриной кинжала, пересыпал эйдосы в контейнер от фотопленки. Разумеется, у света существовал и штатный контейнер для отвоеванных эйдосов, но его считали неудобным и с собой не носили.

Рядом Арлон и Анний выглядели как веселый Пьеро и грустный Арлекин. Арлекином был Арлон.

— А где этот? Я что, подрубил ему ногу? — спросил Меф.

Арлон посмотрел на свою флейту. Одновременно Буслаев заметил, что листья на газоне лежат вытянутой кучей, точно ими что-то спешно закидано.

— Ну я бы не сказал, что ты что-нибудь особенно подрубил... — ответил Арлон.

Вспомнив об ударе в грудь, Меф торопливо вскинул руку. Провел по свитеру. Свитер был честно пробит на уровне сердца, однако никаких следов раны он не обнаружил. Ничего себе щит!

— Сильно не радуйся! Он долбил тебя как дятел. Еще бы секунд двадцать... — И Арлон провел глазами снизу вверх, показывая, куда отправился бы Меф через двадцать секунд. Анний, настроенный более критично, покачал головой и провел глазами сверху вниз.

Вспомнив о рюкзаке, Меф сбросил его. Меч ударил между рюкзаком и лямкой, надрубив капюшон. Меф не стал открывать «молнию» и сунул внутрь руку прямо через прорез.

Пострадала пара тетрадей и толстая библиотечная книга по органической химии. Меч с волнистым лезвием рассек ее до середины и остановился на портрете Менделеева, не решившись посягнуть на знаменитость. Решив, что относительно дешево отделался, Меф хотел вытащить руку, но тут пальцы его нащупали что-то металлическое, округлое.

— А это что за железку я с собой таскаю? — пробормотал Меф.

На ладони у него лежало горлышко. Бронзовый кувшин принял на себя удар первым, даже раньше отважного химика. Длинное горлышко было срезано очень ровно, примерно на полпальца от сургучной пробки.

Тихо ругаясь, Меф дернул «молнию» и высыпал содержимое рюкзака на траву. Схватил кувшин и стал поспешно затыкать листвой. Кувшин почти не пострадал. И надо же было ухитриться так попасть!

Аиний с Арлоном наблюдали за его действиями с вежливой вопросительностью. Анний даже протянул ему один кленовый лист, взяв его двумя пальцами. Поняв, что занимается ерундой, Меф остановился. До него запоздало дошло, что кувшин пуст. Все же на всякий случай он заглянул внутрь, но увидел только черноту.

— Может, он окочурился? — спросил он.

— Кто? — не понял Арлон.

— Джинн!

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы джинн окочурился? — серьезно спросил Арлон у Анния.

— Нет. Джинн может выдохнуться, рассеяться, но не окочуриться. А уж те, что в кувшине, только злее становятся, проверено, — авторитетно ответил Анний.

— Нет, позволь! — упрямо возразил Арлон. — А тот, в четыреста шестом году? Помнишь, нас отправили на прочесывание, и Фенгюс попал в него маголодией?

— Ты забыл, что маголодия была для стражей мрака! Джинн притворился рассеявшимся, а потом убил семь тысяч триста солдат персидского войска... Но мы догадались применить замораживающую маголодию и заточили его в шельфовой трещине.

Меф размахнулся и забросил пустой кувшин в кустарник.

— Ну тогда поздравьте нас всех! Где-то здесь бродит сумасшедший джинн, которого я должен был отдать некромагу! Не пойму, почему он меня не убил! Не растер в порошок? Не мумифицировал?

Арлон и Анний разом взглянули на свои флейты. Меф понял, что с двумя златокрылыми джинн бы связываться не стал. Златокрылые джинну не по зубам.

— А вот горшочек лучше подними... Джинны питают слабость к своим старым горшочкам и часто к ним возвращаются! — посоветовал Арлон.

— Хотите сказать, он еще вернется? И как его остановить?

Меф был не то чтобы напуган — заботила его только неуклонно приближающаяся битва с Ареем, — но все же озабочен.

— Когда-то существовали специальные джиннобойные дивизии, — вздохнул Анний. — Помнится, я начинал в одной такой... Жуткая работа: прочесываешь болота, горы, бурелом, и все под дождем, под снегом, ночью, а эта дрянь сидит где-нибудь в теплой норке и записывает на пупке свои обидки. Кто когда наступил ему на мизинец левой ноги. Поймаешь его и ничего ему сделать не можешь. Толкаешь его в горшок, а он шипит и обещает отомстить тебе лет через четыреста, когда тара все же треснет.

— Так что делать? — нетерпеливо спросил Меф. Арлон с Аннием отошли для краткого совещания.

Меф видел, как мечтатель Арлон кивает на ближайшую тучку, а трезвомыслящий Анний крутит у виска пальцем и показывает на крышу главного корпуса университета.

Буслаев терпеливо ждал. Анний с кем-то связался и после короткого разговора снова подошел к Мефу. Лицо у него было торжественное, как у вручающего дипломы ректора.

— Кгхм... Это должно было случиться позже, но, учитывая ряд непредвиденных моментов, мы считаем целесообразным... — значительно начал он.

— Да хватит тебе! Мефодий, тебя хочет видеть Троил! — весело перебил его Арлон.

* * *

До фонтана они дошли пешком. Анний шагал очень важно, Арлон же то и дело забегал вперед и оборачивался, поджидая их. Движения у него были лаконичными и продуманными. Например, обычный человек или страж, прежде чем коснется носа, обязательно проведет рукой по лбу, заденет пальцем губы, шевельнет головой и совершит двести других малозаметных движений. Арлон же сделает то, что нужно — не больше и не меньше.

Меф подумал, что не хотел бы встретиться с ним в бою. Прежде он сражался чаще со стражами мрака. Дафна же и Корнелий, атаковавшие его порой своими маголодиями, не были особенно искусными бойцами, так что, по сути, настоящего воина света Меф пока и близко не видел.

Арлон поднял руку, и сразу же в ней оказалась флейта. Буслаев готов был поклясться, что он ее достал, а не материализовал, но вот когда? Легкое дуновение — и лежащий на земле желтый лист, вспорхнув как бабочка, сел Мефу на рукав.

Вроде ничего особенного, но Меф знал, что такая простота больше любой сложности. Любую боевую маголодию можно заучить — а вот такое не заучишь. Импровизация. Настоящее чудо.

— Ты не знал Троила в его лучшие годы. Эльза Флора Цахес всего лишь одна из его

учениц. Да и мы все тоже, — довольно сказал Арлон.

Университетский фонтан не работал, и это хорошо, потому что у Буслаева появился повод спрыгнуть и немного потрясти трубы и покрутить всякие крантики.

— Сколько тебе годиков, дитяtko? — поинтересовался Арлон.

— Радуйтесь, что тут нет Чимоданова. Он бы шарахнул топором по трубе, и тогда...

Меф застыл, задрав голову. Со стороны огромных университетских часов спускалось нечто грозное, с распростертыми крыльями. Оживший каменный грифон. Прежде, чем Буслаев опомнился, грифон опустился на бортик фонтана и стал прохаживаться, скашивая на Мефа круглый птичий глаз. В его движениях были пластика льва и резкость орла. Под тонкой шкурой бугрились сухие мышцы.

У Мефа исчезло желание вылезать.

— Привет! — сказал он и пошел боком, спотыкаясь о выступы труб.

Грифон следовал за ним по бортику. Мефу это не понравилось. Он изменил тактику и, перебежав на другую сторону, попытался выскочить там. Не тут-то было. Мощным толчком лап грифон перепрыгнул фонтан и снова оказался перед Мефом.

— Эй ты, курица! Мне это надоело! — крикнул Буслаев.

Отбежав на несколько шагов, где было кафельное возвышение, он попытался оттолкнуться и выбраться наружу. Но грифон опять его опередил. Уже в полете Мефа накрыло тенью распростертых крыльев. Грифон опустился на лапы, тяжело, но быстро повернулся и ударил клювом по бортику, выбив кусок мрамора. Осколки брызнули Мефу в лицо. Тот вынужден был перекатиться к центру фонтана, где сплетались трубы, и укрыться за декоративным выступом.

Буслаев понял, что грифон собирается пасти его, как умный кот — мышшь, свалившуюся в пустую ванну.

— Эй! Он меня не выпускает! — пожаловался он с обидой.

— Меня тоже удивляет! — согласился кто-то.

Меф увидел Троила и сразу понял, что это именно он. Генеральный страж был в светлом, чуть мятом костюме. Из кармана торчала стеклянная ручка с синим колпачком. Ворот рубашки расстегнут. Золотые крылья покачиваются на цепочке. Поблескивает гладкая, блестящая, как апельсин, лысина. Хорошая лысина, без отдельно растущих курчавящихся волосков. Но все же центр лица — глаза. Чуть прищуренные, веселые. Особенно это заметно в сравнении с вытаращенными глазами застывшего рядом стража второго ранга Фенгюса.

Буслаев жадно разглядывал Троила.

— Вы похожи на нашего препода по философии! — ляпнул он.

— Правда? И чем же?

— Ну он тоже такой весь... метафизический, — затруднившись выразить свою мысль точнее, сообщил Меф. Осознав, что фраза получилась двусмысленная, он добавил: — В хорошем смысле!

Глаза у стража второго ранга Фенгюса вытаращились, как у рака. Троил засмеялся, наклонился и протянул Мефодию руку.

— Вылезай!

Меф оглянулся на грифона. Тот сделал клювом фехтующее движение. Все его мышцы были напряжены. Меф ощутил, что грифон сейчас прыгнет.

— Не трогать! — приказал Троил. Грифон подчинился и неохотно сел. Перья у него на загривке — в том уникальном, только у грифонов встречающемся месте, где они переходят в шерсть, — стояли дыбом.

— Ну же! — поторопил Троил и, крепко ухватив Мефа за запястье, как морковь из грядки выдернул вверх. Меф не ожидал такой силы. С его точки зрения, генеральный страж был уже «старичок».

Грифон отвлекся от созерцания Мефа и быстро повернул голову к главному корпусу. Всего на секунду — не больше. Арлон это заметил.

— Ты мог бы ускорить время? — потребовал он у Анния.

Страж-Пьеро воззрился на него с укором.

— Ты же знаешь, Арлон, что решения такого уровня... — важно начал он.

— Я не о том! Подвинь минутную стрелку на правой башне! А то часы портить не хочется! Не оборачивайся! Раз... два... три!

Златокрылые одновременно вскинули флейты к губам. Минутная стрелка, огромная как шест — это только снизу она казалась маленькой, — сдвинулась сразу на два деления. В тот же миг Арлон выдохнул атакующую маголодию, давно плясавшую у него на кончике языка. Укрывавшийся за стрелкой комиссионер ласточкой полетел вниз.

— Один готов, — удовлетворенно произнес Арлон. — Это ж надо было до такого додуматься! Вот дистрофик! За стрелку руками и ногами уцепился!

— Мне это не нравится! Мы тут как на ладони! — Анний озабоченно скользнул взглядом по полыхающим солнцем окнам Гэ-Зэ¹.

Никакой системы в полыхании не было, хотя многие в разное время и пытались объяснить его ходом солнца или углом поворота стекла. Вначале вспыхивало окно в верхнем ряду, потом одно из нижних, или среднее, или вообще не окно, а крошечная форточка, о существовании которой никто раньше и не знал.

— Мы контролируем все высоты! — заявил Арлон.

— Он наверняка успел связаться со своими! Да и один ли он тут был? Крайне неудачное место!.. И визит тоже неподготовленный, — продолжал бурчать Анний.

Лично он перед визитом Троила предпочел бы оцепить треть Москвы, а самого Троила — просто на всякий случай — посадить в бронированный аквариум с дыхательными дырками.

— Это был координатор! Точно вам говорю! Никто не выжужливает эйдосы, болтаясь на стрелке университетских часов. Надо возвращаться в Эдем — и чем быстрее, тем лучше, — упрямо повторил Анний.

Генеральный страж кашлянул.

— Давай немного повременим, Анний. Дай мне полчаса! Пойдем пройдемся! — и, точно ровесник, нетерпеливо потянул Мефа за рукав.

Двигался Троил стремительно. Шагал крупно. Меф не сумел ускориться сразу и даже чуть отстал. Они шли по аллее между профессорских и академических голов. Первыми — Троил и Меф. За ними Анний с Арлоном. Последним плелся грифон. На Буслаева он по-прежнему смотрел с нескрываемой антипатией. Если бы не запрет Троила, мощный клюв давно бы превратил Мефа в фарш. Грузный Фенгюс на всякий случай придерживал его за мускульное основание крыла.

Меф напрягался. Он все ожидал, пока Троил начнет говорить нечто значительное: о добре, о зле, о жизненной миссии. Троил же почему-то говорил мало, а если и говорил, то что-нибудь вроде:

— Хм... занятно... а в прошлый раз этого здания не было, — кивок на Гэ-Зэ. — А вон то здоровенное дерево уже было, только маленькое, где-то чуть выше моего роста!

Меф удивлялся четкости памяти генерального стража: он помнил каждое случайно увиденное дерево даже через многие годы.

— А давно вы тут были?

— Мы часто гуляли тут с доктором Гаазом, — ответил Троил.

— Это который каторжникам помогал? Ну и типа бомзам всяким?

— Он помогал людям, — спокойно поправил Троил.

Меф прикусил язык. А Троил уже весело разглядывал бегущий по проспекту поток машин. Арлон попытался заставить светофор зажечься зеленым, но переборщил с маголодией, и светофор взорвался. Смутившийся златокрылый быстро спрятал флейту и сделал вид, что это не он.

Грифон был скрыт под мороком невидимости, но морок никак не мог помешать ему

¹ Главное здание МГУ [Вернуться]

выискивать негодяев и наказывать их тем простым способом, каким это делают все грифоны. Поэтому к смотровой площадке они не пошли, а свернули в парк.

Мокрые листья были сметены в кучи. На крайней сидела большая отсыревшая ворона и раскидывала клювом листья. Грифон заклекотал на нее, напружинив передние лапы. В нем разом проснулись лев и орел. Фенгюс с подозрением посмотрел на ворону. Ворона достойно выдержала проверку. И дедушка, и бабушка ее были добропорядочными птицами, и ничего хуже загаживания крыш, мелких краж с балконов и разорения чужих гнезд не совершали.

— Да ворону-то хоть оставь! Мало ты их раньше гонял! — успокоил грифона Фенгюс, добродушно обнимая его за шею и отводя в сторону.

Следы глубоко отпечатывались на влажной земле. Троилу нравилось разглядывать свой четкий след. Он осторожно поднимал НОiу и осторожно опускал ее, чтобы отпечатки подошв не размазывались. Буслаев же по привычке шаркал пятками.

— Хорошо тут... осень... — Троил забросил сук в кленовые кроны.

— А в Эдеме осени нет? — удивился Меф.

— Понимаешь, осень — это все же немного умирание. В Эдеме смерти нет. Значит, и осени. Там всегда трепет ранней весны, радость поздней весны и одновременно полнота лета.

Закинув голову, Троил пробежал несколько шагов, ловя ноздрями ветер. Поднял сухую ветку, крутанул в руке, махнул с потягом на себя. Меф прикинул, что кистевой удар у него приличный.

— Я худший из стражей света. Много делаю не вовремя. Когда не надо, спешу, когда не надо, медлю. И мысли ко мне приходят часто совсем лишние, неправильные... Говорю вполне серьезно, без кокетства! — сказал вдруг Троил.

Меф недоверчиво прищурился:

— То есть вы даже бестолковее Корнелия? Троил улыбнулся морщинками у глаз.

— Возможно.

— А почему тогда..? — Меф не договорил.

— Генеральный страж — я, а не Корнелий? Ну, может, потому, что я в полной мере понимаю, как мало могу. Не ищу сил у себя, а ищу в другом месте... Это чудовищно сложно — не верить себе, потому что мы все кажемся себе безумно умными.

— Безумно умными, — повторил Меф.

Он слушал Троила жадно, гораздо внимательнее, чем Дафну, хотя и она порой говорила нечто похожее. Слова должны подпираться истиной, непоколебимой убежденностью, правдой, примером. Только тогда они имеют вес. У Троила все это было.

Есть вещи, о которых предпочитаешь не думать, существуя в уютной зоне самообмана. Человек выстраивает вокруг них забор и никогда за него не заходит. Но это все равно как, имея на ноге гнойную рану, натянуть сверху джинсы и притвориться, что раны нет.

— Ты не раздумал? — спросил вдруг Троил. Буслаев не сразу понял, что речь идет о бое с

Ареем. Когда же понял, то сказал: «Нет».

— Хорошо, — кивнул Троил. — Свобода выбора есть свобода выбора. Твой эйдос мы мраку не отдадим. Ну а тело... жалко его, конечно, но все равно это глина и части растений.

Меф невольно посмотрел на свои руки. Глина глиной, но они ему нравились.

— Я немного боюсь другого: вдруг ты победишь Арея? — продолжал Троил.

Буслаев остановился.

— Бойтесь? — не поверил он.

— Опасность не в самой победе. Но если кто-то победит Арея из тщеславия или упрямства, то сам станет новым Ареем. Новым первым мечом мрака! Значит, победить надо не внешнего Арея, а Арея в себе. Тогда и внешний Арей погибнет сам собой: ему не в ком будет гнеститься. Вроде Тартар под землей, но на самом деле он в сердце.

Меф растерялся. Он понял, что как бы он ни поступил — победил или не победил, — в любом случае получится типичное не то. Это испортило ему настроение.

— Не волнуйтесь! Арей меня прикончит, — брякнул он.
— Я не волнуюсь. Лучше расскажи о щите. Как он тебе? — спокойно сказал Троил.
— Нормально. Я почти его не вызываю. Он и так работает.
— А ты... м-м... он тебя устраивает? Не чувствуешь в нем ничего особенного? — как бы между прочим спросил Троил.

Меф пожал плечами. На оружие и доспехи он смотрел глазами Арея. Любить можно только меч. Остальное — металлолом, который, впрочем, бывает полезен.

— Щит и щит. По-моему, лучше, когда клинок противника попадает в железку, чем в тебя, — ответил он небрежно.

Троил кивнул.

— Ну-ка, покажи меч! Мне давно любопытно было на него взглянуть, — попросил он.

Меф озадачился. Такой просьбы он не ожидал. Для мечника показать меч — это больше, чем для художника — картину. Недаром самураи, сохранившие древнее отношение к мечу, резали себе палец всякий раз, когда без повода извлекали клинок из ножен.

Все же отказать он не решился.

— Только не касайтесь его, а то он у меня диковатый, — предупредил он.

— Договорились, — серьезно пообещал Троил.

Меф поднял руку и вызвал из небытия свой любимый меч со скромной рукоятью без узоров и сколотым, как зуб, концом.

Семь событий произошли в один момент.

(1) Ворона на куче листьев с негодующим карканьем слетела в сторону. (2) Из кучи листьев выскочил юркий, весь в черном, карлик — страж мрака, убийца из клана Эстика. (3) Не пытаясь приблизиться, левой рукой карлик сделал резкое движение. Непонятным образом его ненависть просочилась и в Мефа, и, повторяя его движение, он испытал тот же восторг и то же возбуждение. (4) Арлон выхватил флейту, но опоздал. (5) Грифон прыгнул, но тоже не успел. (6) Генеральный страж вскрикнул. (7) Клинок Мефа, который генеральный страж безуспешно попытался отвести рукой, вонзился Троилу в грудь. Меф вырвал его, и кровь с клинка сразу исчезла. Меч жадно впитал ее, не потеряв ни капли.

Секунду спустя карлика в черном подхватило сильнейшей боевой маголодией и, как лягушку, расшибло о ближайшее дерево. Его на треть полный дарх застрял в коре. Грифон, которого никто больше не держал, прыгнул на Буслаева сзади. Лапы вжали его лопатки в землю. Меф не мог не то что шевельнуться — даже вдохнуть. Грифон был тяжелый, как плита. Меф слышал яростный клекот и щелканье клюва.

Фенгюс и Анний отогнали грифона и заломили Мефу руки за спину. Нанесший предательский удар клинок исчез еще раньше.

— Не трогайте его! Он не виноват!.. Это все его меч! — слабеющим голосом сказал Троил.

Пальцы правой руки, которыми он пытался отвести меч, заливала кровь. Пиджак с правой стороны груди намокал все сильнее. Золотые крылья, провисшие на цепи и касавшиеся земли, больше не казались золотыми. Они стали алыми.

Руки, держащие Буслаева, разжались. Арлон остался рядом с Мефом. Он ему больше не доверял. Флейту он держал у губ.

— Не доставай больше свой меч, — сказал он без угрозы, но крайне сухо. Вся симпатия из голоса ушла.

Фенгюс отодвинул пиджак и кинжалом разрезал на Троиле рубашку. Хотя он был осторожен, его движение причинило Троилу сильную боль. На лбу и висках генерального стража выступили капли пота. Но все же Троил ободряюще улыбался Мефу белыми губами.

Входное отверстие у раны было узкое. Фенгюс осмотрел ее и осторожно подвел руку со стороны спины. Потом посмотрел на пальцы. Кровь на них отсутствовала. Значит, рана не была сквозной, хотя меч вошел глубоко.

— Ну как он? — шепотом спросил Анний.

— Скверно... Проклятый меч вонзился до половины и извивался внутри, как змея.

Надо срочно взять его в Эдем. Здесь мы потеряем его через четверть часа, — шепотом ответил Фенгюс.

— Он не перенесет дороги! — забеспокоился Анний.

— Молчи! Лучше помоги!

Златокрылые подхватили Троила и погрузили на грифона, закрепив руки под орлиной шеей. Телепортировать он больше не мог. Грифон резко оттолкнулся задними лапами и взлетел, ломая кожистыми крыльями ветви. Фенгюс и Анний следовали за ним. Они летели рядом с грифоном и, чудом не попадая под его мощные крылья, придерживали Троила.

Не сводя глаз с Мефа, Арлон подошел к дереву, в котором торчал застрявший дарх, рассек его кинжалом и пересыпал эйдосы в контейнер из-под пленки.

— Надеюсь, мы больше не встретимся. Мне трудно будет сдержаться. Пусть это сделал меч, но его держала твоя рука! — сказал Арлон и взлетел, в прыжке распахнув крылья.

Меф ощущал себя смятым. Именно это слово. Рука еще не забыла ощущения, которое испытала, когда меч вошел в плоть. Самое мерзкое, чего он никак не мог выбросить из головы — то, что, вонзая меч в Троила, испытал радость. Пусть это была радость черного карлика, но он-то ей отозвался и, получается, сочувствовал? А не держи его человеческая рука, ни один меч мрака не сумел бы нанести удар. Мрак может кусать нас только за родственное и отнимать только свое. И ударить может только своей рукой.

Меф запоздало понял, что означает последняя фраза Арлона. Немного помедлив, он материализовал меч и поймал себя на том, что с ужасом смотрит на его тусклое лезвие.

— Так кто кому хозяин? Ты — мой меч или я твой человек? — спросил у него Меф.

Меч выглядел довольным. Казалось, еще немного, и он замурлычет, как сытый кот.

— Я тебя ненавижу! Слышишь: ненавижу! — крикнул Меф.

Размахнувшись, он забросил клинок в кустарник и, не оглядываясь, зашагал прочь. Он понимал, что это ничего не значит. Такой меч потерять нельзя, даже если оставить его на видном месте на людной улице. Он все равно явится по первому зову, и никакая чужая рука его не коснется.

Чтобы расстаться с магическим мечом, от него надо отречься. Меф же внутренне отречься от него не желал, и мечу это было известно. Потому он с такой готовностью и зарылся в листву.

Не всякий раз, когда мы хлопаем дверью, мы действительно стремимся уйти. Чаще это просто громкий повод, чтобы остаться.

Глава 13. Осиновая пуля

В нас действует зло со всей силой и осязательностью, внушая все нечистые пожелания, однако ж срастворено с нами не так, как иные говорят сие о смешении вина с водой, но как на одном поле растут и пшеница сама по себе, и плевелы сами по себе, или как в одном доме находятся особо разбойник и особо владетель дома.

Св. Макарий Великий

Варвара, дочь Арея, умела делать множество невероятных вещей. Могла переночевать зимой без спальника в обнимку с трубой теплоцентрали. Умела раскрутить и отремонтировать заглохившую рацию. Могла метать ножи всех видов, даже с перевешивающей ручкой. Сидела в залазе по пояс в воде, зажимая пасть Добряку, пока наверху шастал не желающий пачкаться милицейский патруль. Но вот варить сосиски она научилась только сегодня.

Первая сосиска взорвалась и закрутилась винтом. Вторая, торчащая из воды, осталась наполовину сырой, и лишь с третьей сосиски дело более-менее пошло. Рядом сидел Добряк и, задрав морду, уничтожал улики неудачливого «сосисковарения». Чтобы он не болтался под ногами, Варваре пришлось капнуть ему на нос кипятком.

— Я, конечно, дико извиняюсь, но тебя здесь не валялось! — объяснила она.

Добряк намек понял и отправился прятаться под стул. Спрятал морду, а остальное не поместилось.

Варвара выбрала из пяти имеющихся в наличии тарелок самую чистую, набрала в нее воды и вылила. Подразумевалось, что все микробы утонули и дальше можно не мыть. Лихим движением она стряхнула сосиски в тарелку, туда же высыпала горошек, предварительно разрубив банку тесаком, и отправилась кормить Арея.

Мечник сидел в углу, похожий на больного ворона, и что-то писал. Варвара заглянула ему через плечо. Знаки, покрывавшие страницу, были ей неизвестны. Она поняла только, что перед ней список.

Арей обернулся.

— Чего тебе? — пасмурно спросил он.

— Вот! Лопайте! Последний раз вы ели четыре дня назад! — Варвара поставила тарелку прямо на список. Ожившие буквы расползлись в разные стороны. Дно у тарелки было мокрое.

Арей посмотрел на сосиски. Кетчуп на них был нанесен точками, так что сосиски казались болеющими ветрянкой. Варвара очень старалась украсить блюдо.

— Не из этой ли миски ты кормишь собаку? — уточнил Арей.

Варвара с вызовом подбоченилась. На все невыгодные вопросы она мгновенно отвечала атакой.

— Самый внимательный? Машины покупаете — так купите тарелки! Хоть одну вшивую вилку! — мгновенно накручиваясь, завопила она. Тарелка полетела на пол. Добряк высунулся из-под стула и произвел уборку помещения.

Варвара села на пол. Добряк, утешая, опустил морду ей на колени. Теперь точка кетчупа была у него на усах.

— Не хотите жрать — не надо! Я ему готовлю, а он издевается! — угрюмо заявила Варвара.

Арей с интересом разглядывал ее.

— Я только спросил: не из этой ли миски ты кормишь пса?

— Ну и из этой! А дальше что? Ему что, с пола жрать прикажете? А?

Арей снова уткнулся в список. Бывают моменты, когда даже невинный вопрос способен вызвать взрыв.

Постепенно Варвара утихомирилась. Отыскала под ножкой стола сосиску, пропущенную Добряком, и съела сама.

— Микробы не увидели, куда она упала, и не успели наползти... Вы невозможный человек! Вспыльчивый, нетерпимый! С вами может жить только такой ангел, как я!

— Я уже усвоил... — ответил Арей мирно. Варвара перестала кричать и недоумевающе на

него уставилась.

— Да чего с вами такое? Я вас не узнаю! Чего не пишите меня? С вами даже поссориться нельзя! Не требуете тратить чемоданы денег на паршивые платья, в которых даже по канализации нельзя шастать!

— Это ненадолго, — сказал Арей, роняя слова, как монеты на стеклянный стол.

— Почему?

Мечник не ответил. Палец его скользил по строкам. Варвара увидела, что строки постепенно гаснут и наконец их остается только три.

— Кто-то из этих, сомнений нет. Но кто? Можно ли безвинно убить стража мрака? — процедил Арей.

— А-а? — непонимающе переспросила Варвара. Мечник вскинул на нее глаза.

— Обратимся к женской интуиции. У тебя она есть?

— Не-а.

— Что, совсем?

— Ну, может, иногда, когда из трех ходов надо выбрать один, и это вопрос жизни и

смерти. Батарея почти сдохла, а глубина залаза — триста метров, — отозвалась Варвара, вспоминая паучий тоннель в районе Моховой.

Арей усмехнулся.

— Это именно такой случай. Итак, вариант первый. Друг случайно оскорбляет тебя неловкой и болезненной шуткой. Кроме вас, ее слышали многие. Ты вызываешь его на дуэль. Рубишься с ним и видишь, что он дерется неохотно. Но на вас смотрят много глаз, а ты считаешься первым... ну, среди определенного круга. Ты замечаешь усмешки на лицах тех, кому раньше внушал страх. Если пощадишь — они решат, что ты прощаешь обиды. А это не в стилистике данного круга. И тогда наносишь удар.

— Это же вы не про себя рассказываете? — нервно спросила Варвара.

Арей, чуть помедлив, покачал головой.

— Дуэли запрещены московской милицией... Вариант второй. Ты ночуешь в некоем месте с дурной репутацией. Днем там так жарко, что плавится камень, а ночью тот же камень трескается, но уже от холода. И вот ты просыпаешься и видишь, что тот, кому ты верил, замахнулся на тебя мечом. Успеваешь ударить его первым. Вгоняешь клинок в глазницу и внезапно понимаешь, что замахивался он не на тебя. К тебе, сонному, подкрался зверь. А твой друг лишь стремился тебя защитить.

Арей посмотрел на второе имя в списке. Таинственные знаки плясали. Голос Арея заметно охрип. Казалось, он сбился с дыхания.

— Вариант третий. Двум молодым людям понравилась одна девушка. Даже больше, чем просто понравилась. В то время оба были зеленые и романтические, сохранившие кое-что от св... назовем это розовой юностью. Оба понимали, что если кто-то из них коснется девушки, это погубит их дружбу. И они решили, что девушка будет для обоих под запретом. Никто не подойдет к ней, никто не заговорит с ней. Она — табу.

Варвара наклонилась вперед, лбом задев болтавшуюся на проводе лампочку.

— И они держали слово?

— Да, — ответил Арей, глядя в сторону. — Около года. И обоим стоило большой боли не видеть ее, потому что они оба ее любили. А потом один узнал, что друг нарушил договор и тайне встретился с ней. И... убил его в поединке.

— А девушка? Кто нравился ей?

— При чем тут девушка? — с раздражением отозвался Арей. — Слово нарушила не она! Она вообще не знала о договоре. К тому же вскоре оказалось, что он и тут поспешил. Друг и девушка встретились лишь однажды и всю встречу проговорили о нем. Потому что девушке нравился, как выяснилось, тот, кто зарубил своего друга. И тот, второй, готов был отойти в сторону.

— Но почему друг ничего не объяснил перед поединком? У него не было времени?

Арей пожал плечами.

— Время было. К месту дуэли они шли около часа. Но подозреваю, что не все можно объяснить. И не все хочется объяснять.

— А эта девушка была похожа на меня? — вдруг спросила Варвара.

Арей с болью взглянул на нее. Казалось, он зачерпывает Варвару взглядом, пытаясь узнать в ней ту, другую.

— Меньше, чем бы мне того хотелось, — непонятно ответил он. — Так что говорит твоя интуиция? Который из трех был убит безвинно?

Варвара, не отвечая, смотрела на него.

— Я так и думал. Девушки всегда склонны выбирать самое романтическое и непрактичное решение. Что до меня, я выбрал бы из первых двух, — ответил Арей.

* * *

Жизнь большинства людей похожа на арбуз. При этом дела — семечки, а период раскочки между делами — красная мякоть.

У Варвары мякоти было мало. Она никогда не раскачивалась. Обычно она срывалась с места, бежала и только потом понимала, что бежит куда-то. Тем же вечером она неожиданно

для себя оказалась в залазе недалеко от Софийского храма на Болотной площади. Залаз был опасным, с массой разветвлений, идущих на разные уровни. Те, что вели к Кремлю, под Москву-реку, частично засыпаны, частично перегорожены. Здесь легко можно встретить пару серьезных дядей с мощными аккумуляторными фонарями, которые, взяв тебя под ручки, поднимут на поверхность и начнут выяснять, какое иностранное государство послало тебя пилить ржавой ножовкой кабель секретной правительственной связи или проливать биологические жидкости на систему охлаждения Министерства обороны.

Правда, у Варвары был Добряк. Вблизи от сердитых дядей он не спасал, но мог учуять их издали и предупредить хозяйку едва слышным ворчанием.

На этот раз Добряк ни о чем не предупредил. Он осел на задние лапы и издал звук, какой издают смертельно напуганные собаки — нечто среднее между лаем и попыткой заскулить. Выползшее из стены белое облако вытянулось и походило на кривой вопросительный знак.

— Меня зовут Эйшобан Всезнающий! Я король джиннов! — произнесло оно с фирменным смешком безумца. — Я найду тебе все, что ты ни пожелаешь! Но горе, если ты не захочешь этого взять!

Облако постепенно сгущалось. Добряк продолжал выть и пятиться. Эйшобан выглядел так, как выглядят все просроченные джинны, пересидевшие в кувшине: нос дрейфовал в районе уха, а рот улыбался на лбу.

— Я не собираюсь ждать бесконечно! Говори, или нашей сделке конец! — капризно потребовал джинн.

Варвара облизала губы и, не подумав, брякнула:

— Найди мне... э-э... клад!

Эйшобан брезгливо передернулся и на мгновение стал мутным. — Всего лишь? Ну тебе решать! — он скользнул взглядом вокруг. — Ближайший клад находится на Болотной площади, в подвале, под бывшими дешевыми квартирами купца Бахрушина. Деревянная коробка с надписью «Персидские конфеты». Внутри двадцать золотых десятков, пачка писем, перетянутых синей... пардон, фиолетовой... ленточкой, и дамский револьверчик с перламутровой ручкой.

— Как туда добраться? — заинтересовалась Варвара.

— Прямой дороги нет! — насмешливо сказал Эйшобан. — И, увы, после наводнения 1931 года дом дал трещину. Подвал залили бетоном... И, кстати, у тебя двадцать минут, чтобы взять клад. Если нет — ты умрешь!

В руке у джинна возникли песочные часы.

— Послушай! — сказала Варвара нервно. — Я не хочу ковырять бетон! Найди мне другой клад, который можно взять!

От хохота зубастый рот Эйшобана сполз на живот.

— Другого не будет! Надо внимательно слушать: «Я найду тебе все, что ты захочешь! Но горе, если ты не пожелаешь этого взять!» Ты желала клад, не так ли? Вот тебе клад! Бери! Не хочешь?

— Почему не хочу? — заторопилась Варвара. — Хочу!

— Тогда быстрее! Осталось девятнадцать минут! Варвара попяtilась, повернулась и побежала

прочь от этого мутного чудовища. Луч фонаря прыгал по камням. Не разглядев трех низких ступенек, она слетела с них и, хотя упала на руки, ударилась лбом. Добряк, скуля, пробежал по ее спине. Варвара села, трогая лоб.

— Там тупик! Назад беги, а то я догоню! — сочувственно посоветовал кто-то рядом.

Варвара снова увидела Эйшобана. Он покачивался рядом и, подперев голову ногой (руки переползли на спину), печально смотрел на замеревшие в воздухе песочные часы.

— Не хочу никого торопить, но осталось девять минут.

Варвара, пошатываясь, встала и медленно вытянула из ножен тесак.

— Не подходи! Покрошу! — предупредила она с угрозой.

Джинн протянул руку. Варвара ощутила влагу и холод. Нож вырвался у нее из руки. Эйшобан повертел тесак и по рукоять вонзил его себе в грудь.

— Дрянный металл! — оценил он. — Жаль, ты не нашла первый клад, а то я посоветовал бы тебе второй. Отсюда два километра — прекрасная шашка дамасской работы в посеребренных ножнах. И в придачу четыре тысячи рублей, увы, обесценившимися банковскими билетами.

Варвара медленно побрела прочь, держа Добряка за ошейник. Эйшобан тек за ней по коридору, похожий на раздуваемую сквозняком белую штору. Не слушая его советов, Варвара уткнулась в глухую стену и повернула обратно.

— Я же говорил: там тупик! Я специально подарил тебе лишние тридцать секунд жизни, чтобы ты убедилась: я всегда бываю прав! — торжествующе произнес Эйшобан. — Ну а теперь время вышло! Готовься к смерти!

Варвара отшатнулась. Король джиннов стал сразу везде. Его узкий рот расширился, как воронка, и стало ясно, что, если потребуется, джинн проглотит и дикого кабана. Пес прижался к земле грудью. Внутри у него что-то klokотало и булькало.

— Добряк! — отчаянно крикнула Варвара.

Поборов страх, пес сделал резкий выпад клыками и попытался рвануть джинна сзади чуть выше пятки. Эйшобан позволил ему это сделать. Когда зубы Добряка щелкнули вхолостую, он обвинил скулящего пса удлинившимися пальцами ноги и отшвырнул. Добряк зацепил кирпичи и содрал клочок кожи.

Рыхлое тело джинна обволокло Варвару. Она задыхалась. Внутри джинна воздуха не было — никакого, даже самого скверного. Эйшобан больше не был туманом — он стал как слежавшееся желе или загустевший кисель. Варвара поняла, что ее ждет. Она задохнется и, мертвая, останется внутри сумасшедшего джинна, который будет переставлять ей руки и ноги, как у куклы.

Сознание Варвары стало погружаться в медлительную черноту. Внезапно что-то с силой вытолкнуло ее, и она покатила по камням. Открыла глаза. Неужели Эйшобан ее пощадил? С чего бы?

Рядом с разъяренным джинном покачивалась тень. Когда, протекая рядом, она коснулась ноги Варвары, та ощутила приступ тошноты. Ей стало так скверно, словно кто-то пылесосом вытянул из нее душу. Она лежала и просто смотрела. Ей было все равно. К ней, подволакивая заднюю ногу, подполз Добряк и положил морду на живот. Он словно говорил: «Умрем вместе! Это все, что я могу для тебя сделать».

Джинн и страшная тень плясали, не касаясь друг друга, как две змеи. Джинн первым сделал резкий выпад, но коснуться тени не сумел: она ушла.

— Да кто ты такой? — заорал джинн. — Как ты посмел отнять у меня добычу? Я Эйшобан, король джиннов!

— *А я никто.*

— Как никто? — опешил джинн.

— *Мы тени, лишенные плоти. Собравшиеся вместе ради мести!* — Голос призрака был лишен интонаций. Казалось, слова вырезаны из влажного картона.

— А, так ты лишенец! Не смей трогать мою добычу! Она не смогла взять клад! — завопил сумасшедший джинн и, удлинив руки, как плети, атаковал лишенца градом стремительных ударов.

Варвара никогда не видела, как сражается джинн. От его рук во все стороны с сухим треском отлетали синие молнии. Ударяясь о стены, они не гасли, а отскакивали, как мячи. Снова ударялись и снова отскакивали. Камни накалялись. Варвара перевернулась на живот и торопливо поползла. Над ней все полыхало и вспыхивало.

Когда она в следующий раз обернулась, мутная фигура разделилась на семь. Тени окружили джинна, соприкоснулись руками и стали сжиматься в кольцо. Эйшобан рванулся вверх, потом вниз, но вырваться из круга не мог. Его плети лишенцу не вредили. Кольцо становилось теснее.

Варваре стало ясно, что сейчас произойдет. Лишенец сольется воедино, а джинн исчезнет.

— Пощади меня! — заскулил Эйшобан.

Тени беспощадно сближались. Джинна корчило от боли. Он то сжимался почти в точку, то расплзался, как дряблая медуза. Семь теней сомкнулись грудь к груди. Голос джинна был почти не различим.

— Пожалуйста! Не убивай!

Одна из теней разжала пальцы и резко дернула руку, освобождая. Воющий от ужаса джинн метнулся в образовавшуюся брешь, врезался в стену и прошел ее насквозь, оставив сыроватое пятно.

Шесть теней повернулись к седьмой:

— *Ты отпустил его. Зачем?*

— *Это не моя война! Пусть джинн живет!*

— *Мы убьем тебя! Ты не с нами!*

— *Невозможно убить того, кто уже мертв. И опустошить того, кто пуст,* — отвечала седьмая тень.

Варвара поняла, что она единственная сохранила оттенки прежнего голоса. Другие шуршали как бумага.

Седьмая тень подплыла к Варваре. Та увидела неясный контур наклоненного к ней лица.

— *Пошли! Все решится сегодня!*

Тени окружили Варвару. Она поднялась, опираясь о загравок Добряка. Она вымокла. Ей было холодно. Мышцы напрягались до дрожи.

— Я никуда не пойду! — крикнула она, добавив несколько слов, которые фольклористки-второкурсницы, краснея, записывают в тетрадки по дальним деревням.

— *Пойдешь! Мы заставим! Твой эйдос нам не мешает!*

К ней разом протянулись шесть рук. Они вели из разных мест, но собирались в одну кисть. И кисть эта сжимала отрубленное белое крыло. Засохшая кровь на нем казалась бурой. Она сделала шаг и упала от боли. Ей стали приходить страшные, холодные мысли. Они наполняли ее и оставались внутри. Повеситься, выпить чей-то глаз, захохотать, порвать на себе одежду, грызть и кусать стекло, поднять тесак и ударить им Добряка прямо по узкой, самой любимой белой полосе на голове... Сотни мерзких мыслей.

Варвара оперлась руками о пол и, стоя на четвереньках, стала раскачиваться с рычанием и хохотом. Она не знала, что это атака лишенца. Она думала, это все ее собственное,

— *Назад! Вы ее убьете!* — крикнула седьмая тень.

— *Она умрет сама! Она не умеет защищаться! Не знает, где искать помощь! Она наша,* — ответили шесть теней.

Их голоса звучали у Варвары в голове, путаясь со страшными образами и дикими желаниями.

— *Я не отдам, ее вам! Прежде я хочу услышать ответ Арея!*

— *Ты нам не мешаешь! Нас больше! У нас крыло валькирии!*

— *Могу помешать! Я уйду в Тартар, и вы уйдете со мной. Мы одно целое. Назад!*

Шесть теней зашипели и спутались в клубок вокруг одной. Варвара посмотрела на свою руку, не понимая, что в ней. В ладони был осколок кирпича, который она зачем-то кусала и оцарапала губы.

Варвара встала и пошла, опираясь о Добряка. За ней, едва различимая, текла седьмая тень, а после, слитые вместе и более плотные, еще шесть...

* * *

Триста пятьдесят... триста пятьдесят один...

Варвара шла и считала шаги. Когда считаешь, не так больно. Еще, когда считаешь, можно ни о чем не думать. Но все же не думать она не могла. Интересно, догадывается ли

кто-то, что она идет под невидимым конвоем призрака и всякий раз, когда пытается сделать шаг не туда, ее пронзает нечеловеческая боль?

Триста девяносто восемь... триста девяносто девять...

Тени следовали за ней. Оборачиваться было запрещено — за это жалили болью. Скосив глаза в витрину, Варвара сумела разглядеть за своей спиной нечеткую тень, которую больше, кроме нее, никто не видел. Люди расступались. Пугались страшного, грязного, застывшего лица Варвары. Один Добряк остался рядом. Надежный, долговязый, похожий на тощего пони Добряк.

— Наркоманка! Убивать таких надо! — прошипел кто-то из прохожих.

Добряк зарычал и щелкнул зубами, располосовав штанину или, может, чулок. Слов он не понимал, зато понимал интонации.

Варвара споткнулась. Лишенцу это не понравилось, и ее пронзила раскаленная игла. Кажется, Варвара потеряла сознание, но на мгновение. Она даже не упала, только мотнулась вперед. Все же Варвара сбилась со счета и стала считать заново.

Один... два...

Она не сделала еще третьего шага, а в сознании у Варвары уже ясно прозвучала мысль. Ее собственная.

«А ведь я веду их к Арю! Я его предаю!»

Мысль эта, догнавшая ее, была так ужасна, что Варвара даже попыталась остановиться, но, вывернутая наизнанку болью, послушно продолжала переставлять ноги. Мимо, выпущенное светофором, пронеслось стадо автомобилей. Варвара проводила его взглядом.

«Ах так! Ну ладно! Я брошусь под машину, и они ничего не получают. Главное, чтобы Добряк не бросился за мной», — подумала она.

С точки зрения любого ханжи, Варвара была человеком, свободным от образования. В школе она училась урывками и знания получала только те, от которых не удавалось увильнуть. Но все же была и у нее слабость — картины. Человек, которому снятся цветные сны, не может их не любить, а Варваре еще и повезло с учительницей по изо, тихой старушкой, которая целый год дважды в неделю приглашала ее домой, кормила, заставляла мыться, учила рисовать и показывала репродукции. Потом старушка заболела, дети куда-то увезли ее, на чем художественное образование Варвары завершилось.

Среди множества картин Варваре запомнилась одна. Война на Балканах. Армия идет по грязи, а на пути у пушек — яма. Колеса не могут ее переехать. И вот солдаты ложатся живым мостом, а пушки едут по их телам. Максимально простая жертва. Больше, чем в бою. В бою все-таки можно на ярости выплыть, на вспышке, просто на приказе, а тут жертва — простой, ясный, неадреналиновый подвиг.

Больше Варвара шагов не считала. Шла и слушала, как нетерпеливо блеет за ее спиной автомобильное стадо. В стаде выделяется один голос — высокий, повизгивающий. Варвара уже чувствовала, что это маленький и злобный спортивный автомобильчик, водитель которого, томясь в общей куче, нетерпеливо поигрывает педалью газа.

«Под него и брошусь!» — решила она, и пальцами левой руки сильно сдавила загровок Добряка, запустив в него ногти.

Пес удивленно скульнул, задрал морду. Он не понимал, в чем дело. Он не сделал ничего достойного наказания. Или опять эти знаменитые человеческие «настроения»? Варвара рванула его за ухо.

— Вон пошел, падаль! Вон! — зашипела она и, не сбиваясь с шага, врзала ему по морде коленом.

Ей важно было обидеть Добряка, чтобы он не кинулся за ней и не погиб. Добряк зарычал и отскочил. Есть! В следующую секунду, разорвав паутину боли, Варвара прыгнула на дорогу. Вторая волна боли нагнала ее, когда она пронеслась метра три, до середины дороги, и повернулась к круглым, даже днем включенным фарам маленькой синей машины. Фары были близко, совсем близко...

Автомобиль уже гудел и визжал тормозами, но Варвара знала, что слишком поздно.

Она остановилась и закрыла глаза. Секундой позже что-то сбило Лее с ног, сильно толкнув в живот. Где-то над ней пронесся автомобильный гудок. Волна горячего воздуха толкнула Варвару в лицо. Что-то мокрое и липкое проникло ей в ухо, а потом покинуло его и стало полззать под ухо снизу.

Варвара открыла глаза. Странно: лежать и не ощущать грызущей боли. Теперь Варвара знала, что такое счастье: это когда нет боли. Над ней склонилась не самая стерильная в мире морда Добряка. Видимо, он и сбил ее с ног, врезавшись в живот. Боднув Добряка лбом, Варвара стала искать глазами автомобиль, который должен был сбить ее, но почему-то не сбил. У нее даже мелькнула мысль, что он как-то отвернул в сторону, но тут она увидела его. Подброшенный на два с половиной метра, синий автомобиль устроился на крыше киоска «Пресса». Из-под капота у него валил дым. Остальное автомобильное стадо, лишившись водителя, притихло и остановилось. Из некоторых машин уже лезли люди.

Между Варварой и машинами покачивались седьмая тень. Другие наплывали со стороны дороги. Ощущалось, что они очень злы. И Варвара уже знала, что это будет значить лично для нее.

— *Вставай! Я могу защитить тебя от машины, но от них нет!* — приказала седьмая тень.

Варвара попыталась нащарить тесак, но ножны были пусты. Она так и не вспомнила, где его потеряла.

— Пусть делают, что хотят! Я никуда не пойду! Седьмая тень шевельнулась, как ткань, на которую подуло сквозняком.

— *Ты жива только потому, что я им не позволял. Но они почти уже меня не слушаются,* — грустно произнесла она.

— Не встану! — упрямо повторила Варвара.

Уловив в ее голосе тревожную интонацию, Добряк приготовился к бою. Кожа на его морде сложилась гармошкой. Губы поползли вверх, обнажив белые клыки. От шести теней отделилась одна и протянула к Варваре мутно-прозрачную руку. Указательный палец дрожал как щупальце. В самом краю, у ногтя, алой точкой пульсировала боль.

— Назад! Не подходи к ней! — крикнул кто-то.

Варвара увидела Арея. Она так и не поняла, откуда он взялся. Вышагнул из ниоткуда и сразу стал реальным.

Тень подняла пустое лицо и равнодушно посмотрела на него. Останавливаться она не собиралась. Ее палец продолжал приближаться к Варваре. Арей поднял ей навстречу сжатый кулак. Казалось, он просто преграждает ей путь. Выстрел был похож на хлопок. В ладони у Арея был маленький злой пистолет «Протектор», внешне похожий не на пистолет, а скорее на масленку. Ствол выглядывал между средним и указательным пальцами. Арей с пистолетом — дикость.

Шестая тень сложилась и упала. Потом медленно, с явным усилием поднялась и открыла прозрачную ладонь. На ладони у нее лежал вытянутый кусочек дерева.

— *Осиновая пуля! Вижу, ты неплохо подготовился, Арей! Забыл только об одном: у семи теней — семь жизней,* — прошептала тень.

Тонкая рука метнулась, удлиняясь, и коснулась «Протектора». Кулака упрямец Арей так и не разжал, только, зарывав, как зверь, стиснул зубы. Между пальцев у него закапал раскаленный металл. Мечник подхватил Варвару и перекинул через плечо. Потом побежал сквозь толпу. Рядом неся Добряк.

Лишенец не пытался задержать Арея, но и не отставал. Невидимый, он тек следом. Люди падали, как кегли, там, где он их касался. Телепортировать с Варварой Арей не рисковал — знал, каким будет результат. Петляя по дворам, выскочил на набережную и, начав сбиваться с дыхания, по ступеням скатился к реке. Он оказался на пустой маленькой пристани с бетонными столбиками и хаотично набросанными деревянными досками. Грязноватая вода плескала в свисавшую на цепях резиновую шину. Шина хлюпала. В стороне была пришвартована баржа. На веревках, протянутых вдоль бортов, сушилась

одежда.

Арей остановился и, сдернув Варвару с плеча, опустил ее на доски. Добряк остановился рядом. Язык у него был высунут, но, скорее, из кокетства, потому что он тотчас облизнулся и сел. Ощущалось, что худой угольный пес совсем не устал.

Варвара покачивалась, глядя на воду. Арей нес ее головой вниз. Кровь прилила к глазам, и цвета казались более насыщенными, отяжелевшими. Рука нашарила размокшую коробку, на которой был нарисован развеселый бурундук. Она обняла коробку. У того бурундука была тоже коробка с бурундуком. Варвара ощутила, что сходит с ума. Перед ней выстроился бесконечный туннель все уменьшающихся бурундуков.

Она смотрела на них и понимала, что ей уже все безразлично — Арей, бурундуки, джинны, подземные коридоры. Есть граница, до которой можно еще бояться. Потом человек переполняется, и страх исчезает.

Арей задрал голову и к чему-то прислушался.

— Ты умеешь плавать? — От быстрого бега голос его подсел, но звучал спокойно.

Варвара посмотрела на коричнево-черную воду со всплывшей пеной мертвых водорослей.

— Что? Здесь?

— А в других местах?

— В других — да, — неосторожно ответила Варвара.

— Отлично... Тогда держись на воде как можно дольше. Если я не угадал, в реке он тебя не убьет, — сказал Арей.

Варвара вновь уставилась на бурундуков. Теперь в них появилось что-то надежно-успокаивающее. Улыбающиеся бурундуки на раскисшей, практически несуществующей коробке. Вот это по-нашему — улыбайся зубами, пока они есть, а когда нет — улыбайся деснами. И все будет хорошо.

Когда Варвара оторвала взгляд от бурундуков, барон мрака был окружен кольцом из семи теней. Тени держались за руки, но кольцо еще не сомкнулось.

— *Время вышло! Имя, Арей!* — потребовала седьмая тень.

Меча мечник не призывал. Он шагнул к Варваре. Теперь их разделяла только цепь призраков. Один из призраков полуобернулся. Варвара узнала его: это тот, в чьем пальце алой искрой дрожала самая большая боль на Земле. Он ее и убьет.

— Анзус, Гекар или Клосса... — твердо произнес Арей.

Седьмая тень нетерпеливо наклонилась к нему.

— *Попытка только одна! Который из трех убит безвинно?*

— Гекар! — крикнул Арей неожиданно скоро, быстрее, чем ожидали тени.

В тот же миг его взметнувшаяся нога толкнула Варвару в верхнюю часть груди. Варвара поняла только, что летит и врежется в воду плечами и затылком. Вначале она погрузилась и увидела покачивающиеся плети грязных водорослей, потом увидела свои колени, и лишь тогда ей стало холодно. Холод затекал в рукава, за ворот. Мгновенно охватил тело.

Она вынырнула, отплевывая воду. Рядом с ней, почти без брызг, в воду плюхнулось нечто черное. Добряк доплыл до Варвары, ткнулся в нее носом и поплыл к берегу, как бы подсказывая: поигрались, и достаточно. Пора сушиться. Варвара отбросила со лба мокрые волосы. На нее с берега смотрело лицо, лишенное черт. Седьмая тень.

— *Ты угадал, Арей, хотя и не был уверен! Ты сохранил ее! Прощай!.. Я ухожу! Эй вы, за мной!*

Седьмая тень рывком освободила руки, разорвав связь с другими тенями, и штопором вкрутилась в бетон причала. Шестеро с проклятиями исчезли следом. Когда они втянулись в бетон, на причале осталось лежать отрубленное лебединое крыло. Три крайних маховых пера сломались, на других были следы грязи. Страшное укоризненное крыло, как напрасно убитая птица, брошенная валяться в лесу. Арей мельком взглянул на него, хмыкнул и за шкуру выдернул из воды Добряка. Тому никак не удавалось выбраться на высокий причал, и он

просительно поскуливал. Потом точно так же выдернул из реки подплывшую Варвару, которая вместо благодарности попыталась укусить его за руку.

— Вот так всегда! Собаки не кусаются, а люди — да, — хмыкнул мечник.

Варвара стояла на причале и обтекала. Вода была везде, даже в ножнах потерянного тесака. Волосы липли к лицу. А тут еще Добряку вздумалось отряхнуться. Пес выглядел довольным. Пробежались, да еще и искупались — день прожит не зря. Начерно отряхнувшись, но все равно оставшись таким же грязным, пес невнимательно лизнул заднюю лапу, оглядел ее и счел туалет завершенным.

Варвара стучала зубами. Правое колено не слушалось: чашечка от холода ходила вверх-вниз. Она даже не знала, что так бывает. Арей внимательно оглядел ее. Варвара больше походила на мокрого щенка, чем на человека. Нелепая, с прилипшими к лицу волосами, тонконогая, дрожащая. Но вот ее эйдос сиял куда ярче, чем прежде. На него больно было смотреть. Граница, прежде точно скальпелем проведенная, чуть отодвинулась, и контур света охватывал темную сторону.

Потом она взглянула на Арея, и граница эйдоса вновь сдвинулась к мраку. Арей ощутил себя огромным магнитом, искажающим природный свет эйдосов. В первые дни, когда Варвара только попала к нему, свет ее эйдоса был ровнее. Сейчас же он хоть и вспыхивал порой ослепительнее, чем прежде, но ведь и лампа горит ярче перед тем, как перегореть. Права Мамзелькина. Будь ты неладна, негодная старуха!

— Чего вы на меня уставились? — трясась от холода, спросила Варвара.

Резкие осенние ветра выдували из нее жизнь.

— Идем! Думаю, кто-нибудь согласится уступить нам свою машину. — Арей повернулся и крупными шагами стал подниматься по ступенькам.

Две машины пришлось пропустить: у водителей были эйдосы, и Арей не имел над ними власти. Он мрачно смотрел, как они приближаются. Как страж мрака, он замечал не столько людей, сидевших за рулем, сколько то, что находилось у них в центре груди. Первая машина резко отвилась, когда он выступил на дорогу, негодующе загудела и пронеслась. Эйдос у ее хозяина был красный, раздраженный, как тлеющий огонек сигареты на ночном балконе. Данный гуманоид не желал пускать никого в свою улитку на колесиках, заработанную честным трудом.

Вторая машина начала притормаживать, в сомнении канючить поворотником, но в последний момент дернулась и проехала. Эйдос у ее водителя бледнел, мигал, трусливо переливался. Было заметно, что человек разрывается между желанием помочь и страхом запачкать сиденья. Если бы просто вымокшая девушка, а то мужик еще с ней здоровенный... ну их... влипнешь еще в историю... лучше проехать и забыть.

Третья машина — тяжелая фура — оказалась подходящей. У ее водителя эйдоса не было, и он послушно, как сомнамбула, стал подводить свой автомобиль к барону мрака. Арей уже приготовился вышвырнуть его из кабины, но в этот момент откуда-то сбоку непрошено вынырнула маленькая, в две двери, машиночка с сердобольной барышней, как-то углядевшей дрожащую Варвару. У барышни эйдос был. Мокрая Варвара, благодарно кивнув, скользнула за отодвинутое сиденье. За ней без смущения проследовал Добряк, мгновенно заполнивший собой всю машинку и дружелюбно вильнувший хвостом прямо по лицу барышни.

Арей влез третьим и, почти уткнувшись коленями в лобовое стекло, захлопнул дверь.

— Ну, поехали, раз такое дело! — сказал он.

Машинка тронулась, увозя барона мрака и его непутевую дочь.

Спереди сидела барышня с эйдосом, непрерывно трещащая и предлагавшая Варваре зеленку и валидол — все, что нашлось в ее давно раскуроченной аптечке. Печка работала на полную мощность. Варвара начала согреваться. Под ногами у нее, сжавшись до невозможности, лежал поскуливающий Добряк. Арей все хмыкал и, думая непонятно о чем, качал головой.

Глава 14. Двое

Человек чаще всего ощущает счастье постфактум. Может, мне когда-нибудь и глоток воды будет казаться счастьем, и досадно будет, что я так глупо, так впустую тратил жизнь.

Эссиорх

— У нас на работе одна женщина называла мужа «зайчик». И когда он приходил, ей все кричали: «Зайчик пришел!» — произнесла Бабаня, входя в комнату. В руках у нее была тарелка с рыбным филе.

Бабаня всегда появлялась с какой-нибудь фразой или историей. Просто так она еду не носила.

— Тогда уж припрыгал, если зайчик! — отозвалась Ирка, с тоской подумав, что уж ей-то так никто никогда не скажет. Ни зайчиков, ни кроликов, ни сусликов в ее жизни не будет. Ну и прекрасно! Обойдемся без зоопарка!

Бабаня поставила тарелку на стол, толкнув клавиатуру. На двери у Ирки висело зеркало. Возвращаясь, Бабаня повернула голову и строго посмотрела на свое отражение, точно спрашивала, как оно осмеливается быть таким возмутительно немолодым.

Ирка вспомнила, что, когда после аварии она лежала в хирургии, там тоже имелось зеркало. И вот однажды она слышала, как Бабаня сказала своему зеркальному двойнику: «Что смотришь? Жалко себя? Отныне твое «хочу» похоронено на Митинском кладбище!»

Что означала эта фраза, Ирка тогда не поняла, но запомнила и потом часто вертела, как ребус. Что за «хочу»? Почему на кладбище? Может, это относилось к тому инженеру с седыми висками, который ухаживал тогда за Бабаней? Или к мечте получить второе высшее образование? Или к чему-то еще? В любом случае «хочу» лежало в Митине, в кладбищенской глине, и его мочило дождями.

У маленьких детей и кошек есть любопытный способ сопротивления. Они становятся такими гибкими и расслабленными, что их невозможно держать. Внешне они будто и не вырываются, но точно вытекают из рук.

Примерно то же происходило теперь с Иркой. Она сопротивлялась жизни именно в таком провисающем стиле. Была ласкова и вежлива с Бабаней, с навещавшей ее Дафной, с Эссиорхом. Послушно пила лекарства, послушно заходила на два-три знакомых форума в Сети, но все делала машинально, выскальзывая. Даже читала машинально. Листала какую-нибудь совершенную муть или вяло выбирала изюминки хорошей прозы.

И Бабаня, и Дафна отлично это ощущали. Бабаня потому, чтобы была все-таки Бабаней, ну, а Дафна — светлым стражем, хотя и далеким от совершенства. Порой Бабаня и Дафна тревожно переглядывались. Обе ощущали близость бури, как опытный рыбак угадывает шторм в гладком утреннем море.

Антигон хотя и жил теперь у новой валькирии-одиночки Даши, к Ирке прибегал часто. И Даша тоже приходила несколько раз. Пугливая и робкая девчушка лет четырнадцати. Высокая, худая, с узкими плечами, буквально выпадавшими из ворота. С Бабаней она здоровалась столько раз, сколько ее видела, и всякий раз привставала с дивана. Под конец Бабаня со свойственным ей юмором стала заглядывать в комнату раз в две минуты и тоже всякий раз говорить «здрасьте!», стараясь успеть первой.

Когда они в первый раз увиделись, Ирка сразу уставилась на ее щеки. Ей интересно было — есть на них следы прыщей или нет. Прыщей не было, как и вообще ничего от жуткой корки, о которой упоминала Бэтла. Расшифровав ее взгляд, Даша смутилась и стала зачем-то дергать левый рукав.

— Все исчезло! Только у локтя осталась рытвинка... Глубокая. Как напоминание, — сбивчиво сказала она.

Дождливым утром Ирка сидела у компьютера спиной к двери, когда кто-то вошел в комнату. Не оборачиваясь, она безошибочно угадала — Эссиорх. Бабаня с обычными своими

тарелками и лекарствами всегда толкала дверь локтем, по опыту зная точку, куда надо ткнуть, чтобы разошедшаяся створка открылась без прикосновения к ручке. Меф топал в коридоре и, разуваясь, чуть подбрасывал кроссовки вверх, так что они отчетливо ударялись об пол. Даф вежливо покашливала. А Антигон с ходу начинал ворчать. Только Эссиорх мог стоять и смотреть.

— Все-таки мне хотелось бы понять, почему все случилось именно так? — спросила Ирка.

Смотреть на Эссиорха она избегала. Уставилась на мерцающую полосу баннеров на мониторе. На крайнем баннере телезвезда целовалась с жутким уродцем с вытянутыми гоблинскими ушами. Ирка смотрела на эти уши, и ей казалось, что они шевелятся.

— На тебя напали стражи мрака. Им нужно было крыло. Как валькирия ты убита. Как лебедь тоже. Гелата воспользовалась последней жизнью и вытянула тебя, — терпеливо ответил Эссиорх.

— Я знаю! — нетерпеливо сказала Ирка. — Меня интересует другое. За несколько часов до того, как меня убили, я мысленно отреклась! Не захотела быть валькирией. С очень большой силой не захотела.

Эссиорх молчал.

— Такое ощущение, что вначале я отреклась от света, а потом уже пришел мрак... Понимаешь? Получается, мрак был послан абсолютным светом, который знал все заранее? Нелепость!

— Нет, — уверенно сказал Эссиорх. — Свет ничего не посылал.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, и все. Тут закон замещения. Пустоты не существует. Гаснет солнце — приходит ночь. Из чашки уходит кофе — приходит воздух. Ты выгнала из своего сердца валькирию, и вот ты больше не валькирия. Обстоятельства — это частности!

Ирка швырнула ему в лицо компьютерную мышь. Мышь немного не долетела до Эссиорха и повисла на проводе.

— Недолет! — спокойно прокомментировал Эссиорх. — Я думал, ты поняла все давно. Это основа остального. Нельзя дать ничего стоящего тому, кто не отказался от всего. Или отказался, а потом раздумал и дал задний ход.

— Почему? — Ирка внезапно успокоилась. Стала холодной, как покойник в гробу.

— Потому, что иначе он не донесет. А очень важно, чтобы донес.

— Ну да! — сказала Ирка сухо. — Кодекс валькирий. Сто раз слышала. Никто не даст трехлетнему ребенку банку с рыбками, потому что он ее грохнет. А если и не грохнет, подойдет кто-то старше и хитрее и променяет на камень, завернутый в фантик от конфетки.

— Совершенно верно, — делая вид, что не замечает скачков ее голоса, подтвердил Эссиорх.

— А — зачем — было — отнимать — у меня — ноги? — ворочая слова, как камни, спросила Ирка.

Это был самый страшный вопрос. Тот, что грыз ее постоянно, не отпуская ни на минуту.

Эссиорх поймал ее негодующие глаза и удерживал их, твердо зная, что разрывать взгляд сейчас нельзя.

— Не знаю, — ответил он тихо, но отчетливо. — Или ноги были частью валькирии, такой же, как копье и шлем, и тогда тебя просто вернули в исходное состояние. Или болезнь — часть пути твоего эйдоса, который только в больном или страдающем теле может полыхать, не подергиваясь жирком. Или от тебя ждут чего-то... сам не знаю чего... Правда, не знаю.

— Всего хорошего! Приятно было увидеться! — холодно произнесла Ирка.

— Все хорошо! — Эссиорх ободряюще кивнул ей и ушел.

Ирка услышала, как на улице заводится его мотоцикл. И только когда Эссиорх уехал, Ирка поняла, что умный хранитель, по сути, вернул ей ее собственные слова, только с

другим смыслом. Ее «всего хорошего» превратилось во «все хорошо».

После обеда дождь прекратился. Над домами перекинулась радуга. Дома оказались в сияющей арке, и сразу зажглись, загорелись листья.

Бабаня прилипла к окну.

— Странно. Я только что говорила с заказчицей. Она тут недалеко живет, а у них проливной дождь, — удивленно сказала она.

«Эссиорх!» — сразу определила Ирка и попросила Бабаню спустить ее на улицу.

Тяжелую коляску Бабаня привычно толкала бедром, позволяя ей скатываться и ловко разворачивая на площадках. При достаточном опыте даже холодильники можно втаскивать на двадцатый этаж, опыт же у Бабани был не просто достаточный, а колоссальный.

Оставив Ирку во дворе, Бабаня решила сбегать в магазин.

— Может, ты со мной?

— Не хочу. Я здесь подожду. Ирка поехала по двору. В детстве он казался ей огромным. Теперь она ясно видела, что дворик-то, в общем, небольшой. Футбольное поле с разодранной сеткой, детская площадка, четырехугольник домов, несколько случайных деревьев.

— Сейчас я закрою глаза, а когда открою, все окажется сном! Я окажусь в вагончике в Сокольниках, рядом будет ворчать Антигон... А потом придет Бэтла... да, Бэтла, — сказала себе Ирка, с полной убежденностью, что все так и будет.

Она закрыла глаза, сильно закрыла, до боли, а когда распахнула их, то снова увидела четырехугольник домов и свежепокрашенную детскую площадку со скрипучими качелями.

И снова к Ирке подошла тоска и холодными, как троллейбусные поручни, пальцами взяла ее за горло.

Ирке захотелось заорать так, чтобы люди выглядывали в окна. А потом кто-нибудь позвонил бы, и ее увезли бы в психушку. И пусть она разлетится осколками, как стеклянная ваза. Безумие было рядом, похожее на старуху с зубами из разноцветного фарфора. Один зуб синий, другой красный, третий зеленый. И все треугольные.

«Нет! — сказала она себе. — Успокойся! Надо не так! Надо ничего не желать, и тогда любое счастье станет подарком. Луч солнца, желтый лист, проклюнувшийся в цветочном горшке росток — все».

«Подумаешь, росток! — заспорил в ней другой голос. — У тебя было копьё валькирии, возможность телепортировать куда угодно, хоть на океанский берег, а что у тебя есть сейчас? Две руки и два колеса?»

Ирка отогнала этот голос, не исключая, что это опять брызги расплавленного комиссионера. Мало ли их она в свое время пригвоздила копьем?

«Перестань! Не думай о том, что было! Значит, так повернула дорога. Бывает дождь, а бывает солнце. Когда вокруг серо, безнадежно, пусто, хочется уткнуться лицом и лежать, тогда надо просто идти. Можно считать шаги, можно не считать. Надо просто идти! И мыслить не годами, которые кажутся бесконечными, а днями...»

«Ага, днями! Тело на тележке! Пошевели хоть пальцем ноги!» — улюлюкал осколок расплавленного комиссионера.

Ирка уже поняла, что отвечать ему бесполезно. Все равно не замолчит. Надо думать что-то свое. И стала думать, что клавиатуру, на которой печатает, она зальет чаем и выкинет через год. Пижама пойдет на тряпки гораздо быстрее. Бабаня слишком много рвения вкладывает в отбеливание. Ею будут месяца полтора вытирать пол, а потом она окажется в ведре. Ручки, тетради, предметы, которые на столе — все исчезнет быстрее. Пройдет время, и мое тело где-нибудь упадет и останется лежать. И ему будет безразлично, что на него садятся мухи. Его запакуют в ящик, оно окажется такой же фальшью, как эта ручка, или клавиатура, или пижама. Здесь тупик. Здесь искать бесполезно.

«Правда не здесь, а в той искре разума, сердца, воли, которая единственная является вечной. В том, что не потребится. Мне срочно нужен жизненный принцип. Простой и ясный. Что-то, что вписывается в два, максимум три слова. Все, что длиннее — на жизненный

принцип не тянет. Какой же это будет принцип?»

Внедорожник влетел во двор и, громыхая музыкой, стал замыкать круг вокруг катка. Снижать скорость он явно не собирался. Ирка, только что объехавшая двор, видела, что за поворотом гуляют дети. Не раздумывая, она толкнула идущие вдоль колес обода. Подпрыгнула на бровке и, едва усидев в кресле, двумя руками рванула левое колесо, твердо развернув коляску навстречу машине.

Визг тормозов. Запоздалый гудок. Коляску несильно толкнуло бампером в колесо. Ирка не пострадала. Только на мгновение испугалась, что коляска опрокинется, и она окажется на асфальте, беспомощная, как перевернутая черепаха. Но коляска была тяжелая и устояла, только отъехала на полметра.

Из внедорожника выскочило взбудораженное нечто в синей дутой куртке. Замахало руками, заматерилось, подбегая. Ирка спокойно ждала, глядя туда, где у «нечта» располагались глаза. Что-то шло не по сценарию. «Нечто» не поняло, что его не боятся. Смутившись, синяя протоплазма вползла назад в джип и торопливо включила **заднюю** передачу. Ирка не удивилась. Она почему-то знала, что все так и будет.

«Люби и защищай?» или «Люби всех, кроме себя?» — подумала Ирка.

— Ты осталась валькирией, — произнес кто-то за ее спиной.

Ирка нетерпеливо дернулась в одну сторону, в другую. Спинка коляски мешала увидеть. Тогда она потянула левый обод коляски и развернула ее.

Багров сидел на дутой сваренной трубе — маленьком шлагбауме, которым отставной подполковник с третьего этажа оберегал закуток для своего «Форда». Матвей похудел и выглядел, мягко скажем, нестерильным. Во всяком случае, осторожные мамы с детишками обходили его по дуге.

— А если бы... — начала Ирка.

— Он не успел бы даже коснуться тебя. Я был рядом. Мне было важно, чтобы это стало твоей победой, — сказал Матвей.

Ирка хотела спросить его совсем о другом.

— А если бы все-таки... — попыталась пробиться она.

— Я вообще всегда был рядом. И всегда буду!

Глава 15. Причал для бумажного кораблика

Ханжество — это когда говоришь правильные вещи, не подключая голову и не касаясь их сердцем. Доспехи из ханжества самые прочные. Их невозможно пробить. Хуже ханжества ничего нет.

Книга Света

Продавщица с ужасом смотрела на взъерошенного молодого человека, держащего в руках здоровенную куклу. В магазине-стекляшке она была одна, и ей в голову лезли всякие нехорошие мысли о наркоманах, которые могут загрызть за несколько десятков. Рядом со взъерошенным молодым человеком переминался здоровенный лоб со щенячьим лицом, могучие плечи которого перегораживали дверной проем.

— Девушка, ау! У вас селедка эсэсовская есть? — сердито спросил взъерошенный.

— Какая? — испугалась продавщица.

— Ну эс-эс? Слабосоленая! — пояснил взъерошенный, нежно постукивая головой куклы о прилавок.

— Н-нету.

— Тогда гоните торт!

— А деньги? — робко спросила продавщица.

Напоминание о деньгах взъерошенному не понравилось. Брови у него встали торчком, как ежиные иголки.

— Н-но! Я забыл бумажник в лимузине! — сказал он, поворачиваясь к своему

спутнику. — Мошкин, плати! Подчеркиваю: все налапопам. Мне чужого не надо!

Здоровенный лоб вздохнул и, томясь, послушно заплатил. За годы их знакомства таких «налапопамов» набралось столько, что хватило бы на авиабилет до Гаити.

— Умница! Так держать! — одобрил коротенький. — И не чихай на меня вирусом жадности! Не люблю!

— Я не чихаю!

— А я говорю: чихаешь! И не спорь, а то врублю внутреннего хохла — пожалеешь!

Дождавшись, пока торт завяжут бечевкой, Чимоданов взял его под мышку, а Зудуку, схватив за ногу, перекинул через плечо.

— Пошли! — велел он Мошкину. — Чего на тетю смотришь? Сдачи ждешь или влюбился?

Мошкин, задохнувшись, замахнулся на него, задев колокольчики счастья, которые, по секретной директиве Лигула, вводил в моду еще Арей и которые теперь его усилиями висят почти во всех ночных магазинах и гостиницах. Суть этих колокольчиков состоит в немедленном вызове дежурных комиссионеров и суккубов и, следовательно, более равномерном распределении их по планете.

В доме, куда их по большому секрету пригласила Ната Вихрова, лифт внушил себе, что ему пора на ремонт, о чем и вывесил табличку. Мошкин и Чимоданов потопали по лестнице. Им надо было на двенадцатый, но уже на седьмом этаже Чимоданов уселся на ступеньки, открыл коробку и руками стал пожирать торт.

— Все! Баста! Я не нанимался таскать тяжести на такую высоту! — заявил он.

Евгеша Мошкин с ужасом уставился на его покрытые кремом пальцы.

— Ты озверел? Это же подарок от нас двоих, да?

— Подчеркиваю: по барабану! — Чимоданов вытер пальцы о штаны. — Ели бы мы его вместе, так? То есть Вихрова сожрала бы где-то третью часть? Вот я ей и оставлю ее треть!

Мошкин сдался.

— А что? Она тут живет одна, да? — спросил он.

— Ну типа да, — равнодушно отозвался Чимоданов.

— У нее своя квартира в Москве, да?

— У Наты? Ага, шаз! Дядька уехал на Кавказ, а ее оставил гулять с собакой. — Петруччо протянул Мошкину коробку. Тот помялся, повздыхал, но тоже отломил кусок. Закончилось все тем, что Вихровой осталась одна коробка.

— Она и так заелась! А в коробку можно ботинки класть. Коробка полезнее торта тем, что никогда не портится! — сказал добрый дядя Чимоданов.

Мошкин посмотрел на шахту лифта, и его потянуло на откровенность, хотя Чимоданов был кандидатурой наименее подходящей.

— Издеваться будешь? — спросил Евгеша.

Чимоданов вопросительно вскинул брови.

— Кто? Я? Да за кого ты меня принимаешь?

— Значит, будешь! — сказал Мошкин. Впервые он произнес что-то уверенно. — Когда я был подростком, мы с Петькой и Толиком бегали по подъездам. Поджигали газеты в почтовых ящиках и мочились в лифте, стараясь попасть в щель между дверями. Или сбрасывали с верхнего этажа бутылки... Они в пыль рассыпаются, знаешь?

— И ты тоже, что ли, мочился? — Чимоданов выбрал слово сильнее, но сознание Мошкина предпочло цензурированную версию.

— Нет, конечно, — произнес Евгеша в ужасе. — Но я старался быть таким же, как они, чтобы быть с ними, понимаешь?

Чимоданов в психологии не ковырялся.

— А мы лом как-то скинули. Так он машину просадил и в асфальте застрял. Нас попалили, и парень, который лом кинул, на хорошие деньги попал... Подчеркиваю: славные были времена!.. А вообще прикольная история с лифтом! Надо будет Мефу рассказать! Куда, ты говоришь, вы гадили? — подмигивая, спросил он у Евгеша.

Мошкин прикусил язык. Он уже трижды пожалел, что стал откровенничать с Чимодановым. Он ведь и раньше знал за ним эту черту. Если твой друг выбалтывает тебе секреты других своих друзей, значит, и твои секреты разбалтывает им. А раз так, может, не стоит выводить язычок на прогулку из-за зубного забора?

Вихровой они позвонили еще снизу, не зная, что лифт сломан, поэтому, когда они наконец поднялись, Ната стояла на пороге и ждала. Выражение лица у нее было типично вихровское: «Только случайно не подумайте, что вы мне нужны! Или что я кому-то рада!»

— Чего так долго? — поинтересовалась она хмуро.

— А фиг ли было на крышу лезть? — отозвался Чимоданов, оглядываясь на лестницу, где Мошкин забивал пустую коробку из-под торта в мусоропровод.

— Пес не укусит? — мнительно крикнул он.

— Уже не укусит, — пообещала Вихрова. Мошкин с облегчением вздохнул.

— Почему «уже»?

— Сбежал в первый же вечер, — ответила Ната равнодушно. — На пятнадцать минут оставила его у магазина. Ну максимум на полчаса, потому что через час я точно о нем вспомнила. Такси ловила для сволочи такой! Не мог дожидаться!

— А что дядька? Ему грустно, да? — спросил Мошкин.

— Он еще не знает. Торчит на Кавказе, ломает шашлык и достает меня смсками: «Не скучает ли Терри?» Ути-пути, какие мы заботливые!

— А ты что?

Вихрова дернула подбородком.

— Отвечаю, что Терри никогда в жизни так не веселился... Ничего: лопать захочет — прибежит.

— И давно он жрать хочет? — поинтересовался Чимоданов.

Оказалось, что две недели.

— И все! Слышать больше не хочу про эту собаку. Ее проблемы, что она оказалась такая тупая! — заявила Ната.

Квартира у вихровского дядьки оказалась немаленькая. Четыре комнаты, под завязку забитые всевозможным барахлом. Дядька был человек бережливый. Покупая, к примеру, телевизор, он обязательно сохранял от него коробку и помещал ее на специальный стеллаж, наклеивая желтую бумажку: **«коробка от телевизора марки Мылипс, производство: Тайвань. Дата приобретения такая-то»**. За много лет таких коробок накопилось около сотни. Была туг и **«упаковка от магнитофона, сданного в ремонт 10 июля»**, и аккуратно сложенный картон от стиралки, и целые залежи пенопласта непонятно уже от чего.

Кратковременно заблудившись между коробками, Чимоданов наконец пробился к окну. За окном лежал плоский овал хоккейной коробки, на которой три бывших футболиста пили из горла портвейн. Подробности Петруччо увидел еще внизу, потому что отсюда, сверху детали не просматривались, и футболисты были не футболисты, а какие-то кызюки.

На батарее висела очередная желтая бумажка, сообщавшая: **«Батарее руками не трогать! Это не деспотизм! Это в ваших интересах!»**

Почему нельзя трогать батарею, Чимоданов не понял. Потрогал — и ничего. Ради любопытства намочил руку из цветочной лейки, снова потрогал, и опять ничего.

— А ты свет включи! — посоветовала Вихрова и тотчас, не дожидаясь Петруччо, сделала это сама.

Чимоданова шарахнуло током, причем так, что он сел на пол.

— Озверела? Словами нельзя было? — заорал он.

— Словами ты бы не поверил. Ты же Чимоданов! — вздохнула Вихрова.

Петруччо хмыкнул. Наэлектризованные волосы стояли дыбом.

— А где большой секрет? — спросил он.

— Большой секрет там! За мной, мальчики! Если кто-нибудь скажет, что этот секрет маленький, я съем свои уши! — Вихрова распахнула дверь в соседнюю комнату.

На диване сидела Прасковья, одетая в старый мужской свитер, закрывавший ноги до

колен. Свитер был прокурен и принадлежал, вероятно, все тому же вихровскому дяде. Зигя устроился на ковре и, от усердия высунув язык, ножницами вырезал из книжки с картинками зверушек. Ногти у него были разрисованы черным маркером. На Зиге была безразмерная черная майка с надписью: **«Моя мама — лучшая на свете!»**

— И давно они здесь? — поинтересовался Чимоданов.

Прасковья взглянула на Ромасюсика, и тот стал разевать рот, как рыба в аквариуме:

— *С тех пор, как сгорели мои шлепки!*

О том, что вместе с шлепками сгорела гостиница, она забыла. Это были мелочи. Да и вообще вредительство Прасковьи часто бывало самое детское, неосмысленное, как у человека, начисто не понимающего, что такое зло и где начинается его царство. Свет — это в определенном смысле границы, зло же — дурная бесконечность.

Евгеше неожиданно вспомнилось, что недавно Дафна говорила при нем с Мефом о Прасковье. О том, что хорошо бы ее найти. Он решил потихоньку позвонить Дафне и вышел в соседнюю комнату.

Мошкин уже поднес трубку к уху, когда рядом вырос Ромасюсик.

— *Кому ты звонишь?*

— Маме, — с испугом соврал Мошкин.

У Ромасюсика из носа вылезла оса. Засахаренные глаза подозрительно таращились на Евгешу. Мошкин никогда не думал, что ходячая шоколадка может быть так страшна.

— Не надо звонить маме! Дай сюда! — Ромасюсик потянулся за мобильником.

Евгеша с перепугу почти отдал телефон, но, на его счастье, Прасковье потребовалось что-то сказать, а ее «говорилки» рядом не оказалось.

— *Роа-а-асю..ик!* — нетерпеливо и невнятно, точно дикий ворон, повторяющий человеческую речь, крикнула она.

Шоколадный юноша застыл, развернулся как робот и ушел, оставив телефон у Мошкина. Тот спешно позвонил Дафне.

— Я нашел Прасковью! Она у дяди Наты Вихровой! — шепнул он и, торопливо удалив звонок из журнала звонков, вызвал маму, сразу нажав «отбой».

Когда Мошкин вернулся в соседнюю комнату, Ната развлекалась тем, что строила глазки «громильному» телу Пуфса. Дар очаровывать она потеряла, но потребность осталась. Тело отупело разглядывало ее, грызло ногти, скребло ручищей под мышками и лишь под конец ухмыльнулось.

— Тетя, ни кивайся! Купи мне морожено! — попросил Зигя.

— Я тебе хотя бы нравлюсь? — спросила Ната. Зигя закивал. Прасковья улыбнулась.

— *А Чимоданов?* — голосом Ромасюсика спросила она.

Зигя вскочил и закивал так сильно, что едва не потерял голову.

— *Зигя обожает. Чимоданова. Он его кумир. Зигя без него тоскует, как Шерочка без Машерочки!* — улыбаясь, пояснила Прасковья.

— Почему?

— *Они когда-то петарды взрывали, а Зигя таких вещей не забывает.*

— Не петарды мы взрывали... Уроды! Селитру перестали продавать. Азота нормального фиг достанешь! — проворчал Чимоданов.

Мошкин хмыкнул. Он знал, с кем они имеют дело. Хочешь устроить вредительство — помести в учебник химии способ самостоятельного изготовления бомбы и напиши, что этого делать ни в коем случае нельзя. Только обязательно крупно напиши НЕЛЬЗЯ, иначе чимодановы такой абзац и читать не будут.

Пошатавшись по комнатам, они оказались в центре общеквартирного притяжения — на кухне. Здесь Чимоданов заинтересовался холодильником, но, увы, после двухнедельного пребывания Вихровой в доме в холодильнике остался только холод. Мошкин обнаружил над раковиной электрический котел, висевший выше уровня головы. В Евгеше разыгрался экспериментатор. Он попытался потрогать котел ногой и одним ударом отшиб котел от стены.

Если бы это сделал Буслаев, обожавший колотить ногами по всему высоко висящему,

Ната и не почесалась бы. Но Мошкин! Смирный Евгеша!

— Может, в психушку его сдать? — предложила Вихрова.

Ромасюсик прищелкнул языком.

— Не прокатит! Психушка — место для тех, кто тронулся слегка. Такие, как наш Ев-гэ-шэч-кя, работают там не меньше чем докторами! — произнес он с той невероятной ядовитостью, какая встречается только у старых дев и изредка у учителей маловажных предметов.

Чимоданову безо всякого повода стало весело (*ударение на «о»*). Он вышел на балкон, перекидал вниз лыжные палки и гантели, а потом сделал на перилах стойку на руках.

— а-а-а-А! — заорал он. — Меня прет от осени, таланта и прочих гормонов!

«Прущегося» от осени мальчика Петю утащили в комнату и, чтобы он игрался тихо, дали ему вальтер без патронов, случайно оказавшийся в рюкзаке у Ромасюсика.

Остальные засели играть в карты и тотчас пожалели об этом. Когда Прасковья проигрывала, у всех начинала дико болеть голова, а обои в комнате загорались. Приходилось, постанывая, бегать с кастрюлей и гасить огонь. Переглянувшись, все стали незаметно спускать козырные карты под стол, но это оказалось только хуже. Выигрывая, Прасковья обзывала всех и хохотала. Вскоре в квартире не осталось ни одного целого стекла. Даже темные очки, которые вздумал нацепить Чимоданов, и те треснули.

Потыкавшись в поисках темы, все стали сплетничать о Мефе. Учítывая, что Меф отсутствовал, сплетничать было удобно. Ромасюсик отзывался о Мефе двояко: как голос Прасковьи, он считал, что Меф лапочка, а как Ромасюсик — поливал его грязью. Петруччо считал, что Меф «ничо», хотя и ляпнул о нем пару фраз на грани фола. Ну Чимоданов, он Чимоданов и есть. Черный юмор окрашиванию не подлежит.

Ната же, виртуозно передразнивая и подделываясь под интонацию Буслаева, разделала его в пух и прах. При этом если Ромасюсик был просто злобен, то Ната держалась рядом с правдой и потому казалась особенно убедительной. Пораженный Мошкин наблюдал, как свободная валентность лжи присоединяет к себе все правды подряд, искажая их до неузнаваемости.

Сам Евгеша помалкивал, но слушал жадно. Всякий раз, как при нем ругали кого-то из его друзей, он испытывал сложное чувство — с одной стороны, тайное захлебывающееся удовольствие, а с другой — смутное омерзение, ощущение чего-то скверного и липкого.

Прасковья сорвалась со стула и застыла, напряженно прислушиваясь.

— *Дверь!* — тарашась засахаренными глазами, крикнул Ромасюсик.

— Ща закрою! — лениво отозвался Чимоданов, выглядывая в коридор.

Закрывать было нечего. Все, что осталось от входной двери, можно было смести веником в совок. Между вешалкой и комнатой покачивалось нечто полупрозрачное.

— Меня зовут Эйшобан. Я король джиннов! Я найду тебе все, что ты пожелаешь! Но горе, если ты не захочешь этого взять!

Чимоданов желать ничего не стал и попятился. Джинн втек за ним и в комнате еще раз объяснил всем и каждому, что он Эйшобан и должность у него ответственная — король джиннов. Голос Эйшобана звучал бодро. Джинн вполне восстановился после встречи с семьей тенями.

— *А я Прасковья! Наследница мрака!* — пискнул Ромасюсик и поперхнулся осой.

Эйшобан с подозрением оглянулся. «Наследница мрака» больше походила на толстого юношу в безразмерных штанах, с пористой шоколадной кожей.

— Очень, очень рад!.. — сказал он уклончиво. — Я найду тебе все, что ты пожелаешь! Но горе, если ты не захочешь этого взять!

— *Найди мне Мефодия Буслаева, и я захочу его взять!* — потребовал Ромасюсик, морщась с величайшим омерзением, потому что Прасковья не успела заблокировать мышцы его лица.

Эйшобан не стал выяснять, как выглядит Мефодий Буслаев. Все знать входит в обязанность джиннов. Напротив, не знать чего-то считается у джиннов величайшим позором.

Эйшобан посмотрел в одну сторону, в другую, зачем-то посплюснул прозрачный пальчик и бодро доложил:

— Триста метров на запад!.. — пауза. — Четыреста метров на юг! — пауза. — Триста метров на восток! Двести метров на север!

— *Как он может быть сразу на севере и на юге?*

— Может! Мефодий... дальше как?.. Буслаев? едет вокруг дома! В такси! — доложил король джиннов.

— Один? — спросила Ната.

— С ним — девушка-страж с невидимыми крыльями и... — Эйшобан наклонился, разглядывая что-то, и озабоченно добавил: — ... некромаг! А этому чего тут надо?

* * *

Когда человеку плохо, он может: а) испортить всем настроение; б) поплакаться кому-нибудь в жилетку; в) залечь на дно; г) сделать себе еще больнее, затмив старую боль новой; д) прикинуться, что ничего не произошло.

Ранев Троила, Мефодий выбрал средний вариант между в) и д). Он вернулся в университет и ходил на химию, после чего поехал домой, но не в общежитие озеленителей, а к матери. Показываться на глаза Дафне было сейчас слишком больно. Он не представлял, что ей скажет.

По дороге Меф встретил двух однокурсников, которые случайно утопили в банке с пивом окурки, и теперь шатались по корпусу и искали кого угостить, потому что выливать было жалко. Один был юное дарование и победитель городских олимпиад, а другой просто дарование, поскольку поступил в универ после армии, с третьей попытки.

Меф пить дальновидно не стал, усмотрев в щедрости подвох, но от предложения пошататься не отказался. В результате три часа спустя юное дарование, оказавшееся слабеньким, было бережно посажено на лавочку у остановки. Просто дарование — не юное — вытащило у него кошелек, паспорт и телефон и отдало их на хранение Буслаеву.

— Завтра ему отдашь! А то сопрут! — со знанием дела сказала дарование, со второй попытки бодренько забираясь в автобус.

— Эй, а что мне с этим делать? — заорал Меф.

— Ничего! Скоро прочухается! Только смотри, чтоб он сидел, а не лежал, а то менты загребнут! — крикнул из отъезжающего автобуса заботливый товарищ.

Меф придал заваливающемуся телу вертикальное положение. Тело шевельнулось и, не открывая глаз, ясно произнесло:

— Молекулярный синтез — будущее человечества! Ты меня понял или тебе в рожу дать?

— Понял и разделяю твою точку зрения. — Буслаев бережно поправил на юном даровании шапку и, убедившись, что на них никто не смотрит, телепортировал. Сам Меф пил мало, но все же с телепортацией перемудрил. Вместо площадки у лифта, где он мог, притворяясь усталым студентом, открыть дверь своим ключом, сразу оказался в комнате рядом с Эдей. В другое время Хаврон закатал бы по этому поводу истерику, но сейчас он лишь дрогнул бровью, и этим все ограничилось.

Эде было не до Мефа. Опустившись на четвереньки, Хаврон, как пес над костью, склонился над лежащим на ковре стеклянным шаром. В двухэтажном коттедже горели окна. Женщина с ногами балерины целовала полноватого крепыша в спортивном костюме, в котором угадывался сам Э-Ха. У спортивной машины прохаживалась русская борзая.

— Дай посмотреть! — Меф потянулся к шару. Щелкнули зубы. Меф едва успел отдернуть руку.

Нет, укусить его пыталась не горбатая собака, заключенная в шаре, а его родной дядя.

— Не трогай мое счастье! — зарычал Хаврон. Меф с сомнением посмотрел на Эдю. Дядя был

небрит. Даже шея, и та заросла. Глаза в сетке красных жилок. На счастливого человека он походил мало.

— Вампир Вурдалакович Упырев, сетевой распространитель томатного сока! — заявил Меф.

В другой раз Эдя сразу понял бы, о чем речь, но не сейчас. Вся душа его была в шаре.

— Это кто?

— Ты, — сказал Меф и пошел на кухню к матери. Зозо сидела за столом и, разглядывая свое отражение в чашке с чаем, поправляла волосы. Отца дома не было.

— Он пошел за цветами! — краснея, объяснила Зозо.

Меф огляделся. Цветы стояли повсюду — в стаканах, в мойке, в кастрюлях и даже в чайнике.

— Не пора притормозить? — осторожно спросил Меф.

— А как же тогда он будет показывать свою любовь? — удивилась Зозо и тут же, без перехода, продолжала:

— Твой дядя чокнулся! Говорит, что, если он будет упорно смотреть в свою стекляшку, шар лопнет и все эти глюки станут правдой. Он называет это визуализацией счастья.

— Э-э... — осторожно протянул Меф. — А ты сама заглядывала в шар?

Зозо смутилась.

— Ну да! Мы с твоим папой заглядывали! Сейчас он его и в душ таскает, а в первые дни не таскал!.. И списки невест все порвал! А какие были списки! Игорь рыдал и плакал!

Меф попытался представить себе своего отца рыдающим, и у него заклинило воображение.

— И что вы там видели?

— Да то же, что и все! Дом, собака, машина! Странная девица, у которой нельзя разглядеть лица... То боком стоит, то отвернется... — Зозо не выдержала и плюнула в чай.

— Странно! — признал Меф. — А что за девушка? Не Аня?

— Я, конечно, не анатом, но все-таки у Ани не такие ноги! — сказала Зозо громко, чтобы было слышно в комнате.

Меф попрощался с матерью, крикнул дяде «пока!», на которое тот не отозвался, и ушел. У подъезда он встретил отца, который стоял и, обнимая цветущее тропическое растение в горшке, рассказывал Дафне, как сильно любит свою жену. Дафна слушала его с понимающим лицом, параллельно пытаясь врезать локтем по рюкзаку, в котором Депресняк творил безобразия.

Меф остановился рядом, переминаясь с ноги на ногу. С отцом он всегда испытывал сложные чувства. И смущение, и напряжение, и легкий стыд, и постоянное ожидание, что отец чего-нибудь такое ляпнет.

— О! Сын! Как учеба? — В попытке обнять его Игорь Буслаев взмахнул тропическим растением.

— Лучше не бывает, — отозвался Меф. Тут же спохватился, что звучит грубо, и уточнил: — Согласно учебному плану.

Игорь Буслаев ущипнул его за щеку. — В тебе кипят мои гены! Твоя мать, хоть и королева моего сердца, все же, прости меня, недалекая женщина! Вы меня понимаете, Дашенька! Вы же тоже не ангел во плоти!

Дафна воздержалась от ответа, чтобы не рисковать перьями. Меф засопел.

— Ну-ну, мальчик! Я всегда говорю правду, оттого у меня и столько завистников!.. Кстати, мне нравится твоя девушка! В ней есть полет!.. Только не спешите с внуками! Я не готов быть дедом еще лет тридцать! Ну прощайте, батенька, мне пора!

Игорь Буслаев еще раз взмахнул цветком и отправился на штурм подъезда. Сделав пару шагов, вернулся, обнюхал губы Мефа и таинственным шепотом сказал:

— Сын мой Пушкин, послушай старика Державина! Никогда не мешай горячительные напитки! Литература не переносит коктейля жанров!

Дверь подъезда закрылась за великим человеком.

— Я его не выношу! — сказал Меф.

— Ну и напрасно, — отозвалась Даф. — Он хороший.

— КТО? МОЙ ОТЕЦ?

— Да. Твой отец.

— А зачем тогда все эти фокусы? Даф засмеялась.

— Хочешь сказать, ты сам не такой? Представь, ты сидишь в гостях, где на тебя все смотрят, как на больного, который вот-вот выльет чашку себе на голову. Что ты сделаешь?

— Вылью чашку себе на голову, — подумав, согласился Меф.

— Тогда чего же ты ждешь от отца?

— Ничего, — буркнул Меф и тут же без всякой подготовки выпалил: — Я сегодня видел Троила и... ударил его мечом!

Зрачки у Дафны сузились и сразу расширились.

— Рана серьезная. Меч... я почувствовал, вошел глубоко. Изгибался внутри... Он и с Багровым тогда так сделал, но у того-то нет сердца, — поспешно продолжал Меф.

Дафна зачем-то оглянулась. За выпотрошенной телефонной будкой стоял Матвей Багров. Перед ним в коляске сидела Ирка в дутой осенней куртке. Куртка была синяя, а шапка до ослепительности красная — такая яркая, что истомленный московской тусклостью цветов, изголодавшийся по краскам взгляд сразу к ней потянулся.

— О, Ир! Привет! Как ты? — крикнул Меф тем бодрым голосом, которым говорят с людьми, на которых неловко смотреть.

Ирка помахала Мефу рукой. Она была такая бодрая, что с лица Мефа мгновенно исчезло преувеличенно приветливое выражение. Лицо стало обычным упрямо-буслаевским. Главный плюс дружбы с действительно несчастными людьми в том, что рядом с ними невозможно притворяться несчастеньким.

— Она прекрасно! Лучше, чем ты! — с вызовом отозвался Багров.

— Не заводишь! — сказал Меф миролюбиво, заранее зная, что Багров начнет нарываться до бесконечности.

У Дафны зазвонил телефон. Она поднесла трубку к уху. Трубка что-то торопливо шепнула и выключилась.

— Снова Евгеша! Он нашел Прасковью! А теперь там еще и джинн!.. — сказала Дафна взволнованно.

— Телепортируем?

— Нет. Рядом с джинном всегда сильные помехи: нарвемся!

До дома Наты они добрались без телепортации, на машине. Их вез бомбила — парень из Средней Азии. Ирку посадили на заднее сиденье. Коляску забросили на верхний багажник и примотали веревкой. Она оказалась такой тяжелой, что Меф с Багровым грузили ее вдвоем. До этого случая Меф понятия не имел, что инвалидные коляски такие тяжелые.

— А крышу не продавит? — поинтересовался он. Бомбила замахал руками.

— Какой продавит? Доска возил, холодильник возил, велосипед возил! Теперь скажу: коляска тоже возил!

— А почему джинны так боятся некромагов? Вроде как они не мертвяки? — спросил Меф, когда они выгрузились у подъезда Наты.

— Точно не помню. Кажется, у нас с ними одна магическая природа, — отозвался Багров.

— С мертвяками? — не удержался Буслаев.

— С некромагами. Просто у нас она более сгущенная... Короче, запоминай; два некромага сильнее восьми джиннов, но четыре джинна сильнее шести некромагов. Семь некромагов сильнее тридцати джиннов, но слабее двадцати девяти джиннов и одной бешеной бабочки.

У Мефа извилины завязались морским узлом.

— Кувшин у тебя? — спросил Багров. Мефодий повернулся к нему спиной, и Матвей вытащил у него из рюкзака кувшин. Багров со знанием дела оглядел его, потрогал пальцем ровный срез горлышка, хмыкнул и сунул под куртку. Потом подошел к урне и, наклонившись, стал в ней рыться, не проявляя ни малейшей брезгливости.

— Что ты ищешь?

— Уже ничего! — Багров сунул что-то в карман.

Потом взялся за ручки Иркиной коляски и повез к подъезду. Ирка хотела упрямо сказать «сама», но смирилась и позволила себя катить. Ступеньки у подъезда были высокие.

Дафна смотрела, как Багров и Меф втаскивают тяжелую коляску на крыльцо. Как Ирка держится за обода, как незаметно морщится, когда ей нужно повернуться. Как она, точно что-то постороннее и неприятное, подвигает под пледом ноги.

Смотрела и, не отдавая себе отчет, что делает, царапала в кармане ногтем лист пригласительного дерева...

Глава 16. Добрая злюка

Разве может быть повелителем вселенной тот, кто ночью, приседая, бежит к холодильнику? Значит, действительный повелитель вселенной — холодильник.

Улита

Неизрасходованные силы мгновенно обращаются на самоуничтожение. Женщине с большой энергией нужен колоссальный объем работ и десять младенцев впридачу, или собственное тело разнесет ее вдребезги. Работай леди Макбет на отгрузке готовой продукции на заводе бетоноизделий, у нее не осталось бы времени заниматься ерундой.

Бывшая секретарша мрака маялась. Без эйдоса ей жилось приятнее ипроще. Она знала, что может сделать любую глупость — и хуже все равно уже не будет, потому что она бездушная ведьма. А тут... В общем, бедную Улиту жгло, как жжет пьющего человека только что полученная зарплата.

Не зная, куда себя деть, Улита попыталась поссориться с Эссиорхом. Тот против ссоры не возражал, но попросил перенести ее на вечер, когда у него появится время. Улита же ждать не хотела.

Насадив на четыре ножки табурета лучшую картину Эссиорха («Очень кстати! Я давно собирался ее переделать, да все руки не доходили!» — благодарно сказал он), Улита умчалась из квартиры. Она начала носиться по магазинам и скупилась чуть ли не все бутики и антикварные лавки на Тверской, везде расплатившись одним и тем же конфетным фантиком.

На Моховой, у Манежа, к ней стали приставать комиссионеры. Не те старенькие, что помнили ее вминающую носы руку, а нового набора. Перешвыряв в комиссионеров все купленное в бутиках, Улита внезапно успокоилась. Поймала за бампер такси, на краткий момент оторвав задние колеса от земли, и, плюхнувшись на сиденье рядом с шофером, томно велела везти себя куда-нибудь. Водитель, образцовый семьянин, отработавший в таксопарке тридцать два года и имевший двух внуков, понял ее превратно.

— Выходьте, дамочка! — сказал он сурово. Улита посмотрела в зеркальце со своей стороны.

К ней толпой бежали суккубы, одетые в те тряпочки, что она швыряла в комиссионеров. Эти сволочи всегда улавливают момент, когда человек в раздрае.

— Сосредоточьтесь! Вы нужны родине! — сказала Улита так сурово и сухо, что у водителя вытянулось лицо. В сидящей рядом с ним девушке он увидел кумира своей юности — революционерку Клару Цеткин.

Тут же, не давая таксисту опомниться, неожиданно даже для себя, Улита назвала адрес в Подмоскowie, где в деревне жила девушка Эди — Аня. Почему Аня? Этого Улита не знала и сама, но долго колебаться было не в ее правилах.

Ехать было далеко. Образцовый семьянин заколебался, но три фантика от карамелек и щедро, с барского плеча, добавленная к ним фольга от шоколадки решили дело. Съехав с шоссе, они долго тащились по насыпной дороге с бездонными ваннами луж. Машина, осторожничая, совалась в них носом. От радиатора валил пар.

Деревенька была подмосковная, почти потемкинская. В двадцати домах жили дачники, приезжавшие на лето. Один дом продавался. Один был после пожара. От него осталась только стена с окном. На окне болталась закушенная форточкой синяя занавеска. В остальных восемнадцати домах жили деревенские.

Как во всякой географической единице, были тут своя продавщица, свои старушки-веселушки, свой предприимчивый мужик с трактором и телятами, свой пьяница, таскавший с заборов сохнувшие сапоги и молочные банки (в деревне это называлось «Колян прошел»); своя конторщица, она же бухгалтерша, она же главная по всем делам, требующим вмешательства ручки и бумаги.

И была Аня. Вне правил. Не городская уже, но и не деревенская.

Улита встретила ее на огороде, в резиновых сапогах и ватнике. Аня гонялась за соседской курицей. Хитрая птица удирала короткими перелетками, петляя между яблонями.

— Неправильно ловишь! Давай подмогну! — задорно крикнула Улита от ворот.

Грянул выстрел. Ошметки курицы разлетелись по грядкам. Улита опустила мушкет с фитильным замком. Незнакомый немецкий мастер семнадцатого века ценил крупный калибр. Пули были в кулак. Улита подула на мушкет, и он исчез.

— Я ее накормить хотела! — вздохнула Аня.

— Ей еду дают, а она удирает! Так ей и надо! — не поверила Улита. Она жила долго, но таких чокнутых куриц никогда не видела.

— Соседи меня прикончат.

— Забирай ее в суп! — распорядилась Улита. — А с соседями я поговорю. Их куры будут обходить твой забор со стороны Северного полюса. А если тебе захочется кого-нибудь покормить, они будут подходить по одной, вежливо шаркая ножкой.

Аня подобрала курицу и пошла в дом. Улиту она помнила плохо и видела лишь однажды, когда та увязалась с Эдей. Однако бывшую ведьму это ничуть не смущало. Она была из тех, кто дружит с людьми тем больше, чем меньше их знает. Уже с третьей фразы Улита стала называть Аню «детка», хотя Аня, по человеческим меркам, была старше ее лет на пять.

Дом у Ани был полудеревенский-полугородской. Несколько иконок на стене. Книжные стеллажи вдоль стен, сбитые из половой доски. Тут же, среди неплотного строя книг, на электроплитке таз, в котором варилось варенье, щедро сдобренное утонувшими осами. Рядом с компьютером стояла лопата, причем по некоторым признакам было заметно, что чем дальше, тем чаще пользуются лопатой и тем реже компьютером.

— Мне плохо! — пожаловалась Улита, ножом выковыривая из курицы круглую мушкетную пулю.

— Может быть, нашатырь? — забеспокоилась Аня.

Улита поцеловала курицу в клюв.

— Не в том смысле плохо, детка! Я не брезглива!.. Я не понимаю одного. Зачем человек сначала подбегает к своему счастью, а потом отбегает? И вообще: почему когда ему хорошо, то плохо, а когда плохо, то хорошо?

Аня пожалала плечами. Она не лезла ни расспрашивать, ни сопереживать, ни объяснять. Она вообще почти всегда молчала, и Улите это нравилось. Должность штатного оратора давно была занята самой Улитой. И бывшая секретарша мрака продолжала разглагольствовать, попутно приглядываясь к Ане. В Ане не было ни бьющего в глаза ума, ни бойкости, ни умения устраивать быт, но было что-то спокойное, надежное, настоящее, чего так не хватало «разбешаке» Улите.

— Я не рассказывала, что обожаю придумывать психологические игры? — спросила Улита. — Ну допустим: ты приходишь в кафе и встречаешься с двумя разными людьми. Они между собой ссорятся. Один встает и якобы идет мыть руки. Другой в это время у тебя на глазах плюет первому в чай. А тот, что якобы руки моет, в гардеробе топчется на его куртке. Ты это в зеркало видишь. Твои действия?

— Уйду потихоньку! — сказала Аня. — Хотя нет. Вначале вылью чай, потом

незаметно вычищу тому, другому куртку и уйду... наверное, насовсем... А какой правильный ответ?

— Детка! Я не говорила, что у меня есть правильный ответ. У меня есть неправильный вопрос, — хмуро сказала ведьма. — Мне так проще. Я же деградантка!

Аня вопросительно вскинула на нее глаза.

— Стремлюсь к высоким созерцаниям, а сама вытираю нос о скатерть! — продолжала Улита.

— Это как? — удивилась Аня.

— Фигурально! — отрезала Улита. Настроение у нее в очередной раз прыгнуло, как висельник с табуретки. — Ну все! Я поехала!

Она рывком встала. Аня, удивляясь, смотрела на эту странную встопорщенную особу, которая непонятно зачем приехала, а теперь непонятно зачем уезжает.

— Подожди!

Улита остановилась. В стекло стучала мокрая рябиновая гроздь.

— Не пообедаешь со мной? — спросила Аня.

Жизненный опыт подсказывал ей, что, когда человеку плохо, его надо накормить, искупать и положить спать. Потом, при необходимости, повторить все три операции еще раз, начиная со ступени один. Древний рецепт Бабы Яги, многократно проверенный на Иванушке.

После второй тарелки супа Улита расплакалась.

— Не подумай, что мне плохо! Наоборот, хорошо. Это у меня потоотделение через глаза, — сказала она, промокая полотенцем потекшую тушь.

— Я этим полотенцем кастрюли беру... Возьми лучше красное! — посоветовала Аня.

Улита взяла.

— Как ты можешь жить в такой дыре?

— Почему в дыре? Здесь хорошо. Летом автолавка приезжает по вторникам и четвергам, — сказала Аня мечтательно.

— А магазин?

— Есть и магазин, но автолавка интереснее. У них хлеб всегда горячий. Бабульки собираются печеньки всякие покупать. Переговариваются. Ждут.

— И ты ждешь?

— Я на велосипеде. Иногда, бывает, жду, когда лавка на переезде застрянет. Но редко.

Улита отыскала на полотенце чистый участок между двумя пятнами туши и громко высморкалась.

— Все равно не понимаю: зачем тебе все это. Ты себя точно наказываешь, — сказала она сдающим голосом. — Почему не поедешь в Москву, к Эде?

Аня настороженно взглянула на нее.

— Это он тебя послал? — спросила она быстро. Улита честно замотала головой.

— Нет.

— Тогда, может быть, он тебе нужен? — осторожно начала Аня.

И снова выстрел оказался в молоко.

— Эдя, конечно, ничего. Не лишен утробной привлекательности. Но все же я пас. Можешь водить мимо экскурсии из Эдь, я не дрогну даже веком. Ты другое дело. Он для тебя. Поезжай!

— И к кому же ты требуешь, чтобы я поехала? К человеку, который меня не ждет? Который понятия не имеет, чего хочет? К инфантилу, сохранившему интеллект Карлсона до зрелого возраста? — почти со злостью крикнула Аня.

Улита прищурилась.

— Значит, любишь?

Аня не сказала ни «нет», ни «да», только упрямо повторила, что никуда не поедет. Бывшая секретарша мрака не видела проблемы.

— Ну так просто позвони! Скажи: мол, убиралась в телефонной книге, наткнулась на

номер, аппарат старый, память ограничена. Хочу понять, оставлять тебя или нет.

Аня засмеялась.

— А чего такого-то?.. — продолжала Улита. — Хотя, конечно, телефон — это ненадежно. Лучше встретиться с ним у подъезда. Ля-ля тополя, проходила мимо с пересадкой на пять электричек. Какой-то ты похудевший, бледный! Идем, я тебе погадаю на борще и котлетах!

— Он в кафе работает. Там с голоду не умрешь.

— М-м-м... Тяжелый случай! Ну, хочешь, я вместо тебя ему позвоню? Скажу: это тетя Липа из сельсовета! Ваша Аня несмертельно ранилась тяткой! Срочно приезжайте к ней в деревню, а то мы у нее электричество отключим и навоз не завезем! — Слова у Улиты не расходились с делом. Она еще говорила, а сама уже тянулась за телефоном.

Аня схватила ее за руку.

— Не надо! — торопливо сказала она. — Просто не надо, и все! Это не так должно происходить, а по-другому я не хочу!..

В ее торопливом шепоте было что-то такое, что Улита поняла и сдалась.

— Ну хорошо. Не хочешь, чтобы мы помогали тебе, давай помогать мне. Жалеть меня и все такое! То, что я выгляжу как танк, не означает, что я не нуждаюсь в участии! — великодушно согласилась она.

— Ты веселая, — сказала Аня.

— Я разная, — оспорила Улита. — Вела я тут дневничок. Записывала в него разные полезные мыслишки про меня саму. А потом пролистала: что год назад мне смешно было — теперь грустно. Я чувствую, что мало-помалу... ну меняюсь, что ли. Вообще дневничок — полезная штука. Вроде фотографии души.

— Дашь почитать?

— Тебе дала бы! — сразу согласилась Улита. — Ноу проблемой, как говорит амиго Ромасюсик. Только одна маленькая проблема. Дневничок у меня заговоренный. Кто чужой заглянет — получает заряд из дробовика.

— А дробовик где? Ведьма вздохнула.

— Он в воздухе растворенный. А заклинание необратимое... А что, ты гостей только супом кормишь? Чего-нибудь поосновательнее есть?

Аня встала и спустилась в подпол за картошкой и квашеной капустой. Она чувствовала уже, что это надолго. Лампочка перегорела, и Аня возилась довольно долго, в темноте отыскивая миску, в которую можно переложить капусту. Внезапно люк захлопнулся, и полоска света на ступенях исчезла. Мало того — Аня услышала скребущийся звук и поняла, что Улита сдвигает с места стол.

Аня кинулась к лестнице. Руки у нее были слабые. Нагнув голову, она плечами налегла на люк, но тут услышала, как снаружи кто-то барабанит в дверь так сильно, что сотрясается весь дом.

— Минуту! Я одна и ищу ключ! — крикнула Улита. Люк разбух от сырости и закрывался неплотно, с

щелью. Аня прильнула к щели. Она увидела, как Улита окунает палец в варенье и что-то быстро пишет на полированном сиденье стула. Потом показывает Ане свой телефон и торопливо засовывает его под половику.

Стук не умолкал. Казалось, еще немного, и дверь сорвут с петель. Улита глубоко вздохнула, обреченно оглянулась и потянула засов. Со своего места Аня видела белый срез скатерти и чуть полноватые широкие голени Улиты в темных полусапожках. Мужских ног было три пары. Средние — щеголеватые, в полосатых брючках в обтяжечку и почти кукольных, до блеска начищенных ботинках. Справа и слева от щеголеватых ножек громоздились колонны в одинаковых кожаных брюках и громадных ботинках, перемазанных рыжей глиной.

— Ведьма Улита, секретарша мечника Ароя? Велено доставить тебя на Большую Дмитровку! Сдай рапиру! — произнес гнусавый голос. По нетерпеливому движению колена

Аня определила, что говорили «брючки в полосочку».

Темные полусапожки отступили.

— Никуда я не пойду!

«Брючки в полосочку» остались на месте, зато ноги-колонны выдвинулись и взяли темные полусапожки в клещи:

— У нас подписанный договор! Или скажешь: кровь на нем не твоя?

Полусапожки пытались метаться, но ноги-колонны не выпускали.

— У меня эйдос! Вы его не отберете!

— Вот и расскажешь об этом кому надо! Эйдос эйдосом, а тело наше. Надо было читать условия контракта, — заявили «полосатые брючки».

— Вы пожалеете! Троил узнает! И Эссиорх! Полоски на брючках пошли рябью.

— Троила насадили на меч. Он может откинуть копыта с часу на час... А твой парень, если хотел тебя сохранить, не должен быть нарываться. Вольгенглюк ничего не прощает. Взять ее!

У дверей произошла короткая возня. Аня услышала лязг металла, крик. С полки посыпались книги. Когда все стихло, она сильным рывком откинула люк и выбралась из подвала.

Улиты уже не было. Три пары мужских ног исчезли вместе с нею. Аня выбежала на крыльцо. На бетонной дорожке были отчетливо видны глинистые следы, однако они обрывались между домом и калиткой. Постояв, Аня вернулась в дом и подняла с полу опрокинутый в потасовке стул. По сладким буквам ползла медлительная осенняя оса.

«Скажи Э. И А.», — прочитала Аня.

Кто такой «А.», Аня не знала. В телефоне Улиты на «А» были десятки записей. Обзванивать все «А» подряд было глупо, и она начала с «Э», как с буквы более редкой.

И лишь нажав «вызов», она поняла, что поспешила, выбирая контакт. Вместо Эссиорха она позвонила другому «Э.» — Эде. Эдя не снял, хотя она прождала почти десять гудков. Она перезвонила со своего телефона — эффект тот же. Эдя ушел в глухую молчанку.

Тогда Аня позвонила последнему оставшемуся

«Э» — Эссиорху.

* * *

Эссиорх рисовал и думал. Думал и рисовал. Движения кисти рождали мысль и сами становились мыслью. Мотоцикл уже долго стоял под окнами без работы, и Эссиорх знал, что тот ни за что сразу не заведется. Заставит уговаривать себя, продувать свечи, разгонять. Машины тоже умеют дуться.

Рядом с его мольбертом Варвара и Корнелий точили саперные лопатки. Отличные, военного образца, в густой консервирующей смазке, которую пришлось долго оттирать. Выглядели они как новые, да и были новыми. Сложно было поверить, что им лет по тридцать и они с военного склада под Севастополем. Рядом, у дивана, притворяясь ковриком, валялся Добряк. О том, что он не дохлый, можно было догадаться только по дрожанию ушей, когда его окликали.

— Хочешь сказать, ты уже все сделала? — недоверчиво спросил Корнелий, заметив, что Варвара отложила свою лопатку. Он недоверчиво провел по ее краю пальцем и ойкнул: на подушечке густо выступила кровь.

— Он, бли-ин! А у меня почему тупая? — спросил он с досадой на себя.

— Потому что... Не уродуй инструмент! Сюда дай! — Варвара молча забрала у него лопатку и стала точить.

Эссиорх незаметно наблюдал за Варварой и думал, что во многом она его опередила. Например, в неспешности точных движений. С недавних пор он постоянно повторял себе: «не суетиться, все будет хорошо». Сколько раз спешил, дергался, бросал важные дела, и всякий раз оказывалось, что это было ни для чего не нужно. Якобы важная встреча или срочное дело оказывались блефом и ни к чему не приводили. Напротив: медлительное и внешне случайное прорастало и укоренялось. Не мы творим дела. Мы лишь помогаем им

происходить. Важное там, в глубине. Глубина же определяет и течение внешних событий.

Корнелий взял лопатку Варвары и, примериваясь, качнул в руке.

— Мощная штукавина! Я, пожалуй, откажусь от штыка на флейте! Эта вещичка нравится мне больше! — сказал он уважительно.

Эссиорх нашел на полу большой обрезок картона и кистью сделал несколько быстрых движений.

— Минуту! Мгновенный портрет с натуры! Угадайте, кто где... Это ты, Корнелий! — Эссиорх показал на многолапую синюю бронтозюбру, довольно безвредную с виду, но бестолковую, забравшуюся в правый верхний угол. — А это ты, Варвара! — И оранжевой кистью хранитель провел через весь лист. Черта начиналась непонятно откуда и уходила непонятно куда.

— Ну спасибо! — мстительно поблагодарил Корнелий. — Я всегда догадывался, что ты зараза, но не представлял масштабов!

— А по-моему, милый получился червячок. У него улыбка добрая, — успокоила его Варвара.

Мобильник Эссиорха, лежащий на стеклянном столе, завибрировал и стал медленно сползать.

— И тут зазвонил телефон! Кто говорит? Слон! — сказал Корнелий, под завязку набитый дурацкими цитатами.

Эссиорх слушал в трубке сбивчивую женскую речь, и лицо у него вытягивалось. Не дослушав, он снес плечом Корнелия, рванул балконную дверь и спрыгнул на газон. Мотоцикл не стал обижаться и завелся сразу — наверное, с перепугу.

Добряк залаял с балкона вслед чихающему монстру, окутанному сизым облаком. Корнелий поднялся с пола и уставился на опрокинутый мольберт.

— Я понял! — сказал он.

— Чего ты понял? — спросила Варвара.

— Звонил явно не слон. И надо ему явно не шоколада!

Вернулся Эссиорх поздним вечером. Его мотоцикл завалился под деревом, как загнанное больное животное. Варвара давно ушла. От Добряка остался собачий запах и погрызенные ножки стула.

Корнелий лежал на диване и сам себе играл на флейте. Эссиорх молча прошел в комнату и, как кегельный шар, закатил под стол шлем. Корнелий оторвал от губ мундштук.

— Варвара меня не понимает!.. И я сам себя не понимаю! Один Добряк меня понимает, но и он, между нами, собака порядочная! — пожаловался он Эссиорху.

Хранитель не отвечал. Корнелий забежал сбоку и на глазах у друга увидел слезы.

— Улита на Большой Дмитровке, у мрака! Мне туда не прорваться! — сказал Эссиорх отрывисто.

— Во дела! Неужели сама вернулась к мраку? — не поверил Корнелий.

Шлем как живой выкатился из-под стола. Эссиорх пинком загнал его обратно.

— Нет. Но у них есть над ней власть. Будь у Улиты решимость вырвать все прошлое с мясом, насовсем вырвать, по крови, свет — не мы с тобой, а тот свет, о котором мы знаем — помог бы ей. Стены Дмитровки не удержали бы ее. Никакой жалкий контракт, никакие капли крови... А так... Пока не возненавидишь себя старого — не станешь другим.

— Она хотя бы жива? — озабоченно спросил Корнелий.

— Я поймал суккуба, который оттуда вышел. Он сказал, они держат Улиту взаперти... Пуфсу сейчас не до нее. Он хочет досадить не только мне, но и Арею... Скоро тот дерется с Мефодием!

Глава 17. Вертикальный враль

*Честный ответ можно получить только на честный вопрос.
Иначе получится бессмыслица. Ни ответ без вопроса, ни вопрос без*

ответа ценности не имеют. А потому, пока ты не спросил, никто тебе отвечать не будет.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Ромасюсик склонился в приторном поклоне. Махнул рукой.

— *Дверь открылась. В квартиру протиснулся волосатый человек в красной пайте, с лицом злобствующего тушканчика и торчащими передними зубами!* — сказал он, нагло глядя на Мефа.

Буслаев оглянулся, хотя и без того знал, что красная пайта только на нем. Пока он размышлял, в какую сторону повернуть Ромасюсику забитый осами нос, Прасковья оглушительно расхохоталась, и Меф понял, что Ромасюсик всего лишь послужил ей рупором.

Дафну же и Мефа волной смеха отшвырнуло к вешалке. Коляска с Ирккой откатилась на метр и была поймана Багровым. Депресняк, припав брюхом к паркету и разметав крылья, чтобы казаться больше и страшнее, шипел на дверь комнаты. Оттуда появился вначале Мошкин, потом Чимоданов с Натой и, наконец, с лицом нашкодившего ясельника, выглянул великан Зигя. Чтобы не зацепить затылком дверную коробку, при ходьбе он опирался на пальцы рук.

Прасковья поманила к себе Зигю и через Ромасюсика что-то сказала ему. Зигя выслушал, шмыгнул носом и с просветлевшим лицом устремился к Мефу.

— Папа, Зигя сегодня никого не обижал! Был хороший мяльсик! Слушал маму. Днем лег спать без скандала! — сообщил он ему.

Меф ошалело моргнул.

— Ты мой папа! А она мама! Папа, обними маму! — потребовал подученный Зигя. Он сгреб «папу» рукой и потащил к «маме».

Меф тревожно оглянулся на Дафну. Та дернула плечом: мол, выкручивайся, как знаешь, а я — пас. Буслаев вовремя поймал за ухо злорадно ухмыляющегося Ромасюсика и, оторвав его, предложил Зиге.

— Се-нить шладенькое?

Карапуз мгновенно бросил «папу» и, капая слюной, зачавкал шоколадным ухом. Ромасюсик сердито запыхтел. На отращивание нового уха у него уходило несколько часов. Плюс некоторое количество сахара.

Напружиненный Депресняк издал зашкаливающий по громкости вопль, рассек воздух крыльями и прыгнул. Из комнаты вытек джинн. Небрежно посмотрел на Ирку, озабоченно на Даф и ее флейту и мрачно на Багрова. Внутри его контура болтался застрявший, как в киселе, кот, полосовавший когтями воздух.

Эйшобан небрежно поймал его за основание крыла, вытащил из себя, закинул в ванную и захлопнул дверь. Некоторое время он искал на себе рот и обнаружил его сползшим на шею. Оттуда, с шеи, рот злорадно улыбнулся Мефу.

— Меня зовут Эйшобан. Я король джиннов! Ты... ну-ка, дай посмотреть! да, точно ты!.. освободил меня и должен умереть!

Буслаеву шутка не понравилась. Главным образом потому, что это была не шутка.

— За то, что я тебя освободил?

— За то, что освободил так поздно! Последний срок, когда я обещал себе не психовать, истек двести лет назад! — сообщил джинн.

— Двести лет назад я не успел родиться!

— Значит, надо было поспешить! Я не обязан это контролировать! Напомни мне, как тебя зовут, и готовься к смерти! — истерично заявил джинн и стал на глазах закручиваться. Спиралью.

Меф хотел вякнуть что-то протестующее, но Дафна наступила ему на ногу. И, как всегда, оказалась права. Видя, сколько тут возможных клиентов, джинн решил маленько повременить.

— Слушайте меня! Я Эйшобан Всезнающий, отыскивающий звезды в небе и песчинки

на морском дне! Я найду все, что вы захотите! Но горе, если вы не пожелаете этого взять! Ну же, жду заказов! — с пафосом возгласил он.

Первым проснулся Чимоданов.

— Азотные удобрения... алюминиевая стружка... урановый стержень? — увлеченно забормотал он, переглядываясь с Зудукой.

Эйшобан сдвинул сползший на подбородок глаз и моргнул.

— Может быть, клад? Артефакт? Или копи царя Соломона?

Петруччо поморщился.

— Зачем так мелко? Меня устроят все мировые запасы золота... И, пожалуйста, одним слитком!

— А если самый крупный в мире рубин? А? — затосковав, предложил джинн.

Чимоданов ухмыльнулся.

— Чтобы он оказался на океанском дне, и ты велел мне нырять? Подчеркиваю: мировые запасы золота! Одним слитком! Здесь и сейчас!

Король джиннов повернулся к нему спиной. С его точки зрения, Петруччо был маньяк одного желания, а с маньяками связываться опасно.

— Еще какие-нибудь заказы есть? Может, у тебя, некромаг?

— Неа, — сказал Багров, обгрызая яблоко. — Нету.

— Ну? А еще у кого? Пользуйтесь случаем! — затосковал джинн.

Дафна опять наступила Мефу на ногу. Буслаев не сразу понял, чего она хочет, но потом все же сообразил. Раз все равно его собираются убивать, то пусть хотя бы появится повод.

— Как заставить суккуба отдать мои ножны? — спросил он.

— Всего-то? — скривился Эйшобан. — Проще некуда! Пусть спросят у суккуба, где сейчас Ауэвиаллао!

Меф даже не попытался запомнить, зная, что у Дафны все равно память лучше.

— И где они сейчас?

— Кто? Ножны? Спроси об этом у суккуба! Ну все, ответ ты получил! Готовься к смерти!.. Кстати, мальчик с хвостиком! Еще раз напхни, как тебя зовут?

— Эйшобан, — сказал Меф.

— Буду тебя убивать, Эйшо... КАК??? — Джинн стал раздуваться и краснеть, заполняя коридор. Рядом с ним стало жарко. — Правду говори, несчастный, или твоя смерть будет ужасна!

— Ну хорошо, Леха я! — поправился Меф.

— Буду тебя медленно убивать, Леха! — удовлетворенно сообщил джинн и стал наползать на Мефа.

Дафна схватилась за флейту, пытаясь вспомнить хотя бы одну джиннобойную маголодию. Как назло, в голову ей приходило только начало, а финал надежно расплывался. Багров неспешно достал кувшин и, не обращая внимания на джинна, стал протирать его рукавом.

Эйшобан бросил на него быстрый взгляд, делая вид, что ему совершенно неинтересно, чем занимается некромаг.

— Конец тебе... как ты сказал тебя зовут? — рассеянно повторил он.

— Вася! — подсказал Меф.

Багров подышал на кувшинчик и стал пальцем водить по узору. Эйшобан занервничал. Отложив убивание Васи, он спиралью обтек кувшин, намотался на него, но в горлышко заглядывать не решался.

— Ужасно безвкусный кувшин, — заявил король джиннов. — Никогда не видел ничего настолько пошлого! Вытянутое горлышко, а эта ручка с банальными завитушками! Гадость, натуральная гадость!

— Да, совершенно с тобой согласен, — признал Багров и снова протер кувшин рукавом. Бронза тускло загорелась.

Эйшобан забеспокоился еще сильнее. Он завязывался узлами и тотчас развязывался.

Выкручивался так, как никогда не выкрутится существо, у которого есть хотя бы намек на позвоночник.

— Думаешь, я глупый? — хихикая, спросил он у Багрова. — Я туда залезу, а ты меня того? Запрешь? Да будет тебе известно, ничтожный, что король джиннов никогда не попадетсЯ на такую нелепую уловку!

— Кто спорит? — согласился Матвей. Он что-то быстро сунул в кувшин и торопливо заткнул винной пробкой, найденной во дворе, в урне.

— Что это было? — забормотал джинн, тщетно пытаясь найти в пробке хотя бы малейшую щель. — Что ты туда кинул?

— Ничего.

— Нет, ты что-то бросил. Я видел!

— Да ничего я туда не кидал! — заявил Матвей. Ирка засмеялась. Она только что сообразила, что

джинн может видеть все в мире — вообще все, кроме того, что находится в закрытом кувшине. В его кувшине! И это приводит его в бешенство.

— Ты врешь, человек! Не смей врать! Смотреть в глаза! — взвизгнул джинн. — Я видел: ты бросал, значит, ты бросал! Что это было? Перстень повелителя джиннов? Отвечай, негодник!

Багров таинственно улыбнулся.

— Может, да, а может, нет. Не помню. Джинн попытался его подзеркалить, но встретил стеклянную стену. От злости он раскалился и принялся летать по коридору, выжигая обои.

— Нет, он туда что-то бросил! — скулил он. — Что-то кинул в мой кувшинчик! О, я вижу это по его наглым бесстыжим глазам!

— Открой да и посмотри! — посоветовал Багров.

— Ага! А ты меня закроешь, да? Отвечай, мерзкий хитрый тип! Это же твои уловки?

— Уловки-то уловки, но ты не знаешь, что в кувшине. И никогда не узнаешь! — спокойно ответил Багров.

— А-а-а! — заорал Эйшобан. Он стал совсем красным. Таким красным, что и прозрачность утратил. — Была не была! А вот и узна-а-аю!

Он выдернул пробку, с хохотом сжег ее взглядом и крикнув: «Что, съел?», решительно ввинтился в кувшин. Матвей достал из кармана другую пробку и старательно заткнул горлышко. Из сосуда успел еще донестись леденящий душу вопль.

— А-а-а! Напомни мне, как тебя зовут, я буду тебя проклина-а-а-ать!

— Готово, — сказал Матвей. — Главное, чтобы не оставалось зазоров, а то пролезет. Постепенно, но просочится.

— Где ты так научился разбираться в джиннах? — спросила Ирка.

— Я разве не рассказывал? У Мировуда жил джинн. Слабенький, но противный. Вечно пакостил. То дверь изнутри закроешь, то проснешься в гробу, а он все кости расшвырял, — буркнул Матвей.

Ирка с ужасом взглянула на Багрова. Она, конечно, слышала, что некромаги спят на костях своих предшественников, но никогда не думала, что и Матвея заставляли делать то же самое.

— В общем, противный был старикашка. Вечно мы за ним гонялись, — торопливо закончил Матвей, сообразив, что сболтнул лишнее.

— А что ты положил в горшок? — заинтересовался Меф.

— Перстень повелителя джиннов, — хмыкнул Багров.

— А орал он чего?

— Да на радостях.

— На радостях так не орут.

— Ну хорошо... Видел, я яблоко ел? А огрызок в кувшин сунул, — небрежно сказал Багров.

Прасковья долго уже, не отрываясь, смотрела на Матвея. Приглядывалась к нему без смущения, как приглядываются к чему-то новому, вызывающему любопытство.

Подчиняясь шепоту Ромасюсика, Зигя вразвалочку подошел к Матвею и, неожиданно схватив его сзади двумя руками, поднял. Матвей оказался в двух метрах от пола.

— А ну отпустил меня! — рявкнул Багров.

— Дядя, не кись, позялуста! Мне мама велела! — робко попросил Зигя.

— *Не пугай его, а то уронит!* — хихикая, предупредил Ромасюсик.

Зигя пронес Матвея через всю комнату и поставил рядом с Прасковьей. Впервые Багров видел воспитанницу Лигула так близко. Худая, как мальчик. Бледное лицо, широкие скулы, пунцовый росчерк обветренных губ. Несимметричные, неправильные глаза смотрели не на лицо Матвея, а на его грудь.

— *Чэо эо?* — произнесла Прасковья с усилием.

— А? — непонимающе переспросил Багров.

— Госпожа начальница желает знать: что находится у тебя в груди, человек? Отвечай, или будет плохо! — тоном прислуживающегося полиция перевел Ромасюсик.

— По-моему, ее вопрос был короче, — заметил Багров.

— Не смей перечить госпоже начальнице! — взвизгнул шоколадный юноша и вдруг застыл солдатиком, вытянув руки по швам.

— *Не обращай на Ромасюсика внимания! Его мозг остался в Тартаре!* — сказал Ромасюсик, таращась на Матвея засахарившимися глазами. — *Что у тебя вместо сердца и почему я не могу на это смотреть? Оно такое яркое, что обжигает глаза!*

Прасковья протянула руку. Худые пальцы с обкусанными ногтями коснулись груди Матвея напротив сердца. Продолжалось это несколько секунд, не больше, потом Прасковья отдернула руку и испуганно посмотрела на свои пальцы.

— *Как горячо! Как ты с этим ходишь: оно же тебя сожжет?* — удивленно спросила она.

* * *

Вечером Дафна полетела навестить Эссиорха. Мало-помалу уверенность в собственных силах возвращалась к ней. По дороге она осмелела настолько, что сделала в воздухе рискованный трюк — резко переведя крылья в вертикаль, пронеслась между двух рядом стоящих домов. По лестнице подниматься не стала, а, спрыгнув на балкон, толкнула деревянную дверь, попутно заметив вырезанную на ней руну пленения. Пока руна здесь, ни одно создание мрака не покинет дома и не приблизится к руне.

Вконец замученный, Эссиорх сидел в кресле и мрачно наблюдал, как Варвара, угнездившись на коленях у Корнелия, безостановочно тарахтит и называет его «мюй птюнчик». Корнелий же, хотя и красный, как рак, Варвару почему-то не гонит.

Увидев Дафну, Варвара сорвалась с колен у Корнелия и кинулась к ней, радостно заламывая руки.

— О, нюня моя! А где Мефочка? Как же я люблю этого плюмпампунчика! — закричала она.

— Это ты, Хнык? — спросила Дафна.

— Ню-ню! Это ты Хнык! А я Хныкус Визглярий Истерикус Третий! Прошу прописать это себе на головном мозге! — возмутилась фальшивая Варвара и затопала ногами.

Эссиорх толчком встал с кресла, белый от гнева, подошел к Варваре, взял ее за ухо и пальцем молча показал на шкаф. Хныкус Визглярий Истерикус Третий прекрасно чувствовал, когда нужно удалиться. Он юркнул в шкаф и закрыл за собой дверцу.

— Мальчики, ко мне не заходить! Я иду переодеваться! — пропищал он из шкафа.

— Я, конечно, догадывался, что в этих мерзавцах много заразы, но не думал, что ее СТОЛЬКО и что мы ей так сильно поддаемся, — хмуро сказал Дафне Эссиорх. — У меня ощущение, что если в комнате запереть трех нормальных стражей и одного суккуба, через неделю там будут четыре суккуба! И самое досадное, прибить нельзя: тогда ножны не найдем!

— Мальчики! Не разговаривайте громко! Я никак не могу решить, какие брючки надеть! — пожаловались из шкафа.

Корнелий встал и, покачиваясь, как безумец, извлек флейту.

— Я так больше не могу! Час за часом одно и то же! Знаю, что все ложь до последнего слова, а все равно покупаюсь, когда ее вижу! Я сейчас спалю этот шкаф, и будь что будет!

Дафна отобрала у него флейту.

— Давай я попробую! — Она подошла к шкафу и, наклонившись к щели, из которой пахло духами, спросила:

— Слышишь меня, Хнык?

— Аиньки! А зачем шептать: мы что, под липами? — кокетливо откликнулся суккуб.

— Если слышишь, тогда отвечай: где сейчас Ауэвиаллао? — раздельно и четко произнесла Дафна.

Ответа не было. Тишина, а потом глубокий, с голосом, выдох, похожий на звук «га».

Немного выждав, Дафна пожала плечами и осторожно потянула ручку. В нос ей ударило невыносимое зловоние. Дверца отвалилась, покрытая плесенью. Казалось, шкаф тридцать лет простоял в болоте и пропитался влагой так, что ткни его пальцем — развалится.

Из тряпок на четвереньках выползло страшное, лысое, жуткое существо, в котором едва угадывался недавно такой самоуверенный суккуб.

— Ножны в Кусково, в дупле, рядом со сломанной скамейкой... Там и другое — возьмите все! И забудь это слово! Прошу, не произноси его больше никогда!

Дафна молчала, с ужасом вглядываясь в красные гноящиеся глаза.

— Уберите руну! Я ухожу! — прошамкал суккуб и на четвереньках пополз к балкону.

В его голосе было нечто такое, чему невозможно было не подчиниться.

Кухонным ножом Корнелий торопливо соскреб с балконной двери руну. Завывая и скуля, существо выползло и перевалилось через перила. Когда Дафна и Корнелий, желая понять, что с ним стало, выскочили на балкон, под домом стоял только прикованный к дереву мотоцикл Эссиорха.

— Истинное имя? — тихо спросил Корнелий. Эссиорх помедлил и повел головой наискось, так

что невозможно было понять, кивает он или качает головой.

— Даже больше. Подозреваю, это имя было его забытым предназначением. Тем, чем он мог бы стать, но от чего когда-то отвернулся, и что теперь причиняет ему страшную боль...

— Послушай! Но он даже не страж мрака! Он суккуб! — поправила Даф. Почему-то она ощущала себя убийцей куда в большей степени, чем в день, когда маголодией расплавила Гудрона.

— Мрак не творец. Думаю, что и суккубов мрак делает не с чистого листа. Может, используются сущности погибших стражей. Не знаю... — сказал Эссиорх.

Глава 18. Коса для валькирии

В большинстве случаев дружбы хватает на три-четыре года. Потом человек теряется, а ты не делаешь никаких попыток найти его. Если это так, то это не дружба, а поиск комфорта, бегство от одиночества или естественное увлечение новым человеком. Настоящая дружба — всегда больше ответственность, чем удовольствие.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Плоское лицо со свекольным румянцем, жесткий волос. Широкие зубы.

— Привет, Вован! — Ирка оторвалась от монитора. Багров — от анатомического атласа, который он разглядывал, валяясь на диване. Ирка уже несколько раз пыталась переключить его на что-нибудь менее кровожадное, например, на атлас бабочек, но безуспешно.

Оруженосец Хаары с трудом протиснулся в комнату, куда едва можно было попасть из-за двух стоявших тут колясок — Иркиной и подарка Чимоданова.

— Э-э... Ну чо, как вы тут?... нормуль? Поехали, короче, пока пробок нет! — Вован втянул голову в плечи и неуютно заворочался в тесной комнате. Натуральный медведь, которого втолкнули в клетку канарейки.

— Куда?

— Ну в Сокольники! Хаара, короче, велела, если ты не откажешься.

Для Вована приказ Хаары был непререкаем. Усомниться в нем — значит усомниться в самой сущности служения. Ирка представила, что, если она скажет «нет», Вован просто засунет ее в багажник, а сверху кинет коляску. И только потом вспомнит, что у Ирки имелось право на отказ.

— Там же Даша! — сказала Ирка.

— Ее, короче, в Битцу переселили. Там сторожка есть рядом с конями. Ты чо, не знала, что она верховой ездой занимается?

Ирка не знала. Зато сразу поняла, почему Даша ей не рассказала. Блин-блин-блин! Гуманизм — это для гуманистов.

— А Антигон тоже в Битце?

— Ага. Выпросил пилу, молоток и переколачивает там все. В сторожке крыша гнилая. Дыры в стенах старыми рекламными щитами забиты. Но он будет тебя навещать. И потом у тебя же есть... ну это... — Вован смущенно покосился на Багрова.

Матвей упорно не обращал на него внимания и разглядывал анатомический атлас с таким вниманием, будто книги увлекательнее в мире не существует.

— *Это* называется Матвей, — сказал Багров анатомическому атласу.

— Он поедет со мной, — с вызовом сообщила Ирка.

Однако перчатка была брошена не тому.

— А, ну да! Пусть будет. А чего такого-то? — Вован даже не въехал.

Для него в верности не было ничего удивительного. Он скорее удивился бы обратному — ее отсутствию.

Не зная, чем себя занять, Вован бродил по комнате. Ткнул пальцем в горшок с собиравшимся цвести декабристом. Ковырнул ногтем книжную полку, проверяя, не отходит ли лак. Лак отходил, и Вован буркнул, что он дерьмовенький.

— Ну так чо? Едем или как? — нетерпеливо спросил он.

Ирка не могла решиться. Сокольники были местом ее силы, ее триумфа, а теперь станут местом ее слабости и беспомощности.

— Можно же было сначала позвонить! — сказала Ирка.

— По телефону? Это который с кнопками и все время денег просит? А, ну да! — Вован шевельнулся. — Так чо? Едем или еще почешемся?

Ирка уставилась на монитор. Потом на Багрова, потом снова на монитор. Оба дорогих ей существа молчали, предоставляя ей самой право решать.

— Мне Хаара сказала: если они захотят в Сокольники, это будет удобно. Там их проще навещать, а коляску они сами как-нибудь сообразят, как втащить... — бодро продолжал Вован.

Ирка посмотрела на книжные полки, за которыми грохотали кастрюли. Среди кастрюль и тарелок обитало третье самое дорогое существо.

— А Бабаня? — тихо спросила она. Вован вздохнул.

— Ну для начала, наверное, заменим тебя мороком, а там... ну... не знаю. Может, правду сказать?

— Что ее внучка живет в Сокольниках на дереве? Как обезьянка? А еду, которую Бабаня готовила много лет подряд, Антигон спускал в унитаз, чтобы она не воняла? — дрожащим голосом спросила Ирка.

— Мне эта общая обиженность надоела. И то не то, и се — не сям! — хмуро огрызнулся Вован. — Думай сама. Я водила. Мое дело крутить баранку.

Ирка выдохнула, поняв, что он прав. Чего она на Вована-то набросилась?

— Прости!

Вован мотнул головой.

— Да чего прощать-то? Короче, я скажу Хааре, что вы подумаете. Если чо — приеду и перевезу. Так? Ну покеда!

Оруженосец повернулся и покинул комнату. Было слышно, как этот лесной по духу человек, волей заблудившихся на карте страны родителей появившийся на свет в Москве, топает и кашляет в коридоре.

Ирка слепо оглянулась на Матвея. Ее губы прыгали. Тот отложил атлас, подошел, остановился рядом и прижал ее лицо к своему свитеру. Потом стал медленно покачивать вправо и влево. Когда в коридоре послышались шаги Бабани, Ирка оттолкнула его и пальцами слепо забегала по клавиатуре, печатая бессмыслицу. «Ыпвыалополыв цацаца ымо», — прочитала она потом.

Бабаня неслышно появилась в комнате, поставила перед Ирой блюдце с тремя белыми таблетками и одной желтой. Потом исчезла, бесшумная, как женщина Востока. Сложно поверить, что это та же самая Бабаня, которая в двадцать лет голосом открывала двери.

— Кажется, я тебя насквозь проплакала, — сказала Ирка, упрямо глядя на свое «цацаца ымо».

— Да ерунда! Всегда пожалуйста. — Матвей задумчиво ощупал свитер. — Ты правда не хочешь в Сокольники?

— Я о них даже вспоминать не хочу! Кроме ноута, ничего оттуда не перевезла. Даже зубная щетка другая, — ответила Ирка.

* * *

Выдаются дни пустые, когда стрелка липнет к циферблату, а случаются наполненные событиями настолько, что только отмахиваешь их, как теннисные мячики. Сегодняшний был именно таким.

Бензиновое облачко от старой иномарки Вована еще висело в воздухе, когда кто-то постучал, но не во входную дверь, а сразу в дверь комнаты. Ирка вопросительно повернула голову. Бабаня обычно не стучала. К тому же гулкие удары ее пяток она слышала бы еще от кухни.

— А я к вам, огурчики вы мои несоленые! Доброго вам здоровьичка! — ласково пожелал кто-то. В комнату просунулся красный носик Аиды Плаховны Мамзелькиной. Косу в брезентовом чехле она тащила с собой, не имея желания оставлять ее в коридоре.

Ирка в ужасе откинулась на спинку коляски. Багров вскочил, готовый защищать ее.

— Чего вам надо? — крикнул он.

— От тебя ничего, милоч! Подожди покуда в коридоре! — решительно сказала старушка и своей иссохшей ручкой, с легкостью корежившей в катастрофах металл машин и поездов, выставила Матвея за дверь.

— Ох ты, моя голубушка! Всколохнулась вся, побледнела! — запела Плаховна, глядя на Ирку. — Не бойся! Не по работе я к тебе, душечка! Нету на тебя пока разнарядочки! Погугарить хочу!

Старушка сбросила полупустой рюкзачок, скромно уселась на край стульчика, сложила на коленках ручки и умненькими глазками уставились на Ирку.

— Как тебе, дитятко, живется? Не тяжело ли без ножек?

— Справляюсь! — ответила Ирка с вызовом. Плаховна взяла со стола сухарик, стала крошить

его на ладошке и кусочками засовывать в рот.

— Возьмите чай! — буркнула Ирка, про себя подумав: «Чашку потом выброшу!»

Мамзелькина укоризненно мигнула.

— И, милая! Да разве ж я заразная? От меня и михробыдохнуть! — произнесла она с живостью.

Ирка смутилась.

— Устала я, голуба! Сил моих больше нет! Оо-ох-ох, тяжело!

— Чего тяжело-то? — спросила Ирка.

— А то и тяжело! Утром дергаются, ночью дергаются. На земле, почитай, скоро десять миллиардов людей бундить, а я-то одинешенька... Никто меня не ждет, никто не зовет, все гонять. Иной раз опрокинешь с Ареюшкой стаканчик — вот всего и веселья! — Мамзелькина пригорюнилась, низко наклонив черепушку, покрытую черной траурной косыночкой.

Жалела-то она себя жалела, а нет-нет, Ирка чувствовала ее зоркий, острый, как скальпель, взгляд.

Понимая, что все это неспроста, набралась храбрости.

— Чего вам от меня надо? — выпалила она решительно.

— Вот так вот прямо? В лоб? — прищурилась Плаховна. — Сухариком на кой-как покормила, чайком через пень-колоду напоила, чашку выкинуть собралась и расспрашиваешь?

Ирка молчала, но молчала упрямо. Ей нужен был ответ. Мамзелькина оглянулась на свой рюкзак.

— Сколько я с собой ношу в своей котомочке! — запричитала она. — И красота, и молодость, и ученость, и таланты — все тут! Иной раз думаешь: чего все забирать-то? Что-то можно ж и оставить? Ну пропадут, допустим, у балерины ножки — кто ж их-то хватится? Балерина-то на океанском дне! Стоило ей столько лет одни ноги тренировать — ох-ох!

Уловив в голоске у старушки намекающую интонацию, Ирка напряглась.

— Вы мне что, ноги предлагаете?

— Ноги? А разве надо тебе? — всплеснула ручками Мамзелькина. — Ох, удача! А я-то думаю: дай спрошу! Ноги, новые ноги! Мускулистые, красивые! В обмен на эти, извиняюсь, палочки!

— Пересадка? — спросила Ирка задумчиво.

— Пересадка это чего такое? — озадачилась Аида Плаховна. Потом сообразила и захихикала. — Э, нет! Сами прирастут! Были тама, станут здесь! И пяти минут не пройдет, такие танцы-шманцы отдряпывать будешь — не нарадуисся! Ну говори: да!

Ирка колебалась. Что-то такое пряталось в елейной позе старушки, в опущенной головке, в смирном голоске, что она спросила:

— А вам что взамен? Мой эйдос?

Аида Плаховна вся исплевалась от такой подозрительности.

— Да на кой ляд он мне нужен? Что я, страж? — замотала она черепушкой. — У меня, милочка, другой антирес! Хочу я в отпуск хучь на три дня! А куда я в отпуску, на мое место когой-то поставить надоть! Чтобы, значить, не простаивала работа!.. А ножки я тебе вперед дам, без обмана, ты не сумлевайся!

И старушка по самое плечо опустила руку в рюкзак. Ирка с ужасом смотрела на ее руку, точно ожидала, что в ней окажутся живые человеческие ноги.

— Так что, согласна? — повторила Мамзелькина, вскидывая худенькое личико.

— МЕНЯ??? СМЕРТЬЮ? ВМЕСТО ВАС? — задохнулась Ирка.

Обычно она соображала быстро, но тут ее перемкнуло. Должно быть, из-за ног. Старушка закивала и принялась вталкивать Ирке в руку свою косу.

— Ты не бойся, душечка, она сама тебя научит, как да чего. Разнарядочку берешь и по списочку, по списочку... Главное, не пропускай никого, а то нагоняй бундить! Первый день лицо воротить будешь, на второй привыкнешь, на третий — втянешься. А там и я вернусь! Гляди только брызентик не потеряй! Я как-то его сронила, полчаса искала, а все уж кричать: эпидемия! мор! — Мамзелькина зазвенела копилочкой, приглашая и Ирку посмеяться с собой вместе.

Ирка смеяться не стала. Плаховне это не понравилось. Ее щелочки прожигали Ирку насквозь: ох, непростая старушка!

— Решайся, голуба! Уж пять минут люди не мрут!

— Уходите! Не надо мне ничего! — с трудом выговорила Ирка, отворачиваясь и сожалея, что в ее голосе нет решимости и праведного негодования: одна тоска.

Мамзелькина стукнула сухим кулачком по *стопу*. Подпрыгнула чашка.

— Чистенькой хочешь остаться? В коляске всю жизнь торчать? Они ж и так умрут, раз разнарядочка вышла! Не все равно, кто их унесет: ты или я? Разнарядочку ж не ты писала!

— Уходите! — повторила Ирка упрямо. — Скорее! Или я в вас чем-нибудь брошу!

— Прямо дрожу вся! Много чем в меня швыряли, да не очень-то ушвырялися! Ты уже не валькирия! — гневно сказала Плаховна.

Она подняла рюкзачок, сгребла косу и утряхала из комнаты.

— Ноги ей, вишь, лишние оказались!.. С тобой бы я в два счета договорилась, да только за другого не положено! — с раздражением сказала она Багрову и вышла через дверь, не открывая ее.

Матвей вернулся к Ирке. Она сидела, натянутая как струна. На него смотрела с недоверием, с досадой. Ни о чем ее не спрашивая, Матвей сел на диван все с тем же атласом. Пролистал его, отыскал страшную, красную, препарированную ногу. Долго смотрел на нее. Нога была мощная, с пучками мышц, ободранная от кожи до самого паха. Хорошая нога.

— Мясо, оно и в Африке мясо! — сказал Матвей. Ирка быстро и благодарно взглянула на него.

* * *

Вечером Матвей пошел пройтись, пообещав Бабане по пути купить майонез, хлеб, бананы и сосиски — пищу античных богов, когда им лень готовить. Бабаню уже не удивляло, что у них в квартире живет непонятно откуда свалившийся молодой человек. Отмытый в бане в социальный день, со скидкой в шестьдесят процентов, одетый в одолженные у Мошкина джинсы и свитер, Матвей выглядел адекватно. Он не ругался, не сморкался в занавески, а Бабане сказал, что он из Орла (там у его отца действительно было имение), а с Иркой они познакомились два года назад в Интернете. Далее Бабане была поведана душещипательная история про плохого преподавателя, который выгнал хорошего студента.

Бабаня, привыкшая, что из Интернета выпрыгивают живые люди и сваливаются к ее внучке, на всякий случай сделала лицо кирпичом и позволила обиженному студенту остаться на одну ночь. Потом на другую, на третью, а четвертая уже не обсуждалась. Багров стал настолько своим человеком, что на него уже орали на кухне, когда он клал на мойку мокрую губку, чего Бабаня не переносила.

Когда Матвей ушел, Ирка подъехала к окну. На подоконнике стояла кофейная банка с землей. В день, когда Ирка вновь оказалась в квартире у Бабани, она случайно увидела сухую горошину, притаившуюся в ложбинке между клавишами со стрелками и клавишей «Ctrl», и сунула ее в мокрую вату, содранную с ватных палочек. Теперь это был крепкий росток размером с мизинец. Рыхля вокруг него землю спичкой, Ирка ощущала себя героиней сказки Андерсена, и к ней, пусть на короткое время, приходили покой и тишина.

Ирка потянулась за спичкой, но увидела над дальней крышей странное пятно. Когда оно стало с ладонь, Ирка узнала Дафну. Дафна неслась, вытянув руки, как человек, прыгнувший с вышки ласточкой. Над ее лопатками поднимались и опускались крылья. Ирка не сразу поняла, зачем Дафна вытянула руки, но скоро разглядела, что перед Дафной, удирая, зигзагами несется Депресняк с живой вороной в зубах. Дафна летела быстрее Депресняка, но хитрый кот петлял, мешая схватить себя.

Добравшись до соседнего с Иркой дома, кот скользнул в чердачное окно и появился минуты через полторы, уже без вороны. Дафна погрозила ему кулаком, спустилась (Ирка подозревала, что, кроме нее, полет Дафны никто не видел) и пошла к подъезду.

— Бабаня, открывай! Гости! — крикнула Ирка, подкатываясь к двери и врезаясь в коляску, подаренную Чимодановым. Для улицы она подходила больше, но в квартире была неудобна: не складывалась и занимала много места.

Когда Дафна вошла, Ирка вновь сидела перед компьютером.

«Привет!» — напечатала она и подвинула к Дафне клавиатуру.

«Почему так? Разве мы поссорились?» — напечатала Дафна.

«Да нет. Люди говорят, а потом получается напечатанный разговор. Как Троил?».

Дафна снова развернула клавиатуру к себе. Она печатала неплохо, но не так быстро, как Ирка, которая делала это просто мгновенно. Казалось, клавиатура ей вообще не нужна.

«Я его не видела. Говорят, он в сознании, но слаб и очень страдает. В Эдеме умереть невозможно, но рана не заживает. Она нанесена мечом-перевертышем, да еще рукой человека, которому Троил доверился».

Последние слова Дафна напечатала с усилием, буквально выдавливая их по букве. Рассказывая ей о Троиле, Эссиорх употребил еще слова «двойное предательство — меч и человека», но Дафна ни за что не согласилась бы их повторить.

«И что... никак?» — Ирка лишь коснулась клавиш, а фраза уже возникла на экране.

«Нужен другой меч мрака, примерно равносильный, который хоть немного, но повернул бы к свету. Возможно, он сумел бы вытянуть яд», — напечатала Дафна.

«А-а, ясно», — вяло отозвалась Ирка.

Дафна подтянула клавиатуру за шнур. Она решила, что будет печатать стоя и одной рукой. Наклоняться через коляску было неудобно, а сказать об этом Ирке она стеснялась.

«Я тут подумала. В общем, э-э... я могу сделать так, что ты окажешься в Эдеме».

«Как это?»

«Минуя главные ворота. Грифон тебе не помешает. У меня кое-что есть...»

На стол перед Иркой лег лист пригласительного дерева. Золотые жучки сидели, сбившись в кучку, и грели друг друга, но, когда Даф толкнула их ногтем, забегали и сложились в слова.

«Билет на две персоны! Пойдем мы вдвоем, а обратно вернусь я одна. В Эдеме есть деревья, которые смогут вернуть тебе ноги и сделать тебя бессмертной. Нет, стражем ты не станешь, но в Эдеме не только стражи. Там много кто: и русалки, и...»

Не позволив ей допечатать, Ирка вырвала у Дафны клавиатуру.

«Меня вгонят!» — торопливо напечатала она, впервые за много недель сделав опечатку.

«Нет. Если человек с ярким эйдосом — а у тебя он такой — провел в Эдеме хоть несколько часов, его уже не выгоняют. Я думаю, Шмы... моя учительница о чем-то догадывалась. Я не помню случаев, когда она так ЯВНО ошибалась. Может, она думала про Мефа, но он бы не согласился. Есть, правда, одно «НО». Обратного ты не вернешься».

«НИКОГДА?»

«Эдем огромен, — заторопилась Дафна. — Гораздо больше, чем ты себе представляешь. Только обзорная экскурсия по нему длится четыре года».

«А МАТВЕЙ?»

Дафна долго не отвечала. Ирка выделила слова «А Матвей?» и бесконечно копировала их строка за строкой, пока они не заполнили весь монитор.

Дафна забрала у нее клавиатуру и, придвинув чимодановскую коляску, села в нее.

«Матвей тоже может оказаться в Эдеме. Но его путь будет долгим, мучительным и трудным. Он еще очень далек от света, а просто так километры у нас не срезают. Я могла бы отдать свой билет ему, чтобы вы пошли вдвоем, но там, в Эдеме, ему будет даже хуже... ну как рыбе на суше или человеку, который решил потрогать солнце. Пока хуже! Поверь, это так».

Ирка схватила маркер и, не отбирая у Дафны клавиатуру, прямо на мониторе написала: «А я? я? я?»

«Про тебя я сказала. Ты можешь остаться в коляске и БЫТЬ С НИМ или воспользоваться этим билетом здесь и сейчас».

Ирка посмотрела на свою горошину. Росток, кренясь, тянулся к окну. Казалось, он показывает ей на что-то. Ирка рывком стянула тело с коляски и, схватившись за поручень,

лбом прильнула к стеклу. По асфальтовой дорожке шел Матвей с майонезом и поддерживал подбородком порвавшийся кулек с сосисками.

Ирка оттолкнулась от подоконника и свалилась обратно в коляску. Она чуть промахнулась и ударилась лопаткой об изгиб ручки.

— Дай сюда! — вслух сказала она Дафне и выдернула у нее из рук клавиатуру:

<<Я останусь с Матвеем и буду ему помогать. Он не должен узнать о нашем разговоре. НИКОГДА!»

— Хорошо, — напечатала Дафна.

Ирка выделила весь разговор через «Ctrl+A», секунду помедлила и удалила его, твердо нажав на «delete». Клавиатура соскользнула со стола и повисла на шнуре.

Спустя минуту Багров просунул голову в комнату. Лицо у него озадаченно вытянулось. В комнате кипела лихорадочная деятельность. Ирка дергала из шкафа вещи, и они сыпались на нее. Рядом с открытым рюкзаком стояла озадаченная Дафна и ловила в его жерло вещи. Депресняк, контуженный свалившейся коробкой, негодуя шипел под диваном.

— Мы едем в Сокольники! Звони Хааре! Пусть присылает Вована! — крикнула Ирка, поворачиваясь к Матвею.

Багров уронил майонез.

— А Бабаня? — спросил он недоверчиво. — Ты же сама говорила... Она так и будет носить тарелки и кормить призрак кашкой?

Ирка выпустила рукав свитера, который вот уже несколько секунд безуспешно тянула с верхней полки.

— Бабане мы скажем правду... Сегодня же скажем. С тарелками пора завязывать! Думаю, не сразу, но, уверена, ей самой будет так легче, — сказала она решительно.

Глава 19. Четвертый свет для светофора

*В зазоре между «хочу» и «могу», «хочу» и «надо» — в этой зловоннейшей из дыр таятся миллионы копошащихся комиссионеров.
«Книга Света»*

Мефодий закончил делать приседания. Вначале он десять раз присел с Дафной на плечах, потом еще пятьдесят сам, высоко выпрыгивая после каждого. Это помогало уходить от подрубающих ударов по ногам без опускания клинка и разрыва дистанции. Правда, с Ареем такая тактика едва ли сработает. Мечник умел останавливать меч на любой фазе движения без утраты энергии удара — и легко могло случиться, что подпрыгнувший Меф приземлился бы прямо на любезно подставленный клинок.

Рядом на стуле стоял Чимоданов и, размахивая бутербродом с колбасой, орал:

— Выше! Четче! Подчеркиваю: не так напряженно! А где улыбка? Улыбку, я сказал!

Сэкономив на улыбке, Буслаев круговым ударом ноги выбил из-под него стул.

Меф тренировался так же напряженно, как и раньше, но вместо своего меча использовал учебный. Даже когда он получил от Эссиорха ножны, недоверие к клинку сохранилось. Он помнил, как меч перестал ему повиноваться, и опасался, что та же ситуация повторится вновь, но уже с Дафной.

После занятий, уже стоя у раковины и обтираясь мокрым полотенцем, Меф смотрел, как в стоке закручивается вода, а вместе с водой крутится серебристая крышка от шампуня.

Крышка напомнила ему рыбью спину на Волге, в тот единственный год, когда они с Эдей туда ездили. Меф плыл в лодке и увидел крупного леща. Скорее всего, его оглушило катером, потому что лещ плавал кругами. Меф встал в лодке и ударил его веслом. Сильно ударил — даже в ручке весла отдалось. Человека бы убило, а лещ все плавал. Меф бил снова и снова — испытывая ужас, но и азарт. Лещ почему-то не уходил вглубь, а все так же очерчивал круги, обезумев от боли и безысходности. В общей сложности Мефодий ударил леща раз тридцать. Потом все-таки оглушил и вбросил в лодку. От леща пахло чем-то

нерыбьим — бензином или мазутом. Его даже кошки есть не стали, и он достался мухам.

Мефу было мерзко — с того дня, как его меч поразил Троила, он впервые увидел себя изнутри. Ощутил, как в нем — не где-то в Тартаре, а в нем самом, шевеля тараканьими лапками, ползает серое, тухлое, сплавившееся с ним зло, в котором нет ровным счетом ничего романтического.

Дафна постучала в дверь ванной.

— Эй! Ты скоро? К тебе пришли!

— Кто?

— Дама с собачкой! — таинственно ответила Даф.

Дамой с собачкой оказалась Варвара. «Собачка» сидела рядом, занимая треть комнаты, и показывала Депресняку белые молодые зубы. Хитрый Депресняк отлеживался под диваном и дразнил ее, высовывая то хвост, то лапу. Со стороны могло показаться, что он струсил, но Дафна знала своего кота. План его состоял в том, чтобы заставить Добряка засунуть под диван голову. Целиком он туда бы не пролез, и голова досталась бы Депресняку для вдумчивого выцарапывания глазок.

Добряк тоже это понимал, поэтому к дивану не совался.

— Я тут проходила мимо! Вижу окна и... а-апчхи! — начала Варвара и, не договорив, громко чихнула. Она вся была ходячий вирус. Нос тек, глаза слезились. Даже антибиотики, и те дошли от встречи с ней.

Мефодий с Дафной закивали в две головы. Москва — самый подходящий город, чтобы просто проходить мимо. Даже обитающие в соседних подъездах люди встречаются раз в месяц. Если же они живут в разных районах, то вероятность случайной встречи как у двух метеоритов во вселенной.

Варвара заметила эти коварные кивочки и рывком встала.

— Встреться с ним! — сказала она Буслаеву. Меф не стал спрашивать, с кем «с ним». Есть вещи

ясные по умолчанию.

— Зачем?

— Я не знаю, какие у вас с ним дела, но он этого хочет.

— Он тебе сам сказал? — не поверил Меф. Варвара вытерла рукавом нос.

— Он странный... Вообще почти не говорит. Только «дай», «положи», «возьми», как служанке. И смотрит на медальон. Беседует с ним, как полный псих.

— На медальон? Может, на дарх?

— Дарх — это длинный такой? — наивно уточнила Варвара. — Нет, на медальон. Я подсмотрела, когда он напротив зеркала сидел.

— И что там внутри?

— Женщина какая-то. Думаю, его бабушка. Уж очень дряхлое все, исцарапанное... Увидься с ним, а? — Голос у Варвары сделался умоляющим. Ну, насколько он может быть умоляющим у охрипшего человека, который кашляет через два слова на третье.

Мефодий вопросительно взглянул на Дафну.

— Я тебя никогда... — грозно начала она. — Ладно, пуцу! Иди!

— Мне в универ... — тоскливо вздохнул Меф. — Ну ладно! Прогулы лекций — признак таланта. А вылететь с первого курса — вообще почерк гения.

У входа в общежитие озеленителей стоял красный кузовной грузовичок. Брезент был откинут. Внутри Меф увидел двух живых баранов. Бараны просовывали морды наружу. У них были печальные кроткие глаза и влажные ноздри. Один баран позволил себя погладить. Другой пугливо шарахнулся, не столько от руки, сколько от близости крупного черного пса.

До Нового Арбата они добрались минут за сорок. Варвара тащила еле-еле, часто присаживаясь отдыхать. Меф вообще не понимал, как она дошла до их дома, а теперь идет обратно.

— Видишь этот столб? — кашляя, спросила она, когда они шли вдоль дороги. — Он мне как родной. Я на него третью машину наматываю.

Меф столб видел и подтверждать не стал. Добряк же высоко задрал лапу и оставил метку столь высокую, что она могла быть зафиксирована как абсолютный собачий рекорд.

Они спустились в переход. Людской поток был таким плотным, что, когда они свернули в коридорчик, ведущий к железной двери, на них оглянулось человек пять. Правда, смотрели все пустым, городским, сразу-все-забывающим взглядом. Арей не то лежал, не то сидел в глубоком кресле с торчащим из рваной обивки поролоном. Он был такой же, каким Меф его помнил, разве что похудел и щеки висели складками, как у шарпея. Борода отдавала желтизной, но была подстрижена. В этом ощущалась рука Варвары. Мефа Арей приветствовал движением ноги, обутой в тесный, блестящей кожи сапог.

— О, мальчик мой! Какими судьбами? Меф оглянулся на Варвару.

— Неужели такими? — удивился Арей. — Кашляющие судьбы с гриппозными глазами!

— Закончили шутить? Можно начинать смеяться? — сипло спросила Варвара.

Арей нахмурился и перевел взгляд на Мефа.

— Варвара, будь любезна, купи себе что-нибудь, чего нельзя купить на Арбате! И лучше не откладывай! Сделай это прямо сейчас.

Варвара повернулась и вышла.

— Чудесная девочка! Само послушание! Совсем недавно она метнула бы в меня тесак, да вот удача: она его где-то посеяла!

— Вы ее обижаете. Она вас любит, — сказал Меф.

— Неужели? Это потому, что я деспот. Есть тип девушек, которые любят только деспотов. Особенно, заметь, те, у кого от природы сильный характер.

Женщины — безжалостные существа. Бездельных людей они разрывают в клочья.

Меф ощутил, что Арей передергивает.

— Те, о ком вы говорите, не женщины, а самки. Женщины ведут себя иначе, — заметил он.

Тяжелое веко мечника дрогнуло.

— Сильный ответ! Ты на волне успеха, мой мальчик! Говорят, сработал по Троилу! Крупная добыча, поздравляю! Только не понимаю, почему я должен узнавать обо всем от Барбароссы? Мог бы и сам похвастаться! Все-таки мой ученик!

Меф молчал.

— Да только, говорят, старикан еще жив! — продолжал Арей. — Это все потому, что ты не доворачиваешь кисть, когда клинок в ране. Ох уж эти жалельщики!

Буслаев знал почерк Арея: вести разговор на чужой территории и не пускать на свою.

— Варвара совсем разболелась, — заметил он. Арей опустил тяжелую голову.

— Не сидится ей дома. Ночью температура была под сорок. Я сорвал с кровати профессора. Притащил его в подштанниках. Увы: бедняга оказался офтальмологом. Прописал такую дрянь, которую посоветовала бы любая фельдшерица в ночной аптеке.

— Жар — это неплохо. Когда жар, микробы перестают размножаться, — с апломбом юного биолога заявил Меф и внезапно ощутил жар столь сильный, что опустился на пол на подломившихся ногах. Перед глазами все плыло. Стыковались и вновь разделялись алые пятна, вышагнувшие из стены перехода.

Откуда-то донеслись размазанные, точно из заевшей пленки, слова Арея:

— Твоя правда, синьор помидор! Всего-то на несколько секунд сделал тебе сорок два, а микробыдохнут на глазах!

Мечник щелкнул пальцами. Жар спал. МефОдий осторожно поднялся с пола. Спина была мокрая. Сердце колотилось так, будто он бегом поднялся на восьмой этаж.

Арей смотрел в стену, но Меф ощущал на себе его тяжелый взгляд. Разговор петлял то туда, то сюда. При этом Мефа не покидало чувство, что Арей говорит с ним рассеянно, лишь частью разума, а внутри у него зреет и ворочается большая, тяжелая, главная мысль.

— Надеюсь, ты тренируешься, — вдруг сказал Арей.

— А что, нетренированного убивать неинтересно?

— Видишь ли, я вложил в тебя много... ну не скажу души, а уж усилий точно. Досадно будет не получить хотя бы мизерного удовольствия. Нормальные клинки у мрака почти перевелись. Осталась только вертлявая школа в новомодном итальянском духе. Все эти guardia di Alicornio, первая позиция, вторая позиция... Натуральные танцы! Разрубаешь его до селезенки, а он еще делает эти свои финты.

— Попытаюсь обойтись без финтов, — пообещал Меф.

Арей благодарно кивнул.

— Барбаросса говорит, у тебя появились ножны и щит, синьор помидор! Собрал все железки Древнира, а? Давно мечтал посмотреть, на что они годятся.

— Скоро посмотрите, — задиристо пообещал Меф.

— Я не хочу скоро. Я хочу сейчас...

От руки Арея оторвалась серебристая молния. Уклониться Меф не успел — только подумать о щите. Услышал звяканье металла о металл. Отбитый щитом, на полу кружился метательный нож, похожий на дохлую рыбку.

Меф резко прыгнул вперед и, призвав меч, атаковал Арея рубящим ударом, остановив клинок в пальце над его головой. Барон мрака даже не попытался подняться с кресла. Напротив, откинулся на спинку. Он смотрел на клинок снизу и ухмылялся.

— Никуда не годится! Ты сражаешься как смертник! Как потенциальный труп! — сказал он.

Поняв, что биться с ним не будут, Меф заставил меч исчезнуть.

— Почему? — спросил он, задыхаясь.

— Сам видел: только что ты упустил отличный шанс! У тебя нет решимости меня убить! Без этого все твои железки ничего не стоят.

Арей сунул руку под кресло и бросил Мефу смятый бумажный шар.

— Пришло из Тартара сегодня утром! Читай!

Меф расправил страницу. Послание было коротким и совершенно не похожим на обычные бюрократические упражнения нижней канцелярии.

«А.! Час пробил. М. должен быть устранен не позднее пятницы. Время и место боя выбирай сам.

Л.»

Меф не подозревал, что волнуется, пока не услышал своего голоса. Надо же, можно подумать, что его душат.

— И?.. Где и когда?

Арей с усилием стянул железную, с красной подшивкой, латную перчатку, которой минуту назад на его ладони не было и в помине, и лениво кинул ее Мефу. Перчатка толкнула Мефа в грудь и, хватаясь за пуговицы пальцами, как живая, сползла на пол. Свернулась и улеглась, как сытый хорек.

— Царицыно. Полночь, со среды на четверг! Лучше Царицына для дел такого рода в Москве ничего нет... Лигул будет польщен. Говорят, он сам помогал масонам его проектировать. Потом Царицыно долго находилось в забросе, и только при Пуфсе было достроено... Вот за что я ценю дальновидных подхалимов — они никогда не упустят случая подлизаться.

— Царицыно, со среды на четверг... — повторил Меф.

— Не опаздывай! К часу я хочу быть уже свободен, — сказал Арей, неотрывно глядя на него. Глаза у него были страшные. Они не отдавали тепло, а, напротив, втягивали его в себя, как черные дыры. Мир после такого взгляда становится выгрызенным.

— Хорошо. Я буду без четверти двенадцать. Меф наклонился, за палец поднял перчатку, повернулся и вышел.

Подземный переход, как и прежде, был забит людьми. Среди них ящеркой скользил художник с блокнотом, ухитрявшийся на ходу делать с людей зарисовки и предлагавший их купить. Самое удивительное, что это был действительно художник, а не шпионящий суккуб.

Наверху, на ступеньках, Меф увидел худые джинсовые ноги Варвары и рядом с ними переминающиеся лапы черного пса. Только ноги — остальное отрезалось козырьком перехода. Буслаев приблизился к ним, добавив к шести ногам еще две.

— Ты видел его? Он с тобой разговаривал? О чем? — спросила Варвара с надеждой.

— Да так. О физкультуре, — уклончиво отозвался Меф.

Варвара не уловила иронии. Для простуженных и уставших юмора не существует. Они смотрят на жизнь серьезно.

— Какой-то он... не такой. Мягкий. Ты почувствовал? — нащупывая слова, сказала Варвара Мефу.

— Угум. Натуральная сиротка, — буркнул тот. Меф двинул в универ, но не доехал. Вышел на

«Воробьевых горах» и остановился над рекой, не выходя из метро. Его толкали. Гремели, скрываясь в тоннелях, поезда. Все, чем он до сих пор был занят, казалось путаной ложью и бессмыслицей. Зачем он всю осень зубрил этот бред про планктон и молекулярные цепочки? Пройдет всего два с половиной дня, и его тело займет место в деревянной коробке, а эйдос... кто его знает, как все будет?

Меф позволил очередному человеческому потоку внести себя в вагон и вернулся в общежитие озеленителей. Грузовичок с откинутым брезентом все еще стоял у входа. Баран в нем был только один. Меф так и не понял — какой: тот, что шарахался от руки, или тот, что позволял себя гладить. Озеленители кучковались на баскетбольной площадке, откуда уже тянуло дымком. Поискав глазами, Меф нашел на асфальте под левым баскетбольным кольцом белое, с красным подворотом, пятно шкуры.

«Как все просто! — подумал он. — Значит, со среды на четверг... Ну и замечательно!»

Дафна ждала Мефа на кухне, которая одновременно была и частью комнаты. Депресняк шипел под диваном, показывая, как с ним несправедливо обошлись.

— Свой обед возьмишь у него! — сказала Даф, толкая диван ногой.

Меф плюхнулся на стул и застыл с остановившимся взглядом, какой бывает у людей, с трудом доплетшихся домой. Дафна присела рядом с ним на корточки и взяла его руки в свои. Ладони у Мефа были теплые, а пальцы ледяные.

— Видел Арея? Да, знаю, что видел... Зачем же я, глупая такая, спрашиваю? — торопливо продолжала Даф. — Ты что-то хочешь мне сказать, да?

Меф покачал головой.

— Я хочу сказать много. А много — это все равно что ничего.

Даф отпустила его холодные, как у мертвеца, пальцы.

— Значит, ничего?

— Да, ничего, — отозвался Меф.

— Да, — запоздалым эхом откликнулась Дафна. — Много — это все равно что ничего.

* * *

По подземному переходу тек нескончаемый поток. Тысячи ног, шаркая, стирали плиты. Варвара лежала с закрытыми глазами и представляла, что она на океанском берегу. Рядом с ней лежал Добряк, пахнувший украденной шаурмой. Он не прекращал налеты на покупателей пищевых точек Нового Арбата даже и теперь, когда Варвара все никак не могла выпутаться из похожих на столики «п» слова «грипп».

Арей, сидя в кресле, неотрывно смотрел на Варвару. Она ощущала его плотный взгляд даже через одеяло.

— Я подыхаю! У меня все болит! Микробы гадят мне в мозг, — не открывая глаз, хрипло пожаловалась она.

— Ничего. Все, что нас не убивает, делает нас сильнее. Резерв жизни у тебя колоссальный, — спокойно отозвался Арей.

— Откуда вы знаете?

— Если я погонюсь за тобой с ножом, ты побежишь от меня? Значит, сил вагон. Опять же — всегда можно вырастить новый вирус и получить от Лигула премию.

— Лигул — это ваш друг, который никогда не спит? — уточнила Варвара и сразу, без перехода, врезала Добряку локтем. — Не стягивай одеяло, болонка!

С каждым следующим часом человеческий поток в переходе редел. Город закрылся на ночь, вывесив таблички созвездий на подвижных гвоздиках спутников. Метро остановилось. В половине третьего снаружи, совсем рядом, подрались два наркомана. Третий целеустремленно колотил ногами в дверь.

— Ну если ты так хочешь, я открою, — устало откликнулся Арей.

Он встал, собираясь выйти, но Варвара удержала его.

— Не надо! Он сейчас сам уйдет! Скажите мне «спокойной ночи»! — потребовала она сквозь одеяло.

— Спокойной ночи! — послушно отозвался Арей.

— Хоть бы вы уже делись куда-нибудь из моей жизни. В другое место бы переехали, что ли? — сказала одеяло.

Арей вздрогнул.

— Почему? — спросил он у одеяла.

— Потому что я к вам начинаю привыкать. Скоро я буду такая же, как и вы.

— А тебе это не нравится? — небрежно спросил Арей, не выдавая голосом волнения.

— Ну не то чтобы не нравится. Просто же это уже не буду я. — Варвара решительно придвинула к себе Добряка и дала ему подзатыльник, чтобы он стал послушной подушкой.

Глава 20. Выпей йоду!

Настоящая вечность начинается, когда человек растворяет свои интересы в других. Тогда жизнь мало-помалу заполняется чужими радостями, которые воспринимаются как собственные. Все радости мира — твои, и все горести мира — твои. Только так, и никак иначе.

Эссиорх

Вечером Меф пришел домой. Ему хотелось не то чтобы попрощаться, но внутренне подвести итог жизни. Все его близкие были дома, и все на кухне.

Похудевший Эдя смотрел в хрустальный шарик, промахиваясь печеньем мимо открытой банки с кабачковой икрой. Рядом на одном стуле сидели Зозо и Игорь Буслаевы и кормили друг друга шпротами, вылавливая их пальцами за хвостики. Тоже из консервной банки. Мытьем посуды, как занятием бесконечно пошлым, никто не заморачивался.

— Поворотись-ка, сынку! Я посмотрю, вырос ли у тебя хвост! — заорал Игорь Буслаев.

— Хвост у Дарвина, — отозвался Меф.

Буслаев-старший шутки не понял, и Меф сообразил, что хвост имелся в виду тот, что на голове. Он сел на свободный стул и отобрал у Эди банку с кабачковой икрой. Еще месяц назад Хаврон разорался бы, что надо самому работать и он никого кормить не намерен, а теперь даже не заметил. Печенье продолжало слепо тыкаться в стол, где, как предполагал Эдя, все еще находилась банка.

— Он ничего не слышит! И ничего не видит, кроме своего шара! Аня ему недавно звонила, так он даже трубку снимать не стал. Он в полной отключке! Смотри! — Зозо протянула руку и помахала ладонью у брата перед глазами.

Эдя дернул головой вначале в одну сторону, потом в другую. Ладони он, видимо, вообще не видел, только понимал, что что-то отгораживает его от шара.

Зозо пальцами сняла с губ у мужа прилипший шпротный хвостик.

— Мне кажется, что Эдка... ну как бы сказать... уже не здесь! Он в шаре! — озабоченно продолжала она. — А ведь у красотки его вместо зубов цепная пила!

— Чего? — шепотом переспросил Меф.

— Ну да, — спокойно подтвердил Игорь Буслаев. — Да ты не бойся громко говорить!

Сказано же тебе: не слышит! Он тут вчера заснул на полчаса, так мы в шар посмотрели! Вместо зубов у нее пилы, и в разные стороны ползут!

Мефодий осторожно обошел дядю со стороны окна. В шарике у него была все та же потребительская идиллия — дом, спортивная машина, розовый садик. На крыльце стояла манекенщица и приветливо манила Эдю пальчиком. Губы у нее были пухлые, а вот зубов не разглядеть. Она зачем-то закрывалась ладонью.

Рядом с ней на крыльце Меф увидел прозрачную тень с уже начавшими оформляться контурами. Он понял, что это Эдя. Его дядя мало-помалу засасывался шаром. Меф, достаточно поработавший мраку, догадывался, что произойдет дальше. Тело останется здесь — или мертвое, или лишившееся разума. Эйдос же окажется там, в шаре, который возьмет и исчезнет.

Меф с трудом оторвал взгляд от шара. Это было почти больно. Хотелось смотреть еще и еще. Шар заманивал. Прощупывал сознание Мефа, соображая, какую картинку нарисовать для него. Научные успехи? Десять кокетливых блондинок? Строй водочных бутылок? Или, может, марширующий строй верных, преданных до самозабвения солдат, а он, Меф, их вождь и император?

В детстве Мефодий из любопытства лизнул на морозе полозья санок. Язык примерз, и, боясь боли, он, как дурачок, стоял, медля отдернуть. Хорошо еще, нашелся товарищ, давший ему подзатыльник.

Меф подумал, что его родителей спасла от шара великая купидонья любовь. Зачем им призраки, когда так увлекательно кормить друг друга шпротами?

— Отвлеките Эдку! Мне нужно, чтобы он оставил меня с шаром! — потребовал Меф у матери.

— Как отвлечь? Он его не выпускает! Мне, знаешь, совсем не хочется, чтобы он табуреткой стал размахивать! — забеспокоилась Зозо.

Игорь Буслаев подмигнул сыну.

— погоди! Есть способ!

Он вышел в коридор, открыл входную дверь, настойчиво позвонил в звонок, а потом вернулся и громко крикнул на ухо Хаврону:

— Эдя! сосед снизу ругаться пришел! Говорит, у нас ванна опять протекает!

Лицо у Эди стало маниакальным. Он встал и взял с мойки топорик для разделки мяса.

— Я сейчас вернусь, дорогая! Останься здесь — это не для женщин! — сказал он синими губами, обращаясь к манекенщице, и, натываясь на стены, пошел в коридор.

Шар остался на столе. Меф поспешно схватил его — стекло обожгло ладонь — и с силой ударил об пол. Звук был такой, словно выстрелили из маленькой пушки, однако на шаре не появилось ни одной трещины.

— Ну вот! Кафель разбил! Знаешь, сколько стоит в Москве поменять одну кафелину? — запричитала Зозо.

Не слушая ее, Меф колотил шаром об пол. Манекенщица улыбалась, не размыкая губ. Розы благоухали. В окнах приглашающе горел свет.

В коридоре застучали каменные пятки командора. Эдя возвращался после несостоявшегося разговора с соседом. Он был сердит и озадачен. А сейчас он еще увидит племянника с шаром и...

— Игорь! У него с собой топор! — по-птичьему крикнула Зозо, захлопывая дверь у него перед носом. — Говорила тебе: сделай шпингалет! — зашипела Зозо на любимого мужа.

Ручка стала поворачиваться. Отец и мать Мефа держали, навалившись на дверь всем телом.

— Откройте! Я не могу войти! — сказал из коридора зомбированный голос.

— Сейчас, Эдичка! Сейчас, солнышко!

Ощущая себя сумасшедшей обезьяной с кокосовым орехом, Меф колотил шаром по батарее. Он наконец нашел нечто, что не трескалось, как кафель. Батарея была старая, чугунная. После одного из ударов на шаре появилась маленькая выбоина.

Саблезубая блондинка забила себя. Она открыла рот для призывного визга, и Меф убедился, что мать права. Такие зубы могли стать кошмаром любого стоматолога. Они были треугольные и с сумасшедшей скоростью скользили навстречу друг другу. Эде, стоявшему рядом на крыльце, пока что везло, что он призрак. А когда он перестанет им быть?

Самого визга Меф не услышал, но оригинал Эди в коридоре что-то учуял.

— Пустите меня к жене! Я хочу ее видеть! — крикнул он.

— Сейчас, лапочка!.. А что, Иосиф Эрастович ушел? Ты топорик где оставил? — засюсюкала Зозо.

Оказалось, что топорик Эдя захватил с собой. Это стало ясно, когда его острый край просадил дверь в двух ладонях от прижатого к ней лба Игоря Буслаева. Эдя работал топором размеренно, как лесоруб. Дверь трещала и жалобно отплевывалась длинными щепками.

Меф продолжал колотить по батарее, однако стеклянный шар демонстрировал прочность невероятную. Он больше не трескался, а лишь слегка мутнел. От него откалывались чешуйки стекла.

У Мефа мелькнула мысль, не материализовать ли меч, но он сообразил, что меч мрака против шара мрака едва ли будет полезен. К тому же существует риск, что меч атакует мать или убьет Эдку.

Сосредоточенными усилиями Хаврону удалось выбить в двери брешь, достаточную, чтобы заглянуть на кухню. Увидев, что Меф творит с его шаром, Эдя зарычал. Просунул в щель руку и, схватив за ворот Игоря Буслаева, стал бить его головой об дверь.

— Пусти к ней, пусти к ней, пусти к ней! — повторял он при каждом ударе.

Меф понял, что дальше тянуть нельзя. Драться с Эдей ему не хотелось. Он распахнул окно и высунул голову. Отсюда, с верхнего этажа, двор казался крошечным. Крыши машин, как почтовые марки.

— Нет! — заорал Эдя.

Отпустив ворот Буслаева-старшего, он всем телом врезался в дверь и прорвался на кухню. Меф разжал руку. Серебристая капля шара, уменьшаясь, полетела вниз. Момента, когда он врезался в асфальт, Меф не увидел, потому что вместе с отцом повис на плечах у рычащего Эди, который пытался выпрыгнуть за шаром в окно. Они сбили его на пол, и Меф уселся сверху.

«А если не лопнет?» — подумал он, но в этот момент с улицы донесся хлопок, и сразу же Эдя перестал биться.

— Слез с меня быстро, салага! Скамейки в парке! — сказал он обычным голосом.

— С тобой точно все в порядке? — недоверчиво спросил Меф, знавший, какими убедительными могут казаться хитрящие психи.

— Со мной — да. Но с твоим носом будет нет, если не слезешь!

Меф слез, предварительно отобрав у него топорик. Хаврон хмуро одернул рваный свитер.

— Больные вы все какие-то! На людей кидаться! И что я вам сделал? Тихо-мирно пришел с работы! — пожаловался он.

— Да ты на ней уже неделю не... — начал растрепанный Буслаев-старший.

Зозо поспешно зажала ему рот ладошкой. Она первой сообразила, что Эдя ничего не помнит. Из его жизни аккуратными ножничками выстрижены десять дней. Вместе со всеми воспоминаниями.

Меф повернулся, собравшись уходить.

— Ты плохо выглядишь, Эдя! Выпей йоду! — посоветовал он.

* * *

Полоса счастья — обычно аванс. Полоса неприятностей — гонорар за все «хорошее», что мы когда-то кому-то сделали. У Эди после длительных гонораров, которые он себе выплатил стеклянным шаром, настала пора авансов. И главным его авансом стала Аня, причем при обстоятельствах почти романтических...

Вообще, говоря глобально, Хаврон был романтиком два раза в жизни — и оба раза с

Аней.

Началось все просто. Эдя возвращался с работы, откуда его забыли выгнать, как до этого забыли оформить. В правом кармане у него лежали чаевые, довольно щедрые, а в левом — огромная, с два разбойничьих кулака, аргентинская котлета в капустном листе, которая не понравилась клиенту, но очень понравилась самому Эде.

Время было недетское — около часа ночи. Метро еще ходило. Машинисты откровенно зевали: их железным поездам хотелось в кровати. Эдя шагнул на платформу своей любимой станции и сразу оказался в гуще событий.

Карманников было трое. Один, мускулистый и агрессивный, обеспечивал прикрытие. Другой, артистичный, косил под интеллигента. Он же в основном и работал. Третий отвлекал внимание нестандартным поведением в амплуа дурачка: притворялся пьяным, на всех падал, шумел. Но сейчас, ночью, они особо не скрывались и сработали грубо: перед закрытием дверей сдернули с девушки сумку и выскочили.

Девушка, вместо того чтобы тихо проливать слезы, рванула следом и ухватила последнего из бегущих за куртку. Эдя появился из своего вагона как раз в секунду, когда все трое взяли девушку в клещи. Церемониться с ней они явно не собирались.

Однажды, на первом курсе вуза, откуда он потом благополучно вылетел, Эдя уже спасал девушку от бандитов. Случилось это ночью в парке. В то время он был тощ, лохмат, зато начитан. Вспомнив пример благородных рыцарей, которые, выкупая у разбойников девушку, бросали с коня мешочки с золотом: «Возьми и отпусти ее!», Эдя с теми же словами бросил бандитам свой бумажник. Воришки от удивления схватили его и убежали.

Спасенная Эдей девушка оказалась в подпитии. Вместо того чтобы вознаградить своего спасителя поцелуем, она неумело лягнула его ногой и ушла, нетвердо ступая. Проводив ее грустным взглядом, Эдя запоздало вспомнил, что в бумажнике остались ключи от квартиры и паспорт...

Прошли годы. Эдя стал упитан и циничен. Пока он соображал, в каком ключе должно проявиться его негодование и можно ли как-нибудь обойтись без торжества справедливости, девушка обернулась. У нее было красно-белое, испуганное, очень знакомое лицо. Эдя узнал Аню.

Дальше началась сплошная героическая сага. Эдя бросился на помощь. Сбить с ног он сумел только одного, самого дохлого — того, что косил под пьяного. После первого же удара он улетел сразу и с невероятной готовностью.

«Артист» с необыкновенной скоростью отскочил, укрывшись за спиной здорового. Слаженность у них была потрясающей. Мощный карманник тратил свое свободное время с толком. Об его пресс Эдя отшиб себе кулак. В следующую секунду его боднули в лицо лбом и добавили чугунным кулаком по шее.

Эдя упал и по мраморному полу подкатился к чьим-то ногам.

Еще точнее: к огромным ногам.

Совсем точно: к гигантским ногам.

Эдя вскочил и оторопел. Пустая станция оказалась не так уж пуста. На каменной скамейке с деревянным сиденьем — одной из тех вечных скамеек, что так ценят архитекторы московского метрополитена — сидела трогательная парочка: Зигя и Прасковья. Прасковья дремала у Зиги на плече, Зигя ковырял в носу пальцем. Эдя не стал медитировать, соображая, откуда Зигя здесь взялся.

— Помоги! Они хотят меня убить! — заорал Эдя, чудом пропуская над ухом каменный кулак вошедшего в раж качка, которому хотелось добить его во что бы то ни стало. Слабоумного и бледную девушку в счет он явно не принимал.

Зигя вытянул из носа зеленую козюлю и стал размышлять: съесть ее или вытереть об лавку. В финале победил первый вариант.

— Ну и сто? — грустно спросил он. Карманники сбили Эдю с ног и стали пинать в четыре ноги.

— Насовсем убить! — заорал Эдя. На разбитых губах кровенились пузыри.

Зигя вздохнул и подпер кулаком щеку. Известие его опечалило, но на поступки не подвигло.

— А еще у них есть конфета, которую они тебе не дадут!!! — задыхаясь, выкрикнул Эдя.

Зигя поднял голову.

— Какая конфета? Касная, которую мама обещала на день роздения? — недоверчиво спросил он.

— Касная, касная! Они ее забрали! Не будет у тебя дня рождения! — закивал Эдя, не зная, к чему это приведет.

Гигант широко открыл глаза.

— У Зиги не будет дня роздения? Зиге не исполнится чesyре годика?

— Нет! Из-за них! — безжалостно крикнул Эдя. Он уже не пытался встать, только прятал лицо.

Лучше бы он закопал непогашенный окуроч в бочке с порохом.

В следующую секунду боевое тело Пуфса сорвалось с места. Атакующий Зигя был кошмарен. Его кулак раздробил мрамор над головой у пригнувшегося карманника. Следующим ударом качка взметнуло в воздух и впечатало в стену. «Артист» попытался убежать и добежал почти до эскалатора, но его догнала мраморная скамейка, которую Зигя швырнул едва ли не вместе с мамой Прасковьей.

«Дурачок», которому досталось от Эди, спрыгнул на рельсы и, скуля, присел на корточки. Он явно предпочитал попасть под поезд, чем под Зигю. Длинной рукой Зигя сгреб его, вытянул как репку и стал выворачивать карманы. Выпало два телефона, три плеера и несколько скомканных купюр — добыча этого вечера.

Самое невероятное, что в одном из карманов действительно оказалась конфетка. Умиленный гигант зачмокал.

— Касная! Вкусная! — сказал он, пуская слюни. Аня подбежала к Эде и помогла ему встать. Хаврон вытер тыльной стороной руки разбитые губы.

— Откуда ты здесь?

В другое время разговор получился бы длиннее и бестолковее. Они бы долго буксовали на месте, рассуждая, какая противная в Москве погода и будет ли теплее на следующей неделе. Но теперь все было проще.

— Я искала тебя, — просто сказала Аня.

Она наклонилась, подняла свою сумку и стала собирать высыпавшиеся вещи. Среди прочего удивленный Эдя увидел ножницы. Не маленькие маникюрные, а большие серьезные ножницы.

— А это зачем?

— Вырезаю.

— Чего вырезаешь?

— Разное. Себя. Свои мысли, — тихо ответила Аня.

Она неосторожно подняла за переплет упавший блокнот, позволив страницам растрепаться. Из блокнота хлынули фигуры из цветной бумаги, вырезанные с необычайным искусством. Маленький деревенский дом, деревья с кружевной листвой, забор-штакетник, пес — бестолковая дворняга с развесистыми ушами. Один из силуэтов показался Эде подозрительно похожим на кого-то.

— Эй! Вообще-то я не такой упитанный! — возмутился он. — А это чего за мелюзга? Купидоны, что ли? А крылья тогда где?

Аня вырвала у него из рук ножницы и стала складывать фигурки в блокнот.

Прасковья подошла и, сунув руки в карманы, разглядывала Эдю.

— Спасибо за помощь! А, кстати, откуда вы здесь взялись? — обратился к ней Эдя.

Прасковья попыталась ответить. Эдя видел, как напрягается ее гортань, однако из горла вырывались только отдельные звуки.

— ыуо...о!

— А, понятно! — вежливо сказал Эдя. Прасковья нетерпеливо стала хлопать себя по карманам. Ни блокнота, ни карандаша. Нашарила алую помаду, нашла в кармане длинный чек из супермаркета.

«Я уШла от ВиХрОвой. ВозВращАюсь на ДмиТровКу», — написала она прыгающими печатными буквами. Помада сломалась. Она перехватила отлетевшую часть пальцами.

— А, понятно... — тупо повторил Эдя, не зная, что еще спросить. — А ваще ты как?

В алых, словно окровавленных пальцах Прасковьи замелькала помада.

«Не ЗнАю. тоШно КаК-тО вСе».

Эдя закивал. Как человек, всю жизнь проработавший в кабаках, он ничему не удивлялся. Его клиенты, подвыпив, тоже вечно жаловались, что им тошно.

— На Дмитровку? А дальше?

«оТстаНь, не ЗнАю я».

— А-а, — протянул Эдя. — Ясно. Слышь, а где... ну шоколадный такой?

Прасковья скривилась и в поиске чистого места перевернула чек на другую сторону. Там было что-то напечатано, но, не смущаясь, она стала писать поверху:

«ЕГо бОльШе неТ».

— Как нет?

«Я РаСсеРдИлась. ОчеНь. Он РаСтАЯл».

Эдя полувопросительно хихикнул. Он не был уверен, что живой человек может растаять.

«он доНоСИл на меНя. Я НаШла у НеГо... НеВаЖно. СКАЖи Мефу, пУсТЬ он будЕт...»

Помада сломалась еще раз. Эдя так и не узнал, что он должен сказать Мефу. Прасковья с досадой топнула ногой. Над головой у нее разлетелись две лампы дневного света. Волосы осыпало мелкой стеклянной пылью.

Прасковья посмотрела на свою ладонь, на которой лежала растертая в кашицу помада. Подняла руку и провела по лицу. От левого глаза ко рту пролегли четыре красных полосы. Потом повернулась и пошла. Из тоннеля как раз выходил поезд. Зигя выбросил фантик от конфетки и догнал ее.

— Мам, мы узе уходим? У Зиги устали нозки! — заныл он.

Прасковья, не глядя, сунула ему ладонь, которую гигант с величайшей готовностью схватил, и повела его в поезд. Зигя семенил и оглядывался.

— Хорошо, что он хотя бы не попросил взять его на ручки, — буркнул Хаврон.

— Странная девушка... Грустная и потерянная, — тихо сказала Аня.

Поезд ушел, унося в свою черную нору будущую повелительницу мрака и ее непутевого сыночка.

Эдя и Аня остались на платформе.

Эдя долго думал, что сказать своему запоздало найденному счастью. Он ощущал, что должен произнести нечто безумно важное. Что-то такое, что станет программой развития их рода на сотню лет вперед. Запомнится детям и внукам. Эдю просто колбасило от ответственности. И вот слова пришли, ясные и точные. Они войдут в анналы. Запишутся россыпью звезд на небосклоне. Станут основой новых созвездий.

Он сунул руку в карман. Из кармана возникло нечто смятое, завернутое в капустный лист.

— У меня есть аргентинская котлета. Я хочу разделить ее с тобой! — сказал он.

Глава 21. Два меча

Мы стремились вкусить плод от древа познания добра и зла — вот и получили, чего возжелали. Познаем теперь добро и зло. Прежде, по замыслу творения, человек существовал в добре

неосознанно. Дышал добром, не зная иного, как рыба знает только воду. Захотели вкусить и постичь — и вот, сбылось: постигли.
И несладко нам от познания Зла.
«Книга Света»

Последний день перед боем Меф не тренировался. Пришедший утром Мошкин был крайне удивлен, обнаружив Мефа не на отжиманиях, не в душе, а полностью одетого и готового к выходу. Евгеша недоверчиво уставился на часы.

— Что-то ты сегодня рано в универ! Может, и мне на первую лекцию пойти, как ты думаешь? В кои-то веки, а?

— А что, у вас не отмечают? — спросил Меф рассеянно.

Евгеша застенчиво зарумянился.

— Катя ведь староста курса, да? А ко второй паре она мне бутерброды делает: один с колбасой, один с сыром. Это правда, что я с сыром больше люблю, да? Ну Катя так говорит.

Меф с Дафной переглянулись. Мошкин был в надежных руках.

— Даф, ты меня проводишь? — спросил Мефодий, когда Евгеша, тоскуя от нарушения распорядка, ушел.

Дафна кивнула и наклонилась, захватывая две самые ценные вещи: флейту и кота. Третья самая ценная вещь качалась в дверях, прося ее проводить.

До метро они шли молча. Москва окончательно сдалась осени и покорно ожидала зимы. Листья были уже собраны в черные мешки, которые грустно стояли вдоль дорог.

Мефу говорить не хотелось. Он только что понял, что это последнее его утро и последний день в университете. За ночь лужи подмерзли, и Меф наступал на трескучий лед. Заточенный в комбинезон Депресняк шипел на прохожих.

— Ты дерешься с Ареем сегодня в полночь! — сказала Дафна, когда буква «М» на павильоне стала отчетливо видна.

Меф вздрогнул и остановился.

— Откуда ты?.. Но кто тебе?..

— Корнелий. До Корнелия — Эссиорх. До Эссиорха — Шмыгалка. До Шмыгалки я прочитала все в твоих глазах. Сегодня ночью в Царицыно будет...

— Людно. Нет, не людно. Стражно, — пасмурно закончил за нее Меф.

Дафна сунула руку в карман. Пальцы нащупали лист пригласительного дерева. Мефодий до сих пор ничего не знал о нем. Она достала его, расправила на ладони. Золотые жуки опять сбились в кучу. В холодной Москве им стало неуютно. Хотелось домой, в Эдем. Дафна медлила их пугать, глядя лист рукой. Может ли сражаться солдат, если знает, что для бегства уже наведены мосты? Простит ли ей Меф, если она скажет? И простит ли он сам себя, если вдруг согласится?

— Что это?

— Красивый лист из Эдема, — быстро ответила Дафна.

Это был действительно лист и действительно из Эдема, но все же она балансировала между правдой и ложью.

— А-а. Понятно... — отозвался Меф. К красивым листьям он относился равнодушно.

Последний университетский день прошел под знаком «никак». Никто не желал принимать во внимание, что сегодня ночью он умрет. Преподаватель Горюхин поставил Мефу жирную точку в свою записную книжку за плохую подготовку к лабораторной, а англичанка накричала, причем почему-то на русском языке. Все же Меф досидел до последней пары и старательно записал домашнее задание, как всегда безумно большое. Насколько Буслаеву было известно, целиком его делала только одна девушка на курсе, да и та была этническая китаянка.

Домой Меф вернулся, когда город уже серел, готовясь к ночи. Вечер прошел скомканно. Мефу казалось: время тащится. Страх разъедал его, тугим кольцом сжимая желудок. Меф знал, что, как только скрестятся мечи, страх уйдет, но для этого нужно дождаться полуночи.

А тут еще притащился Корнелий и, прохаживаясь по комнате, стал готовить его к смерти.

— Видишь коробочку? — оживленно щебетал он. — Я приготовил ее для твоего эйдоса! Мрак его не получит! Это обещаю тебе я, Корнелий, известный под прозвищем ТэТэ — Трепет Тартара!

О таком прозвище Меф слышал впервые.

— А кто тебе его дал? — спросил он подозрительно.

— Я сам! — с самодовольством ответил Корнелий.

— Слушай, Трепет Тартара! Можешь оказать нам огромную услугу? — обратилась к нему Даф.

— Все, что угодно!

— Покарауль, пожалуйста, снаружи! Тут на нас озеленители ополчились. Я думаю, Мефу не нужна драка перед боем с Ареем.

Корнелий с готовностью выскочил из комнаты. Вскоре Меф увидел, как с флейтой в руках он прохаживается перед окнами и, хмурясь, сурово посматривает по сторонам. С баскетбольной площадки доносились песни отдыхающих народностей. Меф подумал, что второму барану не пережить этой ночи. И не только ему.

— Пойдем сделаем хоть одно доброе дело! — сказал он Дафне и выскочил из комнаты. Дафна нагнала его у грузовичка.

Меф огляделся, отогнул брезент и забрался в кузов.

— Вылезай! — велел он барану.

Баран жался к мешкам. Вытолкать его Меф смог только пинками.

— Беги на волю, чувак! В пампасы! — сказал он и свистнул по-чимодановски, в два пальца.

Свист получился разбойничий. Меф был не самый плохой ученик, а Чимоданов — не самый плохой учитель. У Дафны заложило уши. Баран оглянулся и очень шустро — скорее, чем Меф ожидал — затрусил в пампасы, пробегом через прерию. Меф провожал его взглядом, пока он не стал точкой, затерявшейся между домами.

— Провожу-ка я его, пожалуй! А то, сами понимаете, всякое бывает, — виновато объяснил Корнелий и, прихрамывая, побежал за бараном.

Буслаев вернулся в общежитие. Часы перед входом показывали четверть десятого. Меф понял, что пора ускоряться. Дальше он действовал быстро, лихорадочно. Написал матери, что едет учиться за границу, надолго едет, когда вернется, не знает, и адреса точного не знает. Раньше не говорил, потому что не хотел расстраивать.

Письмо получилось не слишком убедительное, даже бестолковое, но все равно лучше, чем ничего.

— Отдашь матери, ну если... сама знаешь. Лучше, конечно, создай морок. Послушное такое растение, которое всегда поддакивает, таскается за хлебом и не грубит, — сказал он Дафне.

— Хорошо.

— Эйдос мой Корнелию не отдавай! Он его потеряет. Лучше, чтобы Эссиорх взял. А сама возвращайся в Эдем! — продолжал распоряжаться Меф. — Нечего тебе в Москве делать. Больше ни к кому в хранители не напрашивайся — сиди там себе спокойно, кушай фрукты.

— Хорошо! — подозрительно мирно поддакнула

Даф.

— И меч мой мраку не отдавай! Обойдутся без него — слышишь! И щит... Эй, ты чего?

Она схватила его за шею, притянула к себе и крепко обняла.

— Ты набитый идиот, Буслаев! Ты подумал: как я буду без тебя, тупица и чурбан?

Меф хмыкнул.

— Люблю критику, когда она в здоровой форме, — сказал он.

* * *

Буслаев угадал. Задолго до полуночи в Царицыне стало стражно и страшно. Последние собачники удирали из парка, ощущая необъяснимый ужас, который пробирался в брючины, в рукава, в сердца, в души. Их четвероногие компаньоны поджимали уши и хвосты.

В стылом воздухе плавали пятна фонарей. Меф приехал в коляске мотоцикла «Урал», который Эссиорх одолжил у своего приятеля Угрюмого. За рулем был сам Эссиорх. Позади него сидела Дафна. Все время, пока они мчались по ночному городу, законопослушно останавливаясь на светофорах, Буслаев ожидал в себе всплеска гнева или хотя бы бодрости и никак не мог дожидаться. Так и буксовал в тоскливой вялости, ощущая себя телком, который едет на бойню.

С одной разницей: телка не спрашивают, а он *сам этого хотел*. Меф ощущал себя как под обстрелом. Мысли одна тяжелее другой прижимали его к земле. Он думал: хоть перед смертью наступит прозрачная ясность, придет цельность. Как же!

Эссиорх обогнул шлагбаум и въехал на пешеходную дорожку. Впереди виднелся подсвеченный прожекторами царский дворец. В дальней части пруда, почти у самых строений, Меф увидел яркий красноватый купол силового поля.

— Временная турнирная арена мрака! Надеюсь, наши проверили ее, чтобы не было всяких штук! — Эссиорх задрал голову.

Большой отряд златокрылых в тяжелых панцирях застыл в небе. С земли он казался неподвижным, чуть вытянутым желтым пятном. Златокрылые не вмешивались, к месту поединка не приближались. Все же держались так, чтобы их хорошо было видно с земли. Гарантия порядочности мрака, который понимает тяжелый кулак лучше других средств убеждения.

Эссиорх подъехал к арене метров на пятьдесят и остановился, заглушив «Урал». Вытащил ключ из замка зажигания и спрятал в карман, буркнув, что не доверяет здешнему народу.

И точно, здешний народец доверия не вызывал. Внутри купола пылали факелы. Снаружи, через равный интервал, тянулась цепочка «мрачных стражей», как напряженно пошутила Дафна. Это были небольшие, быстрые в движениях бойцы из наружной охраны Лигула. Плоские, слизанные адским жаром лица не выражали ни жалости, ни мысли. Одно ожидание приказа.

Тут был не только мрак. В стороне от купола Мефодий разглядел валькирий. Служительницы света стояли боевым полукругом, развернутым к турнирной арене. Оруженосцы держали щиты. Здесь были все: валькирия серебряного копья Ильга, лунного — Ламина, медного — Хола, воскрешающего — Гелата, сонного — Бэтла. Таамаг нетерпеливо поигрывала каменным копьём. Радулга с Хаарой замыкали полукруг в самых ответственных точках. Фулона стояла чуть впереди, готовая, если потребуется, первой метнуть золотое копьё и этим дать сигнал остальным.

Была тут и новая, прежде незнакомая Мефу девушка, сопровождаемая Антигоном, — робкий, долговязый подросток. Было заметно, что она боится. Наконечник копья дрожал. Дафна мельком услышала, как она спросила у Гелаты:

— А что нам делать, если они все сразу бросятся? Их же намного больше!

— Да ничего. Пойдем и быстренько умрем друг за друга! — на полном серьезе ответила Гелата.

— Да не вопрос! Только почему же быстренько? — Таамаг с нежностью поглядела на свое копьё.

Миновав расступившихся валькирий, Меф неожиданно увидел Ирку. Под деревьями стояла коляска, а за коляской — Матвей. Ирка зябко куталась в плед, но была внутренне светлая и спокойная, хотя и грустная. Мефу сложно было определять полутона: он принимал то, что видел, как данность, не закапываясь в нюансы. Поговорив с Иркой (Багров при этом глядел в сторону и посвистывал), Меф повернул к арене.

— погоди! — неожиданно окликнул его Матвей и, когда Меф обернулся, протянул ему

руку.

— Но это с условием, что ты погибнешь! — предупредил Багров, крепко ее стискивая.

Один МБ невесело усмехнулся и пошел к арене выполнять дружеское напутствие другого МБ. Вступая в красный купол, он ощутил лицом неприятную кратковременную клейкость, какая бывает, когда разрываешь паутину. Потом та же паутина сомкнулась за его спиной.

Эссиорх и Дафна его сопровождали. Меф чувствовал, что Дафне здесь неудобно. Она старалась держаться между Буслаевым и Эссиорхом. Вокруг выныривали и сразу исчезали глумящиеся рожи. Покрытые плесенью ведьмы — официантки Лигула — разносили бокалы. Их сопровождала цепочка мух.

— Не хочу! Спасибо! — забывшись, ответил Меф назойливой личности неясного пола, которая, забегая вперед, толкала его в грудь подносом.

Личность охнула и разлетелась вдребезги, внутри оказавшись совершенно прогнившей. Меф бочком нырнул в толпу, потеряв и Дафну, и Эссиорха. Толпа была, как в метро в час пик. Мефа задевали, толкали, вертели. Он задыхался от смрада, но упорно пробивался к центральной части арены.

Арея Меф пока не видел. Чем ближе к центру, тем меньше становилось всяких хмырей и упырей, а за вторым, внутренним кольцом оцепления — молчаливым и суровым, они вообще исчезли. Все больше становилось знакомых личностей. Тут был весь цвет Тартара.

Напомаженный, с завитыми усами, с пальцами, сыпавшими сполохи перстней — Вильгельм Завоеватель брезгливо ковырял хлыстиком землю. Рядом китайский страж Чан — сама скромность — прятал в пухлых щеках хитрые глазки и всем кланялся. В последние годы акции Чана сильно выросли. Эйдосы, которые поставлял его отдел, исчислялись уже миллиардами, а это не шутки. Недаром Лигул, появляясь в собраниях, всегда первым здоровался с Чаном.

Громадный, весь покрытый шрамами новозеландский божок по прозвищу Сын Большого Крокодила, приветствуя пухлого Буонапарте, хлопнул его зубчатым хвостом по жирной спине. Буонапарте поморщился.

— Мон шер! Держите себя в руках! Все эти ваши грубые движения... — процедил он.

Довольный, что досадил Буонапарте, Сын Большого Крокодила захохотал и, взбаламутив воду, нырнул в тихий Царицынский пруд.

Рыжебородый германец Барбаросса вручил южноамериканцу Бельвиазеру карточный должок — двести эйдосов. При этом четверть из них оказалась гнилая — у стражей мрака обман не считался зазорным. Бельвиазер знал привычки коллеги и, отойдя в сторонку, хладнокровно сортировал эйдосы, высыпав их на случайно завалившуюся у него страницу из герценовского «Колокола».

Атила и Тамерлан — некогда гремевшие стражи древности, ныне впавшие у канцеляриста Лигула в немилость — рассуждали о способах казни. Обычная тема стражей мрака, когда других тем нет. Да и мы как бы изворачивались, не будь у нас вечно меняющейся погоды? Ужаснулись бы, поняв, что нам и сказать-то друг другу нечего. Гораздо лаконичнее было бы просто вилять хвостиком.

Страж второго ранга Карл Австрийский кокетничал со своей давней пассией — голландской отравительницей, однако, когда та угостила его чаем, галантно отказался, сославшись на шалющую печень, и поцеловал даме пальчик.

Аида Плаховна Мамзелькина, скромная пенсионерка мрака, явившаяся, чтобы забрать Мефа в момент, когда меч Арея рассекает его, охая, достала из рюкзака раскладной стульчик.

— Я туточки сяду! Подвинься, миленький! Не дыши мой кислород! — велела она важному монгольскому стражу Батыю.

Плосколицый и резкий, Батый оглянулся, начал рывкаться, но сник, стушевался и затерялся в толпе.

С Аидушкой в Тартаре предпочитали не связываться. А то перепутает еще разнарядки.

Арея Меф по-прежнему не замечал, и это начинало его тревожить. Странно, но ему

хотелось видеть Арея. Вместо него за третьим кольцом охраны, куда никто не проходил без приглашения, он заметил Прасковью.

Будущая королева мрака сидела на малом передвижном троне — бледная, с алыми губами — и неподвижно смотрела перед собой. Мефу она показалась похожей на человека, который сорвался в безмерно глубокую расщелину и все падает, падает, падает... Так давно падает, что перестал уже и верить, что у всякой пропасти есть дно.

На ступеньку ниже, похожий на Квазимодо, устроился Лигул. Он строго следил, чтобы все бонзы кланялись Прасковье, а когда кто-то не кланялся, щурился, как кот, и оглядывался на очередного безликого секретаря, который сразу делал пометку в книжечке.

— Здравствуй! — крикнул Меф.

Услышав его голос, Прасковья вздрогнула. Нетерпеливо пошарила глазами в поисках Ромасюсика, вспомнила, что того нет, и... жаркими глазами уставилась на Лигула, первого, кто ей попался. Челюсть у карлика изумленно отвисла. На висках надулись жилы, лицо побагровело.

— **Здравствуй, любимый!** — скрипуче произнес карлик и, зажав себе ладонью рот, яростно оглянулся на Прасковью. Та смущенно опустила глазки. Карл Австрийский уронил в абсент вставную челюсть. Барбаросса перестал хохотать. Мрак зорек: ничего не пропустит.

Меф понял, что второй раз использовать себя как рупор Лигул не даст. В первый он оказался просто не готов, но какая у Прасковьи мощь! А если получит его, Мефа, силы, станет непобедимой.

Глазки у Лигула были тусклыми, но умненькими, как у ростовщика. Взгляд деловито коснулся вначале центра груди Мефа, затем его щита и, наконец, ножен с мечом. При этом Меф был абсолютно уверен, что его меч, а тем более ножны и щит увидеть вообще невозможно.

— Долго заставляешь себя ждать. Повелительница замерзла! — хмуро сказал Лигул.

Меф хотел сказать, что пришел вовремя, но решил, что разумнее будет промолчать. С каждым следующим словом он будет залипать в Лигула все больше, как человек, решивший на четвереньках перебежать болото. Проще остаться на берегу.

Слева от трона, шагах в пяти, Буслаев увидел Улиту. Бывшая ведьма стояла, защитно скрестив на груди руки. В мятном лице ее жили задерганность и неуют.

Меф шагнул к ней. Улита предупреждающе подняла палец и на что-то показала. Буслаев заметил, что на ее шею наброшена петля, от которой тянется синеватая прозрачная нить. Едва заметная, тоньше волоса. Это был знаменитый поводок мрака, который никаким образом невозможно разорвать.

Другой конец нити держал Пуфс. Он приседал, согнув колени, и смотрел на трон Лигула с такой сладостью, будто его лицо целую ночь вымачивалось в банке с вареньем. Идеальный подчиненный. Правда, споткнись начальник и упади — он первый наступит ему на голову и побежит за новым. Но зачем же думать о печальном, пока все хорошо?

Послышался шум. Оглянувшись, Меф увидел, что охрана, не получившая приказа от отвлекшегося Лигула, пытается не пропустить Арея. Тот как будто ничего и не сделал, даже к мечу не потянулся, но страж, стоявший прямо перед ним, рухнул. Переступив через него, Арей спокойно прошел в образовавшуюся брешь и направился к трону.

Горбун, опомнившись, замахал ручкой, успокаивая охрану.

— Такой день, такой день! — сладко пропел он. — Кстати, а которой час?

— Полчаса до четверга.

Лигул изумленно приподнял бровки. Он выглядел приятно изумленным.

— В самом деле? Значит, до пятницы успеваем?

— Если не затягивать, можно успеть и до четверга, — разомкнув губы, процедил Арей.

Лигул удивился еще больше. Вот уж точно, был день сюрпризов.

— А к чему такая спешка, Арей? Торопишься к... Барон мрака, не отрываясь, смотрел на него. Нет,

Лигул не оставит Варвару в покое. Будет вечно использовать ее, как рычаг давления и

шантажа.

— ... своему одиночеству? — коварно поправился горбун. — Ну почему бы и нет? Я вот и Пуфсу говорю: «Зигги, не загружай Арея рутинной работой! Он нужен нам для больших дел!»

Пуфс торопливо заулыбался и закивал. Он готов был подтвердить все, что угодно. Невежливо не дослушав горбуна, Арей повернулся к Мефу.

— Ты приготовился умереть, синьор-помидор? — серьезно спросил он.

Меф молча швырнул ему в грудь ту самую железную перчатку, возвращая ее. Он знал: если заговорит с ним сейчас, не сможет потом всерьез рубиться.

— Значит, приготовился! — серьезно подтвердил Арей. Перчатка, ударившая его чуть выше висевшего дарха, соскользнула в приподнятую ладонь.

Меф искоса бросил взгляд на трон Лигула. Поднимать глаза выше он не рискнул, чтобы его мысли не были считаны, а остановил их на ногах карлика. Лигул был от него метрах в шести. Между Мефом и Лигулом, у подножия трона, замерли два охранника с маленькими круглыми щитами — верные псы Лигула. Один из них цепко смотрел на Мефа, зато другой, отвернувшись, разглядывал что-то, происходящее слева от трона.

Дальше все произошло мгновенно. Прежде Мефодий ни к чему такому не готовился.

«Если я знаю, что все равно умру, то почему бы мне не...» — И, не давая себе даже додумать эту мысль, потому что на это ушли бы драгоценные мгновения, он рванулся к Лигулу.

Движения были точны, как у гепарда. В его руке еще не было меча. Он возник, когда нога коснулась ковровой дорожки, тянувшейся до самого трона. Клинок вспыхнул сразу, как молния. Все происходило быстро, очень быстро. Тот страж, что отвернулся, только еще поворачивал голову. Второй дернулся навстречу Мефу, поднимая короткий меч. Буслаев понял, что если примет бой, потеряет время. Он прыгнул на того стража, что пока не видел его, и сшиб его с ног. Пробежал по нему, оттолкнулся ногой от загрохотавшего щита — и вот он уже на ступеньках трона.

До Лигула было рукой подать. Меф был уверен, что его не остановит даже арбалетный болт. А если остановит его, то не остановит клинок, который все равно вопьется в карлика. Краем глаза Меф видел, что охрана карлика запоздало пришла в движение. Что ж, успевайте, голубчики!

Страж, с которым Меф не вступил в бой, метнул короткий меч ему в спину. Буслаев ощутил, как что-то резануло его между лопатками напротив сердца, а потом сразу — совсем необъяснимо — по мышцам плеча. Охранник не промахнулся, но невидимый щит Мефа отклонил удар. Все же Меф на миг потерял равновесие.

Лигул пискнул и, резво отпрыгнув, спрятался за Прасковью. Ступенька трона, на которую Меф почти наступил, чтобы нанести Лигулу быстрый укол, предательски выскользнула из-под ноги. Буслаев запоздало осознал, что кто-то дернул под ним ковер. В следующее мгновение он ощутил, что лежит на животе, позорно уткнувшись носом в ступеньки, а на спине у него сидит Арей.

Лигул, щерясь, как хорек, поспешно скатился с трона, укрывшись за спинами у охраны. К Мефу рванулось сразу с десятков стражей, однако Арей, зарывав на них, как пес, замахнулся мечом. Стражи отхлынули, сгрудившись вокруг своего хозяина.

На возвышении у трона остались только трое — Арей, Меф и Прасковья. Прасковье кричали, чтобы она уходила, но, присев на корточки, она гладила волосы Мефа, точно прощалась с ним навсегда.

Убедившись, что Лигул успокоился, не вопит и не плюется, Арей слез со спины у Мефа и поставил его на ноги. Буслаев ладонью коснулся носа, проверяя, не идет ли кровь. Арей, спеша сбить его с ног, слишком сильно притиснул его лицом.

— Ты начинаешь входить во вкус, синьор-помидор! — с одышкой сказал Арей. — Вначале Троил, теперь вот хотел и Лигула... Надо же и меру знать, в конце концов!

Буслаев слепо оглянулся на него.

— Зачем вы...? Я же почти уже... — спросил он, дрожа голосом.

— Долго объяснять! Если кратко: это наша местная достопримечательность, — сказал Арей.

Меф оглянулся и увидел, что Эссиорх, тоже прошедший внутрь купола, даже не пытается вмешаться и помочь ему. А ведь вроде не трус.

— Не удивляйся! Он не дергается, потому что знает, — объяснил Арей.

— Что знает?

— Никто из наших не может убить тебя, пока ты с эйдосом. Ну, за малым исключением... — Мечник красноречиво царапнул пальцем по твердому кожаному нагруднику. — Отряхивайся, синьор-помидор. Идем!

Больше Арей не прятал своего меча. Небрежно нес его в руке, за середину лезвия, точно торговец-оружейник, который идет прятать не подошедший покупателю товар. Перед Ареем охрана Лигула расступалась. Меф пропустил Арея вперед и пристроился за ним, как за ледоколом. Он не оглядывался. Спину ему жгли огненные глаза Прасковьи.

О чем-то вспомнив, Арей направился к Улите, которая, как привязанная собачка, стояла рядом с Пуфсом, и негромко окликнул ее. Подчиняясь взгляду Арея, Пуфс отодвинулся, не выпуская поводка.

Меф не слышал, что Арей ей сказал. Видел только, что Улита демонстративно повернулась к Арею спиной, потом, изменив позу, все же взглянула на него и, наконец, неохотно протянула руку. Арей уронил ей что-то на ладонь.

— Ну вот и все! Все сегодняшние дела закончены. Остался последний мелкий штрих... — сказал Арей, приглашающе кивая Мефу на арену.

Тот в последний раз нашарил глазами Дафну, зная, что во время боя уже не сможет видеть ее. Даф стояла застывшая, бледная, впервые за долгое время некрасивая, с опухшими глазами. И плевать ей, что плакать на ветру нельзя — уже все можно. Заметив, что Меф смотрит на нее, она попыталась ободряюще улыбнуться, однако улыбка была так жалка, что честнее было бы просто оскалиться.

Дафна сжала кулак. Ткнула большим пальцем себя в грудь, а мизинцем в Мефа. На их внутреннем языке это значило: я тебя люблю.

Семьсот суккубов, незаметно наблюдавшие за ними, внесли этот жест, а заодно обветренность скул и красные прожилки в глазах, в книжечки для обогащения репертуара. Мало кто знает, но сами суккубы холодны как селедки, зато охотно пользуются чужими наработками.

Арей свистнул, поторапливая Мефа.

— Давай, дружок! А то еще расплачешься... ненавижу мочить меч в слезах.

Они вышли на центр арены. Ее уже отделяла от зрителей борозда, которую прочертил плугом слепой белорогий бык. Когда борозда была завершена, быка заколол мечом опытный мясник Барбаросса. Бык, пошатнувшись, упал на колени. В ноздрях у него закипели розовые пузыри.

— Готово! — взвизгнул Барбаросса и, вспрыгнув коленями на быка, выдернул застрявший меч. Клинок выбило из раны струей крови толщиной в руку. Горячая рана дымилась на холоде. Рыжая борода Барбароссы пылала. Кровь, которой оказалось очень много, точно ртуть растеклась по борозде, пока не замкнула круг.

Лигул подал знак. Бельвиазер вырвал у кого-то факел и коснулся круга. Ровное белое пламя пробежало по кровавой дорожке, поднялось до уровня пояса и застыло, как низкий ледяной забор. Бельвиазер, демонстрируя, провел над забором длинной дуэльной рапирой, и она мгновенно вспыхнула, прогорев и обломившись. Эссиорх метнулся к Лигулу, но врезался в сомкнувшиеся круглые щиты его охраны.

— Что это за пламя? Зачем оно? — крикнул он. Лигул погрозил ему пальчиком.

— Всего лишь страховка! Мне не нужны копыя валькирий, как это было с Гопзием. В этот круг больше никто не войдет, а выйдет из него только один. И не раньше чем бой будет закончен и один из соперников умрет... Или оба — от голода и жажды.

— А правила?

— О, они простые. Правил нет. Есть два меча, два бойца. Нужен один труп. Оружие побежденного наследует победитель. Все!

Лигул уронил платок, вспыхнувший под взглядом Прасковьи. Горнисты мрака, дуга медные щеки, захрипели двухметровыми горнами. Меф точно в полусне понял, что бой начался. Мрак улюлюкал, визжал, торопил. Сплюснутые, шрамами покрытые рожи облепили ограду.

Ближневосточные джинны, клянясь чем попало, принимали ставки. Ставок на Мефа почти не было, и джинны, быстро выкрутившись, принимали пари на другое: куда меч Арея нанесет первую рану. В ногу? В голову? В туловище?

— Ставлю триста на укол в сердце! — разомкнул губы Буонапарте.

— Не в сердце, а в глаз! В левый! — оспорил Сын Большого Крокодила и полез к Наполеону со своей громадной ладонью, которой тот осторожно коснулся двумя надутыми пальчиками.

— Рубящий удар! Пятьсот! — кровожадно выкрикнул Барбаросса.

Арей точно ничего не слышал. Он неторопливо прохаживался по арене, выставив меч кабаньим клыком. Он шагал с ленцой крупного зверя, не спешащего атаковать и знающего, что добыча от него не уйдет. Меф был удивлен. Обычно Арей атаковал сразу и убивал противника скорее, чем тот успевал вспомнить, чему учили его знаменитый маэстро Джордж Сильвер или четырехрукий горский божок Феркан, сноровисто работавший катаной, топором и сдвоенными кинжалами.

Теперь же Арей явно чего-то ждал. Меф, приготовившийся уходить от него быстрыми перемещениями, был сбит с толку. Глупо убежать от противника, который держит меч, как старик, собравшийся рубить капусту.

— В чем дело, синьор-помидор? Не хочешь напоследок обрадовать меня красивым боем? — с издевкой спросил Арей и вдруг, скользнув клинком вперед, попытался уколоть Мефа в лоб.

Меф отбил этот удар потому только, что его вечно применял Мошкин. Правда, шестом. Арей мгновенно зацепился за его защиту, проломил и боковой частью меча несильно ударил Мефа по щеке. Меф понял, что это приглашение к бою.

— Ну, шевелись, женишок Прасковьи! Или тебя зарезать, как курицу?

Кровь бросилась Мефу в голову. Страх ушел. Если в первые секунды он напрягался, то теперь весь отдался бою.

Недоверие к мечу, льдинкой коловшее его в первые секунды, исчезло. Меч снова был его частью. Усиленный ножами, он порхал как птица. Мефу казалось, он сражается рукой, в которой зажат лунный луч. Меч менял форму, обтекая клинок Арея, но всюду встречал глухую защиту. Меч Арея был сразу везде. Казалось, у барона мрака восемьдесят рук и каждая держит клинок.

Меф дрался не только мечом, но и локтями, коленями, головой. Не упускал случая придержать руку Арея, чтобы подарить своему мечу лишнюю секунду. Готов был драться даже зубами — но случая пустить их в ход пока не предоставлялось.

Арей бился яростно и холодно. Двуручником он работал с проносом, используя его вес и инерцию. Резко атаковал, быстро менял стойки. С переводом меча вниз едва не оставил Мефа без *ступни* и сразу без жалости атаковал его навершием в скулу. Буслаев упал, перекатился и вскочил. В голове гудело. Глаз мгновенно закрылся. Мефу казалось: на месте скулы у него ледяной камень.

Порой, в короткие затишья, когда они отступали друг от друга, Меф удивлялся: да как же это? Время бежит, а он все еще жив. Это могло означать только одно: Арей не спешил. Да, на полную, да, без пощады, но не совсем. Грань была тонкой, и ощущал ее только Меф, хорошо знавший бывшего учителя. Состояла грань в том, что Арей сражался, а не убивал, как делал это всегда. И все это время Меф видел его испытующие, очень спокойные глаза.

Меф нанес мечом ложный удар в голову и быстро перевел его вниз. Он знал, что Арей

терпеть не может скакать. Он слишком грузен для гимнастики. Арей и сейчас не стал прыгать, а просто разорвал дистанцию. Он считывал движения Мефа и путал его карты, вовремя делая нужный шаг — как правило, на сближение или в сторону. И Меф вынужден был перестраивать атаку или отступать.

«Сложная тактика в бою нужна там, где нет короткого пути», — эти слова Арея Меф много раз проигрывал про себя, но они ничего ему не давали.

Вот и сейчас получалось, что Арей дерется просто, экономно и внешне неброско. Меф же каждую секунду вынужден выделять козлиную гимнастику, перекаты, кувырки. Если бы такое показывали в кино, зритель сделал бы вывод, что молодой каскадер вытягивает недостатки грузного актера, который и драться-то толком не умеет. На деле же все было наоборот: гимнастика возникала потому, что Меф понятия не имел, куда пойдет меч, от которого ему нужно спастись.

Неожиданно Арей, прижавший Мефа к застывшему льдом огню, отступил, позволив Буслаеву вновь переместиться в центр круга.

— Все же ты кое-чему научился, синьор-помидор! — похвалил Арей, отдуваясь. — С тобой приятно иметь дело! Но скоро долгожданный финал!

— А? — непонимающе переспросил Меф, и сразу ему пришлось отбивать серию из двух колющих и одного рубящего. Третий колющий, играючи посланный вдогонку, вспорол ему кожу на груди. И вновь Меф не знал: помог ли невидимый щит, подставившийся под удар, или сам Арей придержал руку.

Мечник поймал затравленный взгляд Мефа, усмехнулся, резким движением головы закинул за плечо бороду и стал ускоряться. Меф уже не замечал клинка Арея, а лишь угадывал его по движению плеча и резкому, разрубающему воздух звуку. Казалось, Арей режет стылую ночь, как масло, толстыми ломтями. Меф не успевал думать о нападении — только о защите. Отступал, скользил вокруг Арея, забегал под его левое плечо, стараясь быть неудачной мишенью. У него заканчивался воздух.

Удар, удар, еще удар. Порой Меф слышал глухой звук — это клинок Арея, обманывая его защиту, врзался в щит. Арей, чуть сместившись и пропустив клинок Мефа у своего лица, нанес сильный удар в средний уровень. Меф ощутил, как щит, которого только что словно и не существовало, проломленным падает с его левой руки.

Арей откинул щит ногой и добил быстрым уколom, словно щит был живой. Клинок пронзил прекрасное лицо золотой женщины. И сразу Меф понял, что задыхается. Казалось, вся накопившаяся усталость разом навалилась на него. Меч обрел вес. Он не порхал уже, а тяжелой оглоблей давил руку к земле. Больше всего устала кисть.

От трона Лигула прокатилась узкая багровая волна, сожгла с десятков комиссионеров и ударилась в защиту, не повредив ей. Лигул погрозил Прасковье пальцем.

Каждый новый удар Арея отдавался в плече болью. Меф мечтал только о передышке. Точно не замечая всего этого, Арей продолжал наращивать темп.

— Запомни, синьор-помидор, корень всех бед в жалости к себе! — азартно крикнул он и, видя, что оглохший от усталости Меф не понимает его, повторил последние слова еще раз.

Ощувив перелом боя, мрак заулюлюкал. Ближневосточные джинны охрипли, не успевая принимать пари. Теперь ставили на финальный удар и на время. С остальным было ясно.

Меф ощутил, что сдает. Вот они — слова Арея о долгожданном финале. Арей хочет убить его, когда он, окончательно обессилев, внутренне сломается и сам шагнет под меч, как загнанный олень радуется вцепившимся ему в горло собакам.

Меф решил, что умрет не так. Пусть это будет на встречной атаке. Перестав пятиться, он закричал, едва не разорвав в крике голосовые связки, и кинулся вперед. Это была лучшая его коронка, подсказанная все тем же Ареем и известная тому до мелочей.

Колющий, сразу рубящий. Средняя стойка — вертикальный удар сверху. Арей защитился «окном», вскинув меч на уровень лба. Еще одна атака. Арей легко сбросил клинок, соскользнувший по наклонно подставленному лезвию. На это Меф и рассчитывал.

Позволив своему клинку продолжать движение, он пробежал мимо Арея и, оказавшись за его спиной, бросил меч назад страшным круговым ударом, который невозможно было остановить без проноса.

Меф знал, что Арей сейчас подсядет, чтобы не тратить время на блокировку, и пошлет свой меч с другой стороны таким же ударом.

Меч Арея уже мчался к шее Мефа. Буслаев дернулся вниз, зная, что критически не успевает. Едва заметно вильнув, клинок Арея плашмя хлестнул его по взметнувшимся вверх волосам. Клинок же Мефа, который должен был встретить только воздух, почему-то не встретил его. Он врезался Арею над ключицей, преодолел короткое сопротивление плоти и пронесся дальше. Меф перекатился и принял защитную стойку, готовый отражать новые удары. Но их не было. Его никто больше не атаковал.

Тело Арея еще стояло, но уже без головы — незнакомое, непривычно короткое. Потом покачнулось и на скрещенных ногах упало туда, где только что находился Меф. Арей почему-то не подсел, не сделал того, чему сам — десятки и сотни раз — учил Мефа. Допустил невозможную для профессионала ошибку. Буслаев готов был поклясться, что за четверть секунды до того, как его меч рассек Арею сонную артерию, разрубил позвоночник и снес голову, мечник чуть подмигнул ему.

Меф повернулся и пошел на подламывающихся ногах, сам не ведая куда. Свой длинный меч он тащил за собой, и тот, как палка, царапал песок. Стена ледяного огня с треском опала, когда Меф, не помня о ней, врезался в нее. Стояла страшная тишина. Из запрокинувшихся весов у крайнего джина струйкой вытекали эйдосы. Лигул, в первые секунды оцепеневший, зашевелился на троне, как проснувшийся паук. Видя впереди толпу, Меф повернул назад.

Что-то громоздкое мешало ему. Меч. Он смотрел на него и чувствовал, что клинок стал чужим. Просто заточенная железка, если разобраться. Их связь нарушилась, лопнула, как пуповина. Не понадобилось даже слов отречения. Меч и Меф сами отшатнулись друг от друга, как испуганные воры, случайно совершившие убийство.

Меф размахнулся — широко и словно неумело — и с силой отбросил меч. Он полетел по дуге. Толкаясь на вершине и острием, как живой, пробежал несколько шагов, упал и замер в пыли. Решив, что меч достанется первому, кто возьмет его, рыжебородый Барбаросса попытался его поднять, но охнул: клинок, искривившись как хлыст, до кости рассек ему ладонь.

Мефодий вернулся к телу Арея. Сел рядом. Так он и сидел у тела, не глядя ни на Арея, ни на его клинок, а только на песок. Он не радовался тому, что остался жив, а полностью отдавался заполнившему его безмыслию. Потом поднял голову и твердо посмотрел на того, кого только что зарубил.

Тело Арея пока сохраняло форму, но быстро распадалось, как это всегда происходило с телами стражей. Пройдет несколько минут — и оно совсем исчезнет. Откатившаяся голова лежала в стороне, лицом к ночному небу. Лицо было спокойным, губы чуть улыбались. Только срез с частью шеи был страшным.

А Меф все никак не мог оторвать от него глаз.

«Показал мне, что победил, когда проломил щит, а потом отдал за хменя жизнь!» — подумал он, ощущая себя не только убийцей, но и бесхарактерным слабаком, который не смог умереть сам.

— Осторожнее! — тихо сказал кто-то рядом. — Только случайно не подумай, что он сделал это для тебя. Арей понял, что для него это единственный путь. Ты стал только оружием.

Меф угадал за плечом Эссиорха. Ему не хотелось сейчас ни с кем говорить: ни с Дафной, ни с хранителем Хрустальных Сфер. Только один вопрос грыз его.

— Что... будет... с Ареем... теперь? Он же не мог умереть? Я имею в виду сущность, — глядя на осыпающийся срез шеи, спросил Меф.

— Не знаю, — просто ответил Эссиорх.

Меф не поверил. Он любил определенность.

— Ты — и не знаешь? И никто не знает?

— Ты забываешь, что не я сотворил небо и землю. И даже не генеральный страж Троил, — тихо ответил Эссиорх.

— А предположить? — напирал Меф.

— Предположение — это уже часть нашей мечты. Но предположить все же рискну. Арей сделал невозможное для мрака и, быть может, будет возрожден для света. Но случится ли так, не знает никто.

Меф тяжело поднялся и подошел к раздувшемуся от эйдосов дарху Арея, соскочившему с перерубленной шеи. Он никогда бы не вспомнил о нем, если бы не увидел, как один из мелких стражей-канцеляристов подбегает к телу на четвереньках, как пес. А за ним, точно тараканы, спешат еще несколько.

Зная, какая судьба его ждет, дарх пытался зарыться в песок. Меф нашел его по краю цепи. Потянул за цепь и, будто морковку, выдернул из песка.

Меф много раз видел, как Арей разбивает дархи. Обычно они корчились, но не больше, чем пиявки. И никогда ни один дарх не сопротивлялся так, как этот. Он сражался, как его хозяин. Уклонялся, жалил, путал ногу цепью. После Меф насчитал в каблуке три укола. Но все же это был всего лишь дарх, и бой он проиграл...

Кинжала, чтобы срезать и расколоть дарх, у Мефа не было, и он использовал кинжал, снятый с пояса Арея.

«Вот уж судьба! Сколько дархов он срезал этим самым кинжалом, а теперь этот же кинжал добрался и до его дарха», — подумал Меф удивленно.

Не зная, куда высыпать эйдосы, Буслаев сыпанул их себе на ладонь. Так и стоял, точно нищий, которому плеснули в горсть золотого песка. Он не подозревал, что эйдосов будет столько. Одна из лучших коллекций мрака, уступавшая только коллекции Лигула, лежала у него на ладони. Он боялся шевельнуться, чтобы не просыпать. Ладонь была полной до краев. Боль, терзавшая эйдосы целую вечность, прекратилась, и эйдосы, не веря этому, сияли, спеша насладиться каждой секундой передышки.

Барбаросса за погасшим ледяным кругом исторг хриплый выдох. Меф ощущал, что тот готов броситься на него, но не бросится. Не дано ему его тронуть. И поэтому Меф спокойно повернулся к нему спиной, отыскивая глазами того, кто был ему нужен. Адская мелочь отступила еще раньше, отогнанная холодным блеском копий валькирий. Стражи посolidнее сдерживали себя, хотя и смотрели неотрывно, тяжело. Эйдос побежденного — трофей победителя.

Позвав Эссиорха и раскрыв его руку, Меф с облегчением высыпал на нее эйдосы. Несколько штук прилипли к влажной коже. Меф бережно счистил их мизинцем, стараясь, чтобы ни один не упал на землю. Дело сделано.

«Арей бы, конечно, не обрадовался», — устало подумал Буслаев и тотчас, в подтверждение своей правоты, споткнулся о валявшийся меч Арея.

Вспомнив, что Дафна говорила ему, будто для исцеления раны Троила нужен меч мрака, Меф наклонился и осторожно коснулся его, проверяя, позволит меч взять себя или нет. Оставшийся без хозяина клинок был послушен. Меф поднял его и протянул Эссиорху.

— Возьми! Пусть доставят в Эдем... Никто другой все равно не сможет им биться... слишком он ареевский.

Эссиорх взял двуручник Арея и, закинув его на плечо, направился к Улите. Карауливший ее Пуфс был без своего громильного тела, и потому меч в руке у Эссиорха очень его встревожил.

— А ну пошла! Шевелись! — взвизгнул он и, отступая в толпу стражей, дернул руку с зажатым поводком.

Поводок натянулся. Лицо Улиты исказилось, готовое к боли. Послышался звук, похожий на звук лопнувшей веревки. Пуфс недоверчиво уставился на свои пальцы — такого просто не могло быть. Мягкое лицо дрожало как желе: он не понимал, в чем дело.

— Бесполезно! — Эссиорх протянул Улите руку.

Улита, со счастливым и удивленным лицом, сделала к нему шаг. Остановилась. Стряхнула с шеи остатки прилипшей нити. Пуфс трусливо отступил за спины охраны Лигула и выглядывал, просунув голову между щитами.

Улита за локоть оттащила Эссиорха в сторону.

— Как ты это сделал? Поводок мрака не мог порваться!

— Я долго разбирался с договором. Он был заключен не с мраком напрямую, а с мраком через Арея. Ближе к концу встретилась оговорка, что ты, как секретарша, освобождаешься от службы при условии смерти работодателя. А теперь у тебя еще и эйдос. Понимаешь?

Улита сглотнула. Когда счастье приходит слишком скоро, ему не веришь. Оно кажется украденным и временным. Внезапно Улита лихорадочно сунула руку в карман, стала спешить, надорвала подкладку.

— Что ты делаешь? — забеспокоился Эссиорх.

— Ничего! Какая же я балда! Арей дал мне это, а я думала... Он сказал: «В бою мне будет мешать. Если я забуду взять — отдай Варваре!»

Бывшая ведьма разжала пальцы. На ладони лежал поцарапанный медальон.

— И ты ничего не заподозрила?

— Нет, ничего... Лигул не оставил бы Варвару в покое. И теперь не оставит! — тихо добавила Улита.

Эссиорх мотнул головой.

— Возможно. Но тронуть ее могли только через Арея. А рядом с Ареем — под его влиянием — граница эйдоса постоянно смещалась. Теперь все будет зависеть только от самой Варвары.

Алый купол погасал, рассеивался, превращаясь в ночную муть. Трон Лигула опустел. Никто не заметил, куда и когда сгинул сам горбун. Перед исчезновением он, щуря красноватые глаза, посмотрел на Мефа и не то мстительно улыбнулся, не то скривился — кто его знает, что означало это дрожание губ.

На троне осталась одна Прасковья. Она стала было рваться к Мефу, но ее увела деловитая Аида Мамзелькина. На ходу Аидушка что-то ей втолковывала, сухим пальчиком касаясь щеки Прасковьи.

Стражи мрака мало-помалу пропадали. Первым после Лигула растворился Буонапарте, как всегда великолепно презрительный, похожий на обиженного на жизнь пингвина-умняшку. За ним с грохотом, с дымом, сгинули Барбаросса, Аттила и Тамерлан. Китайский страж Чан закончил сгребать в мешочек выигранные эйдосы.

Похожий на ищейку Бельвиазер покрутился вокруг Мефа, ерзая тонким породистым носом.

— Лучше долго не задерживайся на этом свете — мой тебе совет, — сказал он участливо. — Тогда твой эйдос, ну сам понимаешь... А так — кто его знает? Силы-то в тебе остались, и Прасковья не коронована.

— Я подумаю над вашим предложением, — сухо ответил Меф.

Бельвиазер без обиды пожал плечами и растаял, превратившись в изящный дымок.

Меф оглянулся. Арей уже исчез, точно его и не существовало никогда. Буслаев пошел вдоль темного ночного пруда. Дафна нагнала его. Не оборачиваясь, Меф протянул руку и ощутил ее теплую ладонь.

Меф понял, что будет идти к свету. Просто идти с упорством, которое всегда его отличало. В серое промозглое утро, в жару, в дождь. Когда будут силы и когда они исчезнут. Идти без спешки, чтобы не перегореть, но и без отдыха, чтобы не позволить себе расслабиться. Не думая о том, сколько пройдено и сколько осталось пройти. Перед собой он вновь видел ту самую питерскую лестницу на Большом проспекте — только она теперь выросла и состояла из тысяч ступеней. Каждая мысль — ступень. Каждый поступок — ступень. Каждое дыхание — тоже ступень.

И всегда с ним рядом будет Дафна.